

МОЛОДОЙ

ISSN 2072-0297

УЧЁНЫЙ

научный журнал

Man, being the servant and interpreter of Nature, can do and understand so much and so much only as he has observed in fact or in thought of the works of nature. Beyond this he neither knows anything nor can do anything.

OF THE
ADVANCEMENT
AND
PROFICITY
Learning
OR THE
PARTITION
OF THE
SCIENCE
Nine Books

Written in Latin

The understanding left to itself, in a sober, patient, and grave mind, especially if it be not hindered by received doctrines, tries a little that other way, which is the right one, but with little success, since the understanding, unless directed, or assisted, is a thing unequal, and quite unequal to the obscurity of things.

Baron of
Francis Bacon

Toward the effecting of works, all that man can do is to put together or put asunder natural bodies. The rest is done by nature working within.

11
2015
Часть XV

ISSN 2072-0297

Молодой учёный

Научный журнал

Выходит два раза в месяц

№ 11 (91) / 2015

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор: Ахметова Галия Дуфаровна, *доктор филологических наук*

Члены редакционной коллегии:

Ахметова Мария Николаевна, *доктор педагогических наук*

Иванова Юлия Валентиновна, *доктор философских наук*

Каленский Александр Васильевич, *доктор физико-математических наук*

Лактионов Константин Станиславович, *доктор биологических наук*

Сараева Надежда Михайловна, *доктор психологических наук*

Авдеюк Оксана Алексеевна, *кандидат технических наук*

Айдаров Оразхан Турсункожаевич, *кандидат географических наук*

Алиева Тарана Ибрагим кызы, *кандидат химических наук*

Ахметова Валерия Валерьевна, *кандидат медицинских наук*

Брезгин Вячеслав Сергеевич, *кандидат экономических наук*

Данилов Олег Евгеньевич, *кандидат педагогических наук*

Дёмин Александр Викторович, *кандидат биологических наук*

Дядюн Кристина Владимировна, *кандидат юридических наук*

Желнова Кристина Владимировна, *кандидат экономических наук*

Жуйкова Тамара Павловна, *кандидат педагогических наук*

Игнатова Мария Александровна, *кандидат искусствоведения*

Коварда Владимир Васильевич, *кандидат физико-математических наук*

Комогорцев Максим Геннадьевич, *кандидат технических наук*

Котляров Алексей Васильевич, *кандидат геолого-минералогических наук*

Кузьмина Виолетта Михайловна, *кандидат исторических наук, кандидат психологических наук*

Куташов Вячеслав Анатольевич, *доктор медицинских наук*

Кучерявенко Светлана Алексеевна, *кандидат экономических наук*

Лескова Екатерина Викторовна, *кандидат физико-математических наук*

Макеева Ирина Александровна, *кандидат педагогических наук*

Матроскина Татьяна Викторовна, *кандидат экономических наук*

Мусаева Ума Алиевна, *кандидат технических наук*

Насимов Мурат Орленбаевич, *кандидат политических наук*

Прончев Геннадий Борисович, *кандидат физико-математических наук*

Семахин Андрей Михайлович, *кандидат технических наук*

Сенюшкин Николай Сергеевич, *кандидат технических наук*

Ткаченко Ирина Георгиевна, *кандидат филологических наук*

Яхина Асия Сергеевна, *кандидат технических наук*

На обложке изображен Фрэнсис Бэкон (1561–1626) — английский философ, историк, политик, основоположник эмпиризма.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна. Материалы публикуются в авторской редакции.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231. E-mail: info@moluch.ru; <http://www.moluch.ru/>.

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый»

Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», г. Казань, ул. Академика Арбузова, д. 4

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г.

Журнал входит в систему РИНЦ (Российский индекс научного цитирования) на платформе elibrary.ru.

Журнал включен в международный каталог периодических изданий «Ulrich's Periodicals Directory».

Ответственные редакторы:

Кайнова Галина Анатольевна

Осянина Екатерина Игоревна

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, *кандидат филологических наук, доцент (Армения)*

Арошидзе Паата Леонидович, *доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)*

Атаев Загир Вагитович, *кандидат географических наук, профессор (Россия)*

Борисов Вячеслав Викторович, *доктор педагогических наук, профессор (Украина)*

Велковска Гена Цветкова, *доктор экономических наук, доцент (Болгария)*

Гайич Тамара, *доктор экономических наук (Сербия)*

Данатаров Агахан, *кандидат технических наук (Туркменистан)*

Данилов Александр Максимович, *доктор технических наук, профессор (Россия)*

Досманбетова Зейнегуль Рамазановна, *доктор философии (PhD) по филологическим наукам (Казахстан)*

Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, *доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)*

Игисинов Нурбек Сагинбекович, *доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)*

Кадыров Кутлуг-Бек Бекмуратович, *кандидат педагогических наук, заместитель директора (Узбекистан)*

Кайгородов Иван Борисович, *кандидат физико-математических наук (Бразилия)*

Каленский Александр Васильевич, *доктор физико-математических наук, профессор (Россия)*

Козырева Ольга Анатольевна, *кандидат педагогических наук, доцент (Россия)*

Куташов Вячеслав Анатольевич, *доктор медицинских наук, профессор (Россия)*

Лю Цзюань, *доктор филологических наук, профессор (Китай)*

Малес Людмила Владимировна, *доктор социологических наук, доцент (Украина)*

Нагервадзе Марина Алиевна, *доктор биологических наук, профессор (Грузия)*

Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, *кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)*

Прокопьев Николай Яковлевич, *доктор медицинских наук, профессор (Россия)*

Прокофьева Марина Анатольевна, *кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)*

Ребезов Максим Борисович, *доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)*

Сорока Юлия Георгиевна, *доктор социологических наук, доцент (Украина)*

Узаков Гулом Норбоевич, *кандидат технических наук, доцент (Узбекистан)*

Хоналиев Назарали Хоналиевич, *доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)*

Хоссейни Амир, *доктор филологических наук (Иран)*

Шарипов Аскар Калиевич, *доктор экономических наук, доцент (Казахстан)*

Художник: Шишков Евгений Анатольевич

Верстка: Голубцов Максим Владимирович

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Аверкова О. В., Яковлева В. С.

Особенности перевода метафор с английского на русский язык на примере романа Харпер Ли «To kill a mockingbird» — «Убить пересмешника» в переводе Норы Галь и Раисы Облонской1539

Аверкова О. В.

Актуальные значения слова «баба» для современных носителей русского языка (по данным Национального корпуса русского языка на материале основного, устного и диалектного подкорпусов)..... 1542

Агеев И. О., Куимова М. В.

Ложные друзья переводчика (на примере темы «Образование») 1545

Алексеева А. В., Гредина И. В.

Модели формирования терминосистем в области нанотехнологий и наноматериалов в английском и русском языках 1546

Алексеева М. Г.

Чинглиш как результат культурной глобализации 1550

Артёмина Ю. А.

Функции прецедентных феноменов в художественном тексте (на материале романа В. Пелевина «Числа») 1553

Асадуллина Л. И.

К истории вопроса: способы выражения категории числа имени существительного в селькупском языке..... 1555

Асадуллина Л. И.

Морфологические показатели категории числа имени существительного в мордовских, марийских языках и языках пермской группы..... 1558

Асадуллина Л. И.

Морфологические показатели категории числа имени существительного в языках угорской группы в сопоставлении с числовыми показателями в селькупском языке..... 1560

Ахмади М., Гамарпур Т.

Изучение русских глаголов движения с приставкой под- и способы её выражения в персидском языке..... 1563

Ачилов Н. К.

Образ Гуругли в узбекских народных эпосах и его идейно-художественные особенности 1567

Барышникова О. Г.

«Прародительница» Ф. Грильпарцера в журнале «Московский Телеграф»: особенности рецепции 1569

Барышникова О. Г.

Журнал «Московский Телеграф» как арена межкультурных связей: немецкий театр глазами французского критика 1571

Безрукавая М. В.

Синтез «художественного» и «публицистического» в авторской стратегии Юрия Козлова..... 1575

Бозорова М. А.

Über Begriffe und Termine der Textstilistik 1577

Буриева С.

Образование существительных в английском языке. Формы множественного числа, заимствованных из других языков..... 1580

Буриева С.

Introducing the terms on practical grammar at the English lessons 1582

Гафарова З. З.

Английский гуманизм в идеологии XVI века 1583

Голами Х., Бейги М., Пуляки П. Категория «краткость» и её разновидности в персидском языке..... 1585	Исмоилова М. А. Лирический герой и природа (на материале поэзии А. Ахматовой и Зульфийи Исроиловой) 1609
Голандам А. К., Голами Х. Абсолютные синонимы в диалектах русского и персидского языков в сопоставлении..... 1589	Казарян А. А., Демина А. В., Хоречко У. В. Иностранные заимствования как способ пополнения словарного состава современного китайского языка 1611
Гуреева Л. В., Козьмина Н. А. Концепции перевода в контексте современных лингвистических исследований 1593	Казарян А. А., Демина А. В., Хоречко У. В. Словообразование как способ пополнения словарного состава современного китайского языка 1613
Денико Р. В. Сравнительный анализ сетевой терминологии в русском языке 1596	Каменева А. С., Данков А. Г., Хоречко У. В. Особенности и примеры использования иностраннных слов в китайском языке 1616
Дервянко А. А., Нечипорук Т. В., Чёрная Т. Н., Чех Н. В. Особенности взаимодействия эпитета с другими тропами в поэтических текстах А. А. Ахматовой..... 1599	Карамова Ш. Л. Эстетический идеал в современной узбекской поэзии и вопросы её толкования..... 1618
Игнатенко К. В., Куимова М. В. О пословицах и поговорках про дружбу и любовь (на примере русского и английского языков) 1602	Кенжаев А. Л., Турдиева Р. У. Лингвопоэтические проблемы перевода на узбекский язык поэмы А. С. Пушкина «Бахчисарайский фонтан» 1620
Исаева Е. В., Бельская А. Е. Коммуникативная точность и её нарушения в переводах инструктивных текстов к парфюмерно-косметической продукции ... 1604	Кильдишова А. С. Композиция рекламного текста..... 1622
Исаева Е. В., Рудикова Ю. Ю. Нарушения коммуникативной ясности в русскоязычных переводах (на материале текстов технической и экономической тематик) 1607	Киселева В. А., Куимова М. В. К вопросу перевода художественной литературы (на примере стихотворения Иоганна Вольфганга фон Гёте «Прекрасная ночь») 1626
	Комарова Е. В. Стандартизация международной технической терминологии как один из способов решения проблемы международной коммуникации ... 1627

ФИЛОЛОГИЯ

Особенности перевода метафор с английского на русский язык на примере романа Харпер Ли «To kill a mockingbird» — «Убить пересмешника» в переводе Норы Галь и Раисы Облонской

Аверкова Ольга Владимировна, старший преподаватель;
Яковлева Вероника Сергеевна, студент

Уральский федеральный университет имени Первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург)

В данной работе рассматриваются сложности перевода с английского на русский язык такого лингвистического средства выразительности, как метафора. Дается его характеристика, также описываются разработанные методы перевода метафор в художественных произведениях. Рассмотрены и проанализированы примеры перевода метафор в романе Харпер Ли «To kill a mockingbird», а также в переводе Норы Галь и Раисы Облонской «Убить пересмешника».

Ключевые слова: *антонимический перевод, генерализирующая метафора, деметафоризация, классификация метафор, когнитивная метафора, лексическая метафора, метафора, номинативная метафора, образная метафора, перевод метафор, перевод художественных произведений, полный перевод, приемы перевода, простая метафора, развернутая метафора, реализованная метафора.*

Известно, что перевод лингвистических средств выразительности, к которым относится и метафора, бывает весьма затруднителен не только для начинающих переводчиков, но и для профессионалов в силу нескольких факторов: отсутствие адекватного эквивалента в переводящем языке, различия в реалиях двух языков, их культурах и системах ценностей, которые неизбежно ведут к невозможности прямого перевода. Сюда также относится авторский характер многих метафор, необходимость в достаточной мере полно и ярко передать образность, которую они создают. Анализ нескольких источников, перечисленных в библиографическом списке, показал следующее: скудность материала по вышеуказанной проблеме, сравнительно малое количество практических исследований англоязычной литературы (и ее переводов) в аспекте трудностей перевода лингвистических средств выразительности. В работах выдающихся лингвистов и филологов (перечисленных в библиографическом списке) подробно рассматривается сущность и предмет такого явления, как метафора, особенности его функционирования в различных текстах. Аспект же перевода этого лингвистического средства затронут лишь в работе М. А. Куниловской и Н. В. Короводиной «Авторская метафора как объект перевода» [5, с. 73–82], однако авторы данного исследования рассматривали лишь авторские,

окасиональные метафоры. Следовательно, можно утверждать, что данная область недостаточно изучена в отечественной лингвистике (по сравнению с другими областями переводоведения). Метафора (даже в большей степени, чем остальные лингвистические средства выразительности) является неотъемлемой частью любого художественного произведения, прежде всего потому, что позволяет передавать эмоциональные переживания автора читателю и формировать запланированное автором впечатление (что, в свою очередь, является одной из главных целей создания художественных произведений). Все вышесказанное позволяет заявить об актуальности и исключительной новизне исследований в данном направлении.

В данной работе в качестве иллюстрации приводимого теоретического материала и основы для проведения анализа выбран известный роман американской писательницы Харпер Ли «To kill a mocking bird» («Убить пересмешника» в русском переводе Норы Галь и Раисы Облонской), прежде всего по причине его непреходящей популярности как у англоязычного читателя, так и у отечественного. Роман можно без преувеличения назвать одним из самых значимых и известных литературных произведений двадцатого века. В 1961 году произведение было удостоено Пулитцеровской премии. По результатам опроса 2000 человек, проводившегося интернет-мага-

зином Play.com в 2008 году, роман был назван «лучшей книгой всех времен». [3, эл. ресурс].

Согласно Словарию литературоведческих терминов [2, эл. ресурс], метафора — это переносное значение слова, основанное на уподоблении одного предмета или явления другому по сходству или контрасту; скрытое сравнение, в котором слова «как», «как будто», «словно» отсутствуют, но подразумеваются. В этом же словаре приводится классификация метафор по особенностям их использования и появления, которая выглядит следующим образом:

- лексическая («стертая»): прямое значение полностью стерто и не осознается носителями языка, употребляемыми их в повседневной неформальной коммуникации, такие как «дождь идет», «дверная ручка» и так далее;
- простая метафора: отождествление предметов на основе какого-либо общего признака, к примеру «заря жизни», «говор волн» и так далее;
- реализованная метафора: акцентирование прямых значений слов, составляющих общепринятую метафору с целью создания каламбура;
- развернутая метафора: распространение метафорического образа на несколько предметов или на все произведение.

Согласно же классификации, учитывающей соответствия метафорам в средствах языка, предложенной Н.Д. Арутюновой [1, с. 5–33], метафоры можно разделить на:

- номинативные: состоят в замене одного описательного значения слова другим, переносным, и являются источником появления омонимии, к примеру — «шариковая ручка», «ножка кровати» и так далее;
- образные метафоры: служат развитию фигуральных значений и синонимических средств языка, являют собой «картинные» обозначения предметов, явлений, признаков, широко употребляемые в неформальной речи, к примеру — «лес рук», «гора вещей» и так далее;
- когнитивные метафоры: возникают в результате сдвига в сочетаемости слов, относящихся к категории состояния (или переноса значения) и создают полисемию, к примеру — «любовь угасла», «накал страстей» и так далее;
- генерализирующие метафоры (конечный результат когнитивной метафоры): стирают в лексическом значении слова границы между логическими порядками и обуславливают возникновение логической полисемии.

Эти две классификации во многом схожи — к примеру, в обеих рассматривается источник метафоричности, причина возникновения образности в ряде коннотаций того или иного выражения. Более того, при их анализе и сопоставлении, категории «лексической» и «простой» метафоры достаточно легко соотносятся с категориями «номинативной» и «образной» соответственно. Однако подход двух лингвистов во многом различается — классификация, предложенная С.П. Белокуровой, более до-

ступна и понятна широкому кругу читателей, в то время как классификация Н.Д. Арутюновой ориентирована скорее на специалистов в области филологии и лингвистики. Во второй классификации также анализируются языковые явления, источником которых являются разные виды метафор, в то время как в первой акцентируются вопросы возникновения и применения метафор.

Джордж Лакофф и Марк Джонсон в своей работе «Метафоры, которыми мы живем» рассуждают не только о способах создания метафоры, но и о ее составе. Метафора, по их теории, является прозаическим или поэтическим выражением, где слово (или несколько слов), являющееся концептом, используется в переносном значении, чтобы выразить концепт, подобный по какому-либо признаку исходному. Авторы приходят к следующим выводам — «Метафора не ограничивается одной лишь сферой языка: сами процессы мышления человека в значительной степени метафоричны. Метафоры как языковые выражения становятся возможны именно потому, что существуют метафоры в понятийной системе человека» [6, с. 387–415].

Метафору нередко рассматривают как один из способов точного, но в то же время яркого отражения действительности в художественном произведении. Однако И.Р. Гальперин утверждает, что это понятие точности весьма относительно, ведь именно метафора, создавая конкретный образ абстрактного понятия, в то же время создает условия для расхождения в толкованиях одного и того же реального сообщения [4, с. 347–383].

С точки зрения наличия или отсутствия вынужденных семантических и структурных преобразований при переводе художественных метафор, отечественные лингвисты М.А. Куниловская и Н.В. Короводина выделили следующие приемы сохранения авторской образности [5, с. 73–82]:

- 1) полный перевод, при котором в тексте перевода сохраняется семантика и структура метафоры, а лексические значения словосочетаний вызывают одинаковые ассоциации у представителей обоих языков, что позволяет использовать их в качестве эквивалентов;
- 2) замена на уровне лексического оформления;
- 3) замена на уровне морфологического оформления;
- 4) замена на уровне синтаксического оформления;
- 5) добавление или опущение лексических единиц, оформляющих образ (исследователи отмечают, что при переводе на русский язык преобладают добавления, что согласуется с представлением о том, что русский язык более описателен, или эксплицитен, чем английский).

Мы рассмотрели 13 примеров метафор и их переводов из выбранного произведения, представляющихся нам наиболее яркими и интересными с точки зрения лингвистического оформления и анализа.

Во многих случаях оригинальное высказывание и имеющийся перевод сильно отличаются не только структурой высказывания, но и передаваемым образом. Это обусловлено различиями в восприятии русскоязычными и ан-

глагольными читателями определенных коннотаций, заложенных в использованной лексике, привычными для носителя языка структурами в каждом конкретном случае, устоявшимися метафорическими выражениями и образами, а также, в определенной степени, личными предпочтениями и, что немаловажно, профессиональными навыками переводчика.

Однако в некоторых случаях прямой перевод все же возможен, главным образом благодаря совпадению образных коннотаций, традиционно придаваемых определенной лексике в русском и английском языках. Так, в случаях «*your name is longer than you are*» — «твое имя длиннее тебя самого» и «*climb into his skin and walk around in it*» — «влезть в его шкуру и походить в ней» мы наблюдаем калькирование оригинальной метафоры. В переводе сохранены образность, разговорный стиль, собственно значение высказывания. Образное выражение «влезть в чью-то шкуру» в значении «испытать на себе невзгоды другого человека» существует и активно используется в обоих языках, а ирония и шутливость использования в разговорной речи слова «длинный/*long*» в значении «высокий/*tall*» в обращении к человеку понятна читателям как англо-, так и русскоговорящим, а связь с именем легко угадывается из контекста, благодаря чему соблюдается одно из самых важных требований к переводному тексту — вызывать те же чувства и эмоции, что и авторский.

В большинстве же случаев при столкновении с метафорой переводчик вынужден прибегать к косвенному переводу разной степени изменения и варьирования исходного текста. Так, в примере «*the streets turned to red slop*» — «улицы раскисали, под ногами хлюпала рыжая глина» мы можем наблюдать изменение переводчиком грамматической структуры — одна смысловая группа разбита на две, чтобы избежать неправильного понимания со стороны русскоговорящего читателя при прямом переводе («улицы превращались в красную глину»), так как превращение улицы в глину плохо укладывается в картину мира русскоговорящего человека, в основном из-за климатических различий в реалиях (кроме того, грязь, вызванная появлением непогоды, соотносится русскоязычной культурой скорее с черным или коричневым цветом). То же самое происходит в примере «*he was in a haze*» — «он ходил, как в тумане», где, судя по изменению грамматической структуры, метафора переводчиком превращена в сравнение, так как в русском языке отсутствует выражение «быть в тумане» в образном значении забытья.

В примере «*if he held his mouth right*» — «если бы он не говорил лишнего» мы наблюдаем так называемый антонимический прием перевода, положительное высказывание заменено на отрицательное как более привычное для русского языка в данном контексте.

В примерах «*a storm of laughter broke loose*» — «все покатались со смеху», «*sheer horror flooded her face*» — «ее всю перекосило от ужаса», «*when they show the faintest*

symptoms of wanting» — «будь у них хоть на грош желания», «*Jem's head at times was transparent*» — «иногда я видела Джима насквозь» применяется метод нахождения переводческого эквивалента, при котором, ввиду невозможности адекватно передать идею тем же образом, что и в оригинале, создается другой, в большей или меньшей степени эквивалентный ситуативный контекст и подбирается соответствующая метафора или устойчивое выражение в переводящем языке. Так, образы смеха и шторма не связаны в понимании русскоговорящего читателя, более привычным представляется образная коннотация поведения субъекта — от смеха можно покатиться, падать, умирать, лопнуть и так далее. В случае с коннотацией «ужаса», можно с уверенностью сказать, что русскоязычному читателю более понятно отнесение подобных выражений чувств и эмоций к категориям состояния в безличных предложениях. Далее, в русском языке отсутствует образность выражения «проявлять хоть какие-то симптомы» («*show the faintest symptoms*» в оригинальном тексте), в русской культуре «симптомы» скорее ассоциируются с прямым значением — заболеванием физическим или психическим, вследствие чего с целью донесения идеи использовано знакомое всем носителям языка образное выражение «иметь хоть на грош». Также оправдана замена «*transparent head*» в английском на «видеть насквозь» в русском языке и вызванная этим вынужденная замена грамматической структуры и субъекта в предложении, так как человек с «прозрачной головой» не представляется русскоговорящему читателю человеком, ход мыслей которого очевиден. Коннотации такого выражения будут варьироваться от «легкомысленного, беззаботного человека» до «человека с отсутствием мыслей».

Пример «*ground, sky and houses melted into a mad palette*» — «земля, небо, дома в бешеном круговороте слились перед глазами» иллюстрирует метод лексической замены. Ввиду невозможности передать конструкцию «*melted into*» буквальным значением («растаяли в») как в высшей степени непонятным и чуждым для русскоговорящего читателя, вводится контекстуальный синоним — «слились в». Наряду с этим, использовано лексическое добавление — «перед глазами», органично вписавшееся в грамматическую структуру и созданный образ.

К сожалению, переводчик данного произведения довольно часто вынужден прибегать к так называемой деметафоризации. Деметафоризация представляет собой отказ от передачи образного значения метафорического выражения и последующий перевод только его буквального значения. Этот прием используется в случае невозможности подобрать адекватный эквивалент в переводящем языке или отказаться от перевода данного слова или фразы (то есть применить так называемый метод опущения). Деметафоризация применена в примерах «*I towered over him*» — «он был гораздо ниже ростом», «*my memory came alive*» — «помню, ...» и «*raised on fish food*» — «отродясь не ел досьта». Возможно, пе-

реводчику таким образом хотелось избежать семантической или лексической перегруженности текста перевода. В случае с выражением «выращенный на корме для рыб» это оправдано еще и тем фактом, что русскоговорящему читателю образ человека, «выращенного на корме для рыб», не представится вполне таким же, как англоговорящему — в английском языке эта метафора закреплена в речи и сознании большинства людей. При этом, к сожалению, красота и яркость речевого выражения почти полностью утеряна, как и его метафоричность. Именно по-

этому к деметафоризации принято прибегать лишь в тех редких случаях, когда остальные способы передачи метафоры на язык перевода оказались по какой-либо причине несостоятельными.

Подводя итоги исследованию, мы можем сказать, что переводческим трансформациям подверглись 85% рассмотренных метафор (замена грамматической конструкции — 15%, антонимический перевод — 8%, поиск эквивалента — 31%, лексическая замена — 8%, деметафоризация — 23%).

Литература:

1. Арутюнова, Н.Д. Метафора и дискурс. Вступ. ст. // Теория метафоры: Сборник: Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / Вступ. ст. и сост. Н.Д. Арутюновой; Общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. — М.: Прогресс, 1990. — 512с. С.5–33.
2. Белокурова, С.П. «Словарь литературоведческих терминов» [эл. ресурс] // URL: <http://gramma.ru/LIT/?id=3.0&page=1&wrd=%CC%C5%D2%C0%D4%CE%D0%C0&bukv=%CC>
3. Википедия [эл. ресурс] // URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Убить_пересмешника
4. Гальперин, И.Р. Очерки по стилистике английского языка. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1958. — 448 с. С.347–383
5. Куниловская, М.А., Короводина, Н.В. Авторская метафора как объект перевода active metaphors in literary translation lingua mobilis/ Научный журнал № 4 (23) под ред. Селютин А.А. — Челябинск, 2010. — 127 стр. С.73–82
6. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. М., 1990. с. 387–415

Актуальные значения слова «баба» для современных носителей русского языка (по данным Национального корпуса русского языка на материале основного, устного и диалектного подкорпусов)

Аверкова Ольга Владимировна, старший преподаватель
Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург)

В современном обществе растет интерес к слову «баба», что подтверждается как относительно высокой частотой его употребления в документах Национального корпуса русского языка за последние 30 лет (газетный подкорпус — 785 документов/ 1118 примеров; устный — 129 документов/ 212 примеров; параллельный — 29 документов/ 148 примеров; основной — 35 документов/ 85 примеров; диалектный — 20 документов/ 32 примера), так и увеличением числа научных работ, исследующих этот и смежные субстантивы.

Семантика лексемы рассматривалась в следующих аспектах:

1. Баба как явление русской культуры; баба в значении «русская женщина» (А.Н. Гайфулина, Е.Г. Гусар, Л.Х. Дзасежева, А.В. Кириллина, О.В. Ломакина, А.Н. Махмутова).

2. Отражение социальной позиции женщины в субстантиве «баба» (Н.М. Арват, Е.Г. Гусар, А.М. Кыртепе, А.Н. Махмутова, Д.В. Семенова, Е.А. Шимко).

3. Баба в значении «знахарка» (Т.А. Агапкина).

4. Баба как мифологическое существо, дух, демон (Т.А. Агапкина, Л.Н. Виноградова, И.Б. Качинская, Т.Б. Лукинова, С.М. Толстая, Н.И. Толстой).

5. Баба в значении «растение» (И.Б. Качинская, Т.Б. Лукинова, С.М. Толстая).

6. Баба в значении «животное» (И.Б. Качинская, Т.Б. Лукинова, Д. Разаускас).

7. Баба как хроним (М.М. Валенцова, И.Б. Качинская, С.М. Толстая).

8. Баба как топоним (И.Б. Качинская).

9. Предметные значения лексемы (Е.Л. Березович, М.М. Валенцова, С. Вершин, И.Б. Качинская, Т.Б. Лукинова, С.М. Толстая).

Слово «баба» часто рассматривается в оппозиции с другими понятиями: женщина-баба (Лю Бо, Е.Г. Гусар, Л.Х. Дзасежева, А.В. Кириллина, А.М. Кыртепе, А.Н. Махмутова, В.С. Самарина), мать-баба (А.В. Кириллина); тетка-баба (О.П. Ермакова), дека-баба

(Н. М. Арват, Е. Г. Гусар, Г. К. Исмагулова); баба-мужик (Н. М. Арват, А. В. Артёмова, Л. А. Брусенская, М. М. Валенцова, К. С. Волошина, А. Н. Гайфулина, Е. Г. Гусар, Л. Х. Дзасежева, О. И. Ерёмко, О. П. Ермакова, В. А. Ефремов, И. А. Иванчук, Г. К. Исмагулова, Е. А. Картушина, А. В. Кириллина, Е. А. Кострубина, А. М. Кыртепе, А. Н. Махмутова, Д. В. Семенова, Г. Ш. Хакимова, М. Э. Энхбаяр); баба-человек (Е. Г. Гусар, Г. К. Исмагулова); баба-дама/ барыня/ боярыня (Н. М. Арват, В. А. Ефремов, А. М. Кыртепе, А. Н. Махмутова).

В работах, исследующих, противопоставление мужского и женского начал, также обращают внимание на отрицательную оценку женщины, заложенную в слово «баба». Тем не менее, есть труды, в которых изучается положительная оценка женщины как лакомого куска (В. С. Самарина) и как лица женского пола, которому свойственны мужественные поступки (А. В. Кириллина). К. В. Маёрова исследует случаи несовпадения стилистической окраски лексемы «баба» в говорах и в литературном языке.

Лексикографические исследования проводились И. Б. Качинская и Е. Г. Гусар.

К этимологии лексемы обращались многие из вышеупомянутых авторов, но лишь Ю. Федосюк и О. Н. Трубачев связали происхождение слов с детским лепетом О. Н. Трубачев в связи с этим поднимает вопрос о спорности отнесения терминов родства к детскому лепету, поскольку младенческая речь практически не исследовалась до этого.

Словообразовательные гнезда с вершиной «баба» рассматривается в трудах А. М. Кыртепе и А. В. Никитевича.

В рамках сравнительного языкознания лексема «баба» сопоставляется с эквивалентами в др. языках. Наиболее популярна пара «английский-русский язык» (А. В. Артемова, К. С. Волошина, В. Г. Дыкова, А. Н. Махмутова, Д. В. Семенова). Б. А. Касимова изучает лексему в паре «русский — казахский язык», С. М. Толстая — в паре «русский — сербский язык», А. В. Кириллина-«русский — немецкий язык»

Слово «баба» — явление не только русского языка. Изучение лексемы «баба» в рамках других языков занимались Н. В. Бикбулатов (башкирский язык), А. Т. Бекмуратова (каракалпакский язык), Е. А. Гуднева (албанский язык), Э. В. Севортян (тюркский и монгольские языки), А. В. Шабашов (тюркские языки).

Таким образом, представляется целесообразным исследование значений этого субстантива.

В рамках данной статьи предполагается проанализировать примеры употребления лексемы из основного, устного и диалектного подкорпусов. Мы ограничимся документами, датированными не ранее 1980-го года, поскольку наша цель — выявить актуальные значения для современного носителя русского языка.

Необходимо отметить, что в более ранних работах Аверковой О. В. были исследованы значения слова «баба», зафиксированные в лексикографических источниках. Было выявлено около 80 значений слова и более 55 фразеологических единиц. В ходе анализа Национального корпуса русского языка было выявлено, что лишь 19 значений и 8 фразеологических единиц встречаются в современной речи (см. табл. 1).

Таблица 1. Актуальные значения лексемы «баба» и фразеологические единицы с данным существительным (по данным Национального корпуса русского языка)

Значения/ фразеологические единицы (ФЕ)	Число документов с рассматриваемым значением/ ФЕ в основном корпусе	Число документов с рассматриваемым значением/ ФЕ в устном корпусе	Число документов с рассматриваемым значением/ ФЕ в диалектном корпусе
Значения:			
Женщина вообще	21	74	11
Старая женщина	6	22	5
Бабушка (мать отца или матери)	3	17	-
Жена	4	6	-
Женщина, состоящая в интимных отношениях	1	8	-
Девушка по отношению к юноше, с которым она встречается	-	3	-
Форма обращения к женщине	-	-	3
Простая необразованная женщина	1	2	-
Кулич	1	2	-
Имя	1	1	-
Слабохарактерный мужчина	1	1	-
Одна из разноюродных бабок	1	1	-
Аббревиатура БАБ в косвенном падеже	2	-	-
Замужняя женщина	1	-	1

Русская женщина	2	-	-
Повитуха	-	1	-
Замужняя крестьянка	1	-	-
Свекровь	1	-	-
Колдунья	-	-	1
ФЕ:			
Базарная баба	-	2	-
Баба Яга	-	2	-
Одна баба сказала	1	1	-
Баба с возу, кобыле легче	1	1	-
Снежная баба	-	1	-
Знай, баба, свое кривое веретено	1	-	-
Баба есть баба	1	-	-
Баба, что мешок: что положат, то и несет	-	-	1

В спорных случаях в плане отнесения примеров к тому или иному значению в связи с недостаточной информативностью узкого контекста автор выбирала более широкое понятие.

Наше исследование познакомило нас с новыми значениями, не зафиксированными в словарях: 1) девушка, по отношению к юноше, с которым она встречается; 2) форма обращения к женщине; 3) одна из разноюродных бабок; 4) русская женщина.

Аббревиатура БАБ встречается в словарях, но не вошла в круг рассматриваемых значений, поскольку изучались лишь омонимы в именительном падеже.

Интересен тот факт, что значение «свекровь», зафиксированное в Словаре архангельских говоров, было отражено в основном подкорпусе и отсутствовало в диалектном.

То, что значения «колдунья», «замужняя крестьянка» и «повитуха» выходят из употребления, ожидаемо. Значение «замужняя крестьянка» в большинстве современных словарей отмечено пометой «устаревшее», и это связано с изменением уклада жизни российского общества. С развитием науки и техники исчезают многие профессии, теряется вера в сверхъестественное начало, управляющее судьбами. В связи с этим понятия «повитуха» и «колдунья» постепенно уходят на второй план.

Таким образом, можно заключить, что наиболее устойчивыми к изменениям остаются значения, отражающие родственные и гендерные отношения. Они всегда актуальны, поскольку: 1) роль родственных отношений в жизни каждого человека чрезвычайно велика вне зависимости от времени и уклада жизни; 2) противопоставление мужского и женского начал обусловлено природной сущностью человека.

Литература:

1. Виноградова, Л. Н. Славянская народная демонология: Проблемы сравнительного изучения: дис. д-ра филол. наук. — М., 2001. — 92 с.
2. Дыкова, В. Г. Сопоставительное исследование английских и русских апеллятивов и их переводческих корреляций: дис. канд. филол. наук. — М., 2003. — 151 с.
3. Качинская, И. Б. Русские термины родства и личное имя (по материалам архангельских говоров) // Алгебра родства: Родство. Системы родства. Системы терминов родства. — Вып. 13., 2012. — с. 95–110.
4. Качинская, И. Б. Термины родства и языковая картина мира (по материалам архангельских говоров): автореф. канд. филол. наук. — М.: Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, 2011. — 25 с.
5. Кыртпе, А. М. Макроединицы словообразования как формы языковой объективации концепта: дис. канд. филол. наук. — Саратов, 2010. — 242 с.
6. Ломакина, О. В. Фразеология народных драм Л. Н. Толстого: состав и особенности употребления: дис. канд. филол. наук. — Белгород, 2006. — 178 с.
7. Махмутова, А. Н. Оценочные существительные со значением лица женского пола в русском и английском языках: дис. канд. филол. наук. — Казань, 2002. — 287 с.
8. Национальный корпус русского языка [электронный ресурс] // URL: <http://ruscorpora.ru/search-main.html#>
9. Разаускас, Д. Лексико-семантический анализ мифологических концептов: символика «рыбы» в балто-славянской традиции: С привлечением индо-иранских данных: дис. канд. филол. наук. — М., 2004. — 250 с.
10. Толстой, Н. И. Баба (Словарь дома Сварога. Славянская и русская языческая мифология) [эл. ресурс] // URL: pagan.ru/slower/b/baba0.php.
11. Трубочев, О. Н. История славянских терминов родства. — М.: издательство Академии наук СССР, 1959.
12. Федосюк, Ю. Энциклопедия русского быта XIX века [эл. ресурс] // URL: wordweb.ru/en_ru_byt/index.htm.

13. Хакимова, Г. Ш. Гендерный фактор в английских поговорках в сопоставлении с русскими: дис. канд. филол. наук. — Уфа, 2003. — 248 с.
14. Шабашов, А. В. Тюркские термины родства в древнерусских письменных памятниках (до 1480 г.) // Алгебра родства: Родство. Системы родства. Системы терминов родства. — Вып. 13., 2012. — с. 148–158.
15. Энхбаяр, М. Э. Концепт «женщина» в русской языковой картине мира [эл. ресурс] // URL: bestreferat.ru/referat-208632.html.

Ложные друзья переводчика (на примере темы «Образование»)

Агеев Илья Олегович, студент;

Куимова Марина Валерьевна, кандидат педагогических наук, доцент
Национальный исследовательский Томский политехнический университет

В переводческой практике «ложные друзья переводчика» представляют особые трудности и могут привести к неточностям перевода. «Ложные друзья переводчика» — это слова, встречающиеся в разных языках, которые обладают определенным сходством в произношении или написании.

Исторически «ложные друзья переводчика» являются результатом взаимовлияний языков. Иногда они появляются в результате случайных совпадений в родственных языках или благодаря прямому/опосредствованному заимствованию из общего третьего источника. Различия в культурах могут влиять на значение заимствованных слов. Заимствованные слова могут быть похожи, но иметь разную область применения или стилистическую окраску, не совпадающую с аналогичным словом другого языка [4]. В лингвистической литературе эти слова нередко классифицируются как интернациональная лексика.

Проблема «ложных друзей» возникает на стыке понимания актуального значения слова и его восприятия на

основании национального сознания. Таким образом, перенос языковых привычек на систему другого языка приводит к возникновению ложных аналогий [1, 3].

Для «ложных друзей» характерно следующее несходство:

- семантическое расхождение слов;
- грамматическое расхождение (категория рода, числа и т.д.);
- различные реалии;
- стилистическое расхождение;
- различия в морфологическом оформлении [2].

Как правило, «ложные друзья» встречаются в пределах четырех частей речи:

- существительное;
- прилагательное;
- наречие;
- глагол.

Приведем ряд примеров «ложных друзей переводчика» при переводе с английского на русский язык на примере темы «Образование»:

Слово	Правильный перевод	Ложный перевод
abstract	реферат, краткий обзор	не только абстрактный
academic	преподаватель или научный сотрудник вуза	академик
college	университет, любой вуз	не только колледж
credit	зачет (за прохождение какого-либо курса в учебном заведении); зачетная единица в высшем учебном заведении	не только кредит, долг
data	данные, факты, сведения; информация	дата
figure	чертеж, иллюстрация; цифра; число	фигура
intelligence	интеллект, умственные способности	интеллигенция
intelligent	умный, сообразительный, смысленный	интеллигент
list	список	лист
mode	метод, методика, способ	мода
paragraph	абзац	параграф
ratio	отношение, пропорция; коэффициент; соотношение	рация
repetition	повторение	репетиция
rule	правило, норма; линейка	руль

sodium	хим. натрий	сода
species	биол. вид; представители вида	специи
technique	технология, набор приемов; метод; методика	техника, в смысле «железо»
translation	перевод (с одного языка на другой, из одних единиц в другие)	трансляция
verse	строфа, поэзия, стихи	версия

Таким образом, изучение и систематизация знаний в области «ложных друзей переводчика» способствует снятию трудностей при понимании иноязычных текстов и улучшению качества перевода.

Литература:

1. Беляева, В. М. «Ложные друзья» переводчика как межъязыковой феномен // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. 2014. № 27. с. 133–138.
2. Инькова, О. Ю. Лексическая интерференция в итальянском и французском языках: Проблема “ложных друзей переводчика”: Дис. ... канд. филол. наук. М.: 1992. 225 с.
3. Пивоварова, Е. В. Функционирование фразеологических единиц «ложных друзей переводчика» в англоязычных интернет ресурсах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 10 (28). с. 130–133.
4. Судакова, О. В. Ложные друзья переводчика // Альманах современной науки и образования. 2009. № 8–1. с. 152–154.

Модели формирования терминосистем в области нанотехнологий и наноматериалов в английском и русском языках

Алексеева Анастасия Васильевна, студент;
Гредина Ирина Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент
Национальный исследовательский Томский политехнический университет

С ранних этапов процесса изучения терминов В. М. Лейчиком была высказана идея о том, что любой термин является элементом определенной системы лексических единиц, и его существование в рамках данной системы обусловлено наличием связи с другими терминами [1. С.26].

Необходимо упомянуть, что само понятие «терминосистема» не имеет общепринятого определения. Так по мнению Ю. Н. Марчука лексические единицы, являющиеся элементами различных терминосистем, обслуживают также самые узкие области знания и деятельности [2]. Е. Н. Толикина, напротив, обращает внимание на обособленность и замкнутость терминосистемы [3. С.58]. Подобное понимание системы терминов встречается в работах А. В. Суперанской, которая утверждает, что все единицы терминосистемы «ограничены в употреблении и условиях, необходимых для их существования и развития» [4. С.8]. Более полное и при этом емкое определение данного понятия предлагает Л. В. Ивина, определяя терминосистему как «совокупность терминов, обеспечивающих номинацию основных понятий определенной области знаний и сферы деятельности, связанных между собой логическими, семантическими или иными отношениями» [5. с. 27].

Таким образом, анализируя различные подходы к толкованию понятия «терминосистема», можно выделить следующее: терминологическая система (терминосистема) представляет собой особую развивающуюся совокупность взаимосвязанных и взаимообусловленных лексических единиц (слов или словосочетаний) определенного языка для специальных целей, которая имеет структуру, схожую со структурой системы понятий специальной области знаний или деятельности, и служит знаковой моделью этой области.

Рассматривая процесс формирования и развития терминосистемы в области нанотехнологий и наноматериалов с позиции М. А. Мартемьяновой, можно сказать, что она включает следующие группы терминов:

1) базовые термины, которые были заимствованы из других терминосистем и сохранили свое первоначальное значение: *alloy* (сплав), *polymer* (полимер), *electron* (электрон), *adsorption* (адсорбция, поверхностное поглощение), *delamination* (расслаивание), *receptor* (рецептор), *кластер* (cluster), *катализ* (catalysis), *канал* (channel);

2) производные и сложные термины: *segmented block copolymer* (сегментированный блоксополимер), *nanocomposite* (наноккомпозит), *hadronic annihila-*

Терминосистема в области нанотехнологий и наноматериалов во многом пополняется в результате процесса терминологизации общеупотребительных слов, переходящих в данную систему главным образом из неспециальной лексики. При этом изменяется только стилистическая принадлежность лексической единицы, и термин сохраняет прежнюю форму.

В качестве примера можно привести термин *island*. Данный термин имеет значение «a land mass, especially one smaller than a continent, entirely surrounded by water» [7]; термин *островок (остров)* — «участок суши, со всех сторон окруженный водой; участок, выделяющийся чем-нибудь среди остальной местности» [8]. В области нанотехнологий данный термин обозначает «группу атомов на поверхности, связанных между собой» [9].

Следует упомянуть, что при терминологизации в состав терминосистемы нанотехнологий и наноматериалов переходят и элементы специальной лексики: квазитермины, например, «термины» из научно-фантастической литературы: *ионный двигатель* (термин, впервые появившийся в романе Д. Уильямсона); элементы профессиональной лексики: *проводить (опыт)*; элементы профессионального просторечия: *island (островок)*; элементы профессионального жаргона: *wafer (вафля, пластина)*; заимствования из других терминосистем: *field (поле)*, *grain (зерно)*, *donor (донор)*; имена собственные: *Casimir forces (сила Казимира)*, *Ehrlich–Schwoebel barrier (барьер Эрлиха-Швобеля)*; заимствования из другого языка, в большей степени отмеченные в русском языке: *таргетинг (targeting)*, *крейзинг (crazing)*; интернационализмы, которые уже являются терминами в других языках: *nanotechnology (нанотехнологии)*, *microscopy (микроскопия)*; гибридо термины, т.е. термины, состоящие из заимствованного и существующего в данном языке элементов: *антитело (antibody)*, *микротвердость (microhardness)*; псевдозаимствования: *комплектация*.

В равной мере имеет место и обратный процесс дестерминологизации, основными причинами которой являются: распад терминосистемы, вызванный устареванием определенной теории или концепции, и появление нового термина, обладающего большими преимуществами по сравнению с прежней лексической единицей.

Помимо функциональных изменений, нередко при дестерминологизации изменяются значение и форма термина. Данный процесс имеет место в случае отказа от определенной теории, что приводит к исчезновению терминов, обслуживающих данную область знаний. Иногда термин сохраняет свою функцию, но при этом получает метафорическое значение и прекращает свое существование в составе специальной лексики, при этом иногда сохраняясь в словарном составе неспециальных сфер.

В терминосистеме нанотехнологий и наноматериалов распространение получил также способ, называемый В. М. Лейчиком «межсистемными заимствованиями» или «вторичной терминологизацией». При этом способе заимствованные термины первоначально имеют ме-

тафорическое значение, которое впоследствии устраняется. В качестве примера можно привести термин *карта трения (англ. friction map)*, означающий «графическую форму представления зависимости коэффициента трения от совокупности исследуемых параметров, получаемую при экспериментальном исследовании образцов» [9]. Отдельно употребляемый термин *карта* не имеет ничего общего с областью нанотехнологий и наноматериалов.

В большинстве случаев лексическое заимствование имеет место в русском языке, терминосистема которого подвержена значительному влиянию английского языка. Исследователи связывают такую тенденцию с необходимостью в номинации новых понятий в русском языке, в котором те или иные термины еще не сформировались, тогда как в английском языке подобные лексические единицы широко используются.

Преобразование англоязычных терминов происходит посредством ряда изменений, касающихся семантики, орфографии, морфологии и фонетики слов. Согласно классификации заимствований, разработанной С. В. Гриневым-Гриневичем, такими языковыми средствами являются:

1) заимствование материальной формы англоязычного термина (транслитерация): *актуатор (actuator)*, *аэрогель (aerogel)*, *агломерат (agglomerate)*, *акцептор (acceptor)*, *бактериофаг (bacteriophage)*, *биочип (biochip)*, *кантилевер (cantilever)*, *кластер (cluster)*, *клапчат (clathrate)*, *кристаллит (crystallite)*, *экситон (exciton)*;

2) калькирование английского термина: *голубой сдвиг (blue shift)*, *волновод (waveguide)*, *расслаивание (delayering)*, *расстекловывание (devitrification)*, *модуль упругости (elastic modulus)*, *фрактальная структура (fractal structure)*, *шаровая мельница (ball mill)*, *предел обнаружения (limit of detection)*;

3) смешанное заимствование (транслитерация + калькирование английского термина): *антитело (antibody)*, *наноалмаз (nanodiamond)*, *криохимия (cryochemistry)*, *квазичастица (quasiparticle)*, *microwaves (микроволны)*, *гетероструктура (heterostructure)*, *superwire (суперпровода)*, *наночернила (nanoink)*. [10. С.63].

Как в английском, так и в русском языке существует небольшое количество терминов, образованных с помощью аффиксов, заимствованных из греческого и латинского языков.

Чаще всего в рассматриваемую терминосистему проникают следующие латинские префиксы: **ab-** (absorption — абсорбция / поглошение, ablation — абляция); **ad-** (adhesion — адгезия); **ambi-** (ambigel — амбигель); **de-** (delamination — деляминация); **dis-** (dislocation — дислокация); **il-, im-, in-** (immobilization — иммобилизация, интеркаляция — intercalation); **co-** (cohesion — когезия); **re-** (recombination — рекомбинация); **sub-** (subroughness — субшероховатость); **super-** (supercapacitor — суперконденсатор); **supra-** (supramolecular — супрамолекулярный).

При терминоподобии в данной сфере используются следующие греческие префиксы: **anti-** (antisense — антисенс); **hyper-** (hyperthermia — гипертермия);

dia- (dialysis — диализ); *para-* (paramagnetism — парамагнетизм); *endo-* (endocytosis — эндоцитоз).

Суффиксация является эффективным способом морфологического образования терминов в обоих языках. В английском языке используются следующие суффиксы: *-ing* (crazing), *-ion*, *-tion* (delamination), *-or* (conductor), *-er* (identifier), *-ity* (dispersity), *-ite* (fullerite), *-y* (anisotropy), *-sis* (pyrolysis), *-ness* (nanohardness); в русском языке чаще всего применяются: *-ик*, *-ни* (*е*), *-тель*, *-ци* (*я*), *-ист*, *-ость*, *-ит*, *-ат*, *-ид*, *-он*, *-ер*, *-ор*, *-ия* и *др.* (см. примеры выше). За каждым суффиксом закреплено отдельное значение. Например, суффикс *-аци* (*я*) выражает значение процесса (деламинация, абляция и др. [6. С.14].

Рассмотренные типы и способы заимствования свидетельствуют о проявлении в терминосистеме нанотехнологий и наноматериалов одной из актуальных для современного терминоведения тенденций к интернационализации терминологической лексики науки и техники.

Почти половину всех терминов терминосистемы в области нанотехнологий и наноматериалов составляют терминологические словосочетания, большинство из которых строится на основе атрибутивных связей между компонентами терминов.

С точки зрения структуры выделяют двухсловные, трехсловные и многословные (состоящие из четырех и более слов) терминологические словосочетания. В рассматриваемой терминосистеме наиболее распространены считаются двухсловные словосочетания, компонентами которых являются: ядерный элемент, определяющий тематическую группу, к которой принадлежит то или иное понятие, и атрибутивный (определяющий) элемент, передающий видовые признаки термина [6. С.16].

Большая часть терминологических словосочетаний в английском и русском языках образована согласно следующим моделям:

- N+N (сущ. + сущ.): *cell therapy* (клеточная терапия), *synchrotron radiation* (синхротронное излучение), *adsorption isotherm* (изотерма адсорбции);
- A+N (прил. + сущ.): *liquid crystal* (жидкий кристалл), *capillary force* (капиллярная сила), *amphiphilic surfactant* (амфотерный сурфактант);
- N+of+N (сущ. + of + сущ.): *destruction of polymers* (деструкция полимеров), *limit of detection* (предел обнаружения).

Как правило, трехкомпонентные словосочетания образуются на базе двухкомпонентных словосочетаний.

Еще одним эффективным способом формирования терминосистемы является словосложение. В основном данный способ представляет собой сложение существительных и прилагательных и образование двухкомпонентных терминов по следующим моделям:

- N/N (сущ. + сущ.): *waveguide* (волновод);
- Adj/N (прил. + сущ.): *single electron* (одноэлектронный);

- N/Adj (сущ. + прил.): *gas-phase* (газофазный);
- Adj/Adj (прил. + прил.): *liquid-phase* (жидкофазный);
- N/Part II (сущ. + прич. II): (*трековый*);
- Adj/Part II (прил. + прич. II): *double-walled* (двухслойный);
- Num/N (сущ. + прил.): *two-photon* (двухфотонный);

В русской терминосистеме нанотехнологий наиболее эффективными являются следующие модели словосложения:

- N/N: *светодиод* (*light emitting diode*);
- Adj/Adj: *донорно-акцепторный* (*donor-acceptor*);
- Num/Adj: *однонаправленный* (*one-dimensional*);
- N/Adj: *зернограничный* (*grain-boundary*);
- Adj/N: *углепластик* (*carbon fibre reinforced plastic*).

В отличие от других способов формирования терминосистем словосложение позволяет создать большее количество слов, поскольку образованные таким образом слова дают возможность называть сложные понятия.

В терминосистеме в области нанотехнологий и наноматериалов для обозначения сложных понятий используется немало аббревиатур.

Согласно структуре такие сокращения можно разделить на:

- 1) буквенные: *ИПД* (*интенсивная пластическая деформация* — *severe plastic deformation*), *OF* (*optical fiber* — *оптическое волокно*);
- 2) слоговые: *FREDFET* (*field-effect transistor* — *полевой транзистор*), *laser* (*light amplification by stimulated emission of radiation* — *лазер*);
- 3) усеченные слова: *гомоэпи* (*homoepitaxy* — *гомоэпитаксия*), *авт* (*automatic* — *автоматический*);
- 4) соединения буквенной аббревиатуры со словом: *FT spectroscopy* (*Fourier-transformed spectroscopy* — *Фурье-спектроскопия*), *DNA microarray* (*ДНК-микрочип*).

Стоит отметить, что аббревиатура характерна в большей степени для английского языка. Что касается терминосистем русского языка, исследователи отмечают, что количество аббревиатур в нем значительно уступает английскому языку. Так, например, многие англоязычные нанотехнологические аббревиатуры не имеют сокращений-эквивалентов в русском языке: *CNF* (*carbon nanofibre*) — *углеродное нановолокно*, *LOC*, *mTAS* (*lab-on-a-chip* — *лаборатория на чипе*), *MWCNT* (*multi-walled carbon nanotube*) — *многостенная углеродная нанотрубка*.

Итак, источники терминов очень разнообразны. Причины обозначения того или иного понятия, выбора той или иной лексической единицы в качестве термина можно понять лишь при анализе источников терминов.

Анализ терминосистемы нанотехнологий и наноматериалов в двух языках показал, что почти полови на всех терминов — это терминологические словосочетания. В английской терминосистеме наиболее частотными пред-

ставляются двухкомпонентные атрибутивные словосочетания, в состав которых входит ядерный элемент, эксплицированный именем существительным, и атрибутивный, определяющий элемент. В русскоязычных сложных терминах реализуются два типа синтаксических связей: подчинительная и сочинительная.

Проведенный анализ терминосистемы нанотехнологий в английском и русском языках показал, что, несмотря на достаточно небольшой срок своего существования, исследуемая совокупность терминов в разных языках характеризуется общностью способов формирования и включает ба-

зовые понятия области нанотехнологий. Следует отметить, что данная терминосистема как комплексное образование в настоящий момент находится в стадии активного развития: создаются новые понятия и концепты, привлекаются термины из смежных наук, в частности из химии, физики, микроэлектроники и молекулярной биологии, что влечет за собой определенные трудности перевода нанотехнологической терминологии. Знание закономерностей терминообразования в этой области значительно облегчает поиск эквивалентов на иностранных языках и позволяет достичь максимальной адекватности при переводе специальных текстов.

Литература:

1. Лейчик, В. М., Терминоведение: предмет, методы, структура. Изд. 3-е. — М.: Издательство ЛКИ, 2007. — 256 с.
2. Марчук, Ю. Н. Вычислительная лексикография. — М.: ВПЦ, 1976. — 183 с.
3. Толикина, Е. Н. Термины в терминосистеме / Е. Н. Толикина // В кн.: Актуальные проблемы лексикологии. — Новосибирск: Изд-во Новосибирск. гос. ун-та, 1972. — с. 24–38.
4. Суперанская, А. В. Общая терминология. Вопросы теории / А. В. Суперанская, Н. В. Подольская, Н. В. Васильева. — М.: «Наука», 1989. — 246 с.
5. Ивина, Л. В., Лингво-когнитивные основы анализа отраслевых терминосистем (на примере англоязычной терминологии венчурного финансирования): Учебно-методическое пособие. — Москва, 2003. — 304 с.
6. Мартемьянова, М. А. Особенности формирования современных научных технических терминологических систем (на примере терминов нанотехнологий): автореф. дис... канд. филол. наук: 10.02.19 / Мартемьянова Мария Алексеевна. — Ижевск, 2011. — 22 с.
7. Oxford Learner's Dictionaries. — <http://www.oxfordlearnersdictionaries.com>.
8. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова // Российская академия наук. Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова — 4-е изд. доп. — М.: Азбуковник, 1999. — 944 с.
9. Словарь нанотехнологических и связанных с нанотехнологиями терминов. — www.thesaurus.rusnano.com.
10. Гринев-Гриневич, В. С., Терминоведение. Учебное пособие. Серия: Высшее пмтпрофессиональное образование. М.: Издательский центр «Академия», 2008. — 304 с.

Чинглиш как результат культурной глобализации

Алексеева Мария Геннадьевна, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

В данной статье рассматривается объединение китайского и английского языков (чинглиш) как лингвистическое и культурное явление, лексические и грамматические изменения заимствований, причины этих изменений, отношение к чинглишу правительства КНР.

Ключевые слова: чинглиш, китайский язык, заимствования

Китай — одно из древнейших государств мира со сложной историей. На сегодняшний день КНР — прогрессивная держава, которая продолжает развиваться во всех сферах: экономика, политика, энергетика и т.д. [1,2]. Китайский язык тоже не стоит на месте. Культура Запада постепенно проникает во все уголки мира, это явление не обошло и «срединное государство». Благодаря своему выгодному геополитическому положению, Китай привлекал внимание завоевателей. Так английский язык был «завезен» в Китай британскими торговцами в 17 веке и использовался для коммуникации с местным населением.

Пиджин-инглиш был распространен на севере Шанхая и в других портах, которые были открыты для международной торговли. В 19 веке в миссионерских школах стали преподавать литературный английский, с этого момента употребление пиджина стало сокращаться [3]. В связи с этим возникает необходимость не только изучать китайский и английский языки, но и развивать компетенции, входящие в профессиональную компетентность переводчика, базирующиеся на этих знаниях [4,5].

Язык никогда не существует в изоляции. Заместитель директора Института образования за рубежом Нан-

кинского университета Чан Сюйчан считает: «Чинглиш распространен по всему миру, это, в свою очередь, свидетельствует о том, что некоторые культурные явления в современном китайском обществе нельзя перевести на английский язык, если смотреть глубже, то можно сказать, что происходит ускоренный языковой и культурный обмен между Китаем и миром, КНР интегрируется в процесс глобализации. В связи с этим, необходимо с радостью принимать это, наблюдать за переменами, потому что язык постоянно изменяется» [6].

Лексика китайского языка с каждым днем впитывает в себя новые слова — неологизмы. Классификация неологизмов в китайском языке вызывает определенные трудности, несмотря на это можно выделить следующие модели неологизмов:

- новообразования (新造词语) — создание новых слов для новых явлений;
- создание новых лексических единиц на основе ресурсов китайского языка (新用词语) — создание новых значений для уже существующих единиц;
- прямое и не прямое заимствование из других языков (外来词语);
- диалектные неологизмы (方言词语);
- специальные термины (专业词语);
- сложносокращенные слова (缩略语) [7].

Чинглиш — вариант английского языка, созданный под влиянием китайского языка. Термин «чинглиш» используется для обозначения изменений в грамматическом строе языка, не встречающихся в английском, а также — бессмысленных с точки зрения языка — оригинала фраз, используемых на языке — носителе в контексте китайского

языка. Понятие «чинглиш» может использоваться для неодобрительной или уничижительной коннотации. В литературе встречаются и другие варианты обозначения: «Китайский английский», а также «Китаизированный английский» [6]. В современном Китае чинглиш широко распространен: меню в ресторанах, онлайн магазины, вывески, реклама, таблички в метро и аэропорте и т.д. [3].

Если рассматривать феномен чинглиш с лингвистической точки зрения, то в этом случае он относится к прямому заимствованию из других языков. Заимствования выполняют функцию обновления и обогащения лексики языка. Существует две основные причины для заимствования иноязычных слов:

- необходимость выразить новые значения;
- задача обновления лексической системы, замен старых лексических единиц на более выразительные новые единицы.

Сейчас появилось множество новых слов, которые не всегда возможно передать силами родного языка, в этом случае используется калькирование. Иноязычные слова 外来词 (дословно «слова извне») — один из источников пополнения словарного состава китайского языка. Иностранные слова, вошедшие в китайский язык, изменяются в соответствии с его фонетической системой. Чинглиш в данном случае выступает в роли слов, пришедших в китайский язык из английского. Эти слова, как и подобает заимствованиям, претерпели фонетические и грамматические изменения и вошли в состав языка [9]. Более подробный вариант рассмотрения употребления заимствований в китайском языке приведен в табл. № 1 «Употребление заимствований в китайском языке».

Таблица 1. Употребление заимствований в китайском языке

Заимствование (китайский)	Оригинал (английский)
福尔马林	Formalin
布丁	Pudding
卡布奇诺	Cappuccino
艾滋病	AIDS
芭蕾	Ballet
比基尼	Bikini
迪斯科	Disco
咖喱	Curry
汉堡包	Hamburger
好莱坞	Hollywood
黑客	Hacker
吉他	Guitar
拷贝	Copy
克隆	Clone
酷	Cool
镭射	Laser
芒果	Mango
模特	Model
派	Pie
扑克	Poker
三明治	Sandwich

На основе предложенных примеров можно сделать вывод, что все вышеперечисленные слова претерпели некоторые фонетические изменения. В оригинале английские слова имели в своем составе звуки, которые не являются характерными для китайской фонетической системы, то есть произошла полная китаизация произношения, что помогло уже измененным заимствованиям прочно закрепиться в китайской речи [9, 10].

Язык и культура тесно связаны между собой. Язык — «зеркало» культуры и наоборот. При изучении языка мы познаем иностранную культуру, менталитет другого народа. Зачастую, понять и прочувствовать все тонкости языка и культуры становится большим препятствием, люди сталкиваемся с недопониманием. Оно возникает вследствие различия культурных ценностей, обычаев и тд. Когда человек говорит на иностранном, для него языке, он автоматически пытается передать информацию с помощью привычных ему моделей и конструкций из родного языка. Именно поэтому чинглиш претерпевает не только фонетические, но и грамматические изменения.

Каково отношение китайских лингвистов к чинглишу? Они настаивают на сохранении чистоты китайского языка, отмечая, что использование английских фраз и добавление их в словари является нарушением закона о стандартах разговорного и письменного китайского языка.

Как сообщается в информационном агентстве «Синьхуа» последнее издание словаря китайского языка содержит в себе 239 слов английского происхождения и акронимов. В 2010 году китайское правительство пыталось принять меры против использования слов иностранного происхождения. Информационным организациям было отдано распоряжение о переводе таких фраз на китайский язык, что, в свою очередь, приводило к излишней многословности. Например, вместо аббревиатуры NBA необходимо использовать полный китайский вариант «Национальная баскетбольная ассоциация» (美国篮球职业联赛)[11].

На основе проведенного в статье анализа можно сделать вывод, что будущее чинглиша в Китае неоднозначно. Язык — динамичная структура. Китайский язык следует общей языковой тенденции — стремиться обогатиться, чинглиш — один из видов развития и пополнения лексики. Китайский английский с его тяготением к китайским лингвистическим формам не сможет перекрыть сознание жителей поднебесной, но свой отпечаток определенно оставит. Сейчас существует большая необходимость в Китае изучать английский язык благодаря глобализации и развитию экономики страны, открытию границ. Культура Запада проникает через СМИ, интернет и тд., но она не способна пошатнуть многовековую культуру.

Литература:

1. Тихонова, Е. В. Обучение будущих лингвистов устному последовательному переводу на основе анализа дискурса аудио- и видеоматериалов (китайский язык; профиль «Перевод и переводоведение»): автореферат дис... кандидата педагогических наук: 13.00.02 / Московский государственный гуманитарный университет им. М. А. Шолохова. Томск, 2014
2. Гураль, С. К., Тихонова Е. В. Организация процесса обучения устному последовательному переводу в свете синергетической теории // Язык и культура. 2013. № 4 (24). с. 77–82
3. Митчелл, П. Д. Чинглиш — культурный феномен / П. Митчелл, А. Зарубин // Вестник ТГУ. Культурология и искусствоведение. — 2013. — № 1 (9). — с. 69–80
4. Тихонова, Е. В. Развитие профессиональной компетентности переводчика на основе виртуальной обучающей среды Moodle // Язык и культура. 2015. № 1 (29). с. 169–175
5. Shoikova, A. M., Tikhonova E. V. The Development of Students' Mental Lexicon in Legal Discourse by Means of Authentic Materials // The XXV Annual International Academic Conference, Language and Culture, 20–22 October 2014. Procedia Social and Behavioral Sciences 154 (2014) P. 522–527
6. Чинглиш покорил весь мир [Электронный ресурс]: Жэньминьжибао он-лайн: электрон.журн. URL: <http://russian.people.com.cn/31516/8381329.html> (дата обращения: 24.05.2015)
7. Понарина, А. А. Анализ неологизмов китайского фондово-рыночной терминологии // Язык и мировая культура: взгляд молодых исследователей. — 28–30 апреля 2011. — с. 154–158
8. Чинглиш [Электронный ресурс] // Свободная общедоступная многоязычная универсальная энциклопедия. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Чинглиш> (дата обращения 24.05.2015)
9. Чеканова, Д. Ю. Заимствования в современном китайском языке // Традиции и инновации в лингвистике и лингвистическом образовании. — 12 мая 2009. — с. 117–123
10. Жукаускаене, Т. С. Сравнительный анализ фонемы и слогоморфемы в английском и китайском языках // Язык и культура (Приложение). 2012. с. 5–12.
11. Китайские филологи протестуют против включения английских фраз в китайский словарь [Электронный ресурс] // Голос Америки: информационный интернет-ресурс. URL: <http://www.golos-ameriki.ru/content/china-language/1498527.html> (дата обращения: 24.05.2015)

Функции прецедентных феноменов в художественном тексте (на материале романа В. Пелевина «Числа»)

Артёмина Юлия Александровна, студент
Казанский (Приволжский) федеральный университет

Современная художественная литература, так или иначе, имеет точки соприкосновения с жизнью общества в целом. Апеллируя к фоновым знаниям реципиента, художественный текст оказывает влияние на характер восприятия читателем информации. Показателем попытки адресанта воздействовать на сознание адресата является использование прецедентных феноменов.

При анализе особенностей использования прецедентных феноменов в художественных текстах ученые обращают особое внимание на те функции, которые они выполняют. К примеру функция оценки проявляется в текстах современной художественной литературы особенно ярко, и Д.Б. Гудков отмечает, что оценка, выраженная с помощью прецедентных феноменов, не претендует на объективность, она подчеркнута эмотивна и субъективна [Гудков 2003: 157]. Таким образом, употребляя прецедентное имя в тексте, автор не только на основе ассоциативной связи отсылает реципиента к прецедентной ситуации, связанной с этим именем, но и показывает свое отношение к определенному акту, а также за счет речевой экономии доводит до читателя главную мысль при помощи меньшего количества языковых единиц.

Вслед за Е.А. Нахимовой мы выделяем следующие функции прецедентных феноменов:

1. функция оценки;
2. моделирующая функция;
3. прагматическая функция;
4. парольная функция;
5. эстетическая функция;
6. людическая функция;
7. эвфемистическая функция [Нахимова 2005: 216].

Рассмотрим их подробнее на материале романа В. Пелевина «Числа».

1. Функция оценки.

Прецедентные имена — важное средство эмоциональной оценки, они не претендуют на логическую законченность, на точную формулировку, но ярко выражают субъективное отношение автора. К прецедентам, выполняющим функцию оценки в тексте можно отнести следующие примеры: Зевс, Аполлон, Штирлиц, Дориан Грей, Гудвин, Фюрер, Кощей Бессмертный, Ромео и Джульетта, Конфуций и другие.

Внешне Простислав напоминал *Кощя Бессмертного*, переживавшего кризис среднего возраста [Пелевин 2012: 116].

В восточно-славянской мифологии Кощей Бессмертный — злой чародей, смерть которого спрятана в нескольких вложенных друг в друга волшебных животных и предметах. Изображается в виде худого высокого ста-

рика либо живого скелета. Данное сравнение героя Простислава со сказочным персонажем дает адресанту более полное и точное представление о его внешности. За счет такого приема автор добивается экономии речевых средств.

Но если «34» вмещало в себя все лучшее, что было в Степиной жизни, то «43» было его антиподом, эдаким портретом *Дориана Грея* [Пелевин, 2012: 22].

Дориан Грей — главный герой романа Оскара Уайльда «Портрет Дориана Грея», юноша, наделенный невероятной красотой. Это фигура двойственная. В нем сочетаются тонкий эстет и даже романтик и порочный, безжалостный преступник и развратник. Все уродство души Дориана проявляется на его портрете, написанном Бэзилем Холлуордом. Со временем Дориан Грей и его портрет становятся невообразимо различными, превращаясь в полную противоположность друг друга. Данный прецедент использован в тексте для отражения в равной степени негативной оценки одного числа и позитивной оценки другого числа главным героем Степой.

2. Моделирующая функция.

Это функция формирования представлений о мире в виде модели. Часто эту функцию в тексте выполняют прецедентные имена и прецедентные ситуации. В тексте романа моделирующую функцию выполняют такие прецедентные феномены, как «Датское королевство», «Пересвет и Челубей», «Шрек», «Ромео и Джульетта», «Шариков», «Раскольников», «Моська», «Камикадзе» и другие.

Это было похоже на поединок *Пересвета и Челубея*, поразивших друг друга насмерть: числа взаимно аннигилировали, исчезнув во вспышке света [Пелевин 2012: 326].

Пересвет и Челубей — участники Куликовской битвы, бившиеся перед основным сражением. Оба богатыря погибли после первого же столкновения копьями. Автор показывает подобным сравнением, что в подобных поединках нет победителей, а с помощью этих прецедентных имен его предположение становится аргументированным.

И нечего было бояться, что его примут за *Моську*, лающую на слона [Пелевин, 2012: 155].

Моська — не только имя собственное, кличка собаки, лающей на слона, но и имя нарицательное, применяемое к кому-либо незначительному, слабому, неважному. В тексте явна видна апелляция автора к прецедентной ситуации, ассоциирующейся у читателя с данным прецедентным именем.

3. Прагматическая функция.

Это функция воздействия на адресата. Прецедентные феномены задают определенную систему ценностей и антиценностей, которая в той или иной мере регулирует поведение представителей лингвокультурного-сообщества,

объединяя «своих» и противопоставляя их «чужим». Примерами таких прецедентов могут служить «Шариков», «Набоков» и другие.

Шариковых нам тут не надо [Пелевин 2012: 304].

Шариков — персонаж фантастической повести Михаила Булгакова «Собачье сердце». Первоначально был беспородным бродячим псом, в результате экспериментальной операции по пересадке гипофиза и семенников переродился в человека. Затем, в результате обратной операции, снова стал собакой. «Шариков» стало именем нарицательным: так уничижительно называют наглое малообразованное и некомпетентное человека из низов общества, в силу разных причин оказавшегося во властных структурах. В тексте выражение «Шариковых нам тут не надо» используется с целью приближения простого разговорного стиля изложения мысли к более усложненному художественному. Такое усложнение придает тексту художественную насыщенность и многогранность. Присутствие в речи героя романа таких прецедентных феноменов, как имена литературных героев, делает его речь более богатой и развернутой, придает ей большую значимость. А пренебрежительное и уничижительное отношение к данному литературному персонажу дает возможность читателю предположить, что герои романа себя к таковым не относят, то есть приводят их в качестве противопоставления.

Англофилия казалась Степе почтенным и даже в некотором смысле патриотичным культурным изыском — она как бы устанавливала родство между ним и **Набоковыми** петербургского периода, которые весело плескались в надувных резиновых ваннах в своем гранитном особняке на Морской, обсуждая на оксфордском диалекте связь между подростковой эрекцией и смертью графа Толстого [Пелевин, 2012: 146].

Набоков — русский и американский писатель, поэт, переводчик, литературовед и энтомолог. Набоковы — представители петербургского дворянства, олицетворение комфорта и достатка. Автор противопоставляет семью Набоковых, имеющих весьма богатую и знатную родословную, главному герою Степе, у которого родители были простыми рабочими. Несмотря на то, что некие факты «устанавливали между ними родство», автор подчеркивает их разобщенность во всех отношениях.

4. Парольная функция.

Прецедентные феномены, используемые в речи, часто служат для обнаружения общности ментально-вербальной базы автора и читателя. Читатель, откликаясь на пароль, названный автором, становится как бы «своим», «посвященным». Таким образом, читатель и автор образуют группу единомышленников, понимающих друг друга и отделяющих себя от «непосвященных». Примерами также служат такие прецедентные феномены, как Шариков и Набоков.

5. Эстетическая функция.

Она связана с тем, что прецедентные феномены воспринимаются как способ эстетической оценки мира, привлекают внимание необычной формой выражения. В тексте

присутствуют такие прецедентные феномены, как «Воскресение», «Евгений Онегин», «Божественная комедия», «Ромео и Джульетта», «Братья Карамазовы» и т.п.

На нем была маркировка, напоминавшая о рассказе Конан Дойла «**Пляшущие человечки**», что делало его подходящим для планируемого макабра [Пелевин 2012: 195].

«Пляшущие человечки» — один из рассказов о Шерлоке Холмсе. В рассказе великий сыщик разоблачает загадку таинственного шифра, состоящего из изображений пляшущих человечков. Автор, давая отсылку к уже известному произведению, не дает читателям описания данного изображения. Таким образом автор может заинтересовать читателя и послужить неким рычагом, дающим толчок для прочтения произведения.

Про это еще у Дюма было в «**Двадцать лет спустя**» [Пелевин, 2012: 227].

«Двадцать лет спустя» — роман французского писателя Александра Дюма, являющийся продолжением романа «Три мушкетера» и второй книгой трилогии о королевских мушкетерах. Автор не дает читателям конкретных данных о событиях, описанных в книге Александром Дюма, поэтому читателю, незнакомому с произведением, необходимо восполнить информационные пустоты для более четкого понимания мысли автора.

6. Людическая функция.

Использование прецедентных феноменов часто имеет характер своего рода языковой игры: автор задает загадку, а читатель ищет на нее ответ. Языковая игра способствует привлечению внимания к форме текста, делает его менее формальным. Примерами могут служить прецеденты: Борис Маросеев, первый блин кригом, семь раз фильтруй базар, все дороги ведут в никуда, Саша Македонский, Архипелаг Гуд Лак, Приказание и наступление и т.д.

Тихо играло радио — гей-звезда **Борис Маросеев** в своей неповторимой манере исполнял песню «Сурок всегда со мной» [Пелевин 2012: 153].

Автор, не называя реального имени существующего исполнителя, трансформирует его имя так, что для читателя он становится вполне узнаваемым.

Роман назывался «**Приказание и наступление**» [Пелевин, 2012: 330].

Приказание и наступление. в данной трансформации легко узнается название романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание». В тексте речь идет о том, как увидеть мир глазами Достоевского. Неслучайно название нового романа так перекликается с уже известным широкому кругу читателей.

7. Эвфемистическая функция.

Применение прецедентных феноменов иногда помогает смягчить высказывание, сделать его менее резким, менее конкретным, а также выразить необходимую информацию в неагрессивной форме. Например, «Божий одуванчик», «Гадкий утенок», «Снежная королева», «Ленинская бородка» и т.п.

Пока Степа возился с тестом, роняя журнал на пол и шелестя на всю аудиторию вырванной из оранже-

вого альманаха страницей, на него косились все присутствующие, а одна важная дама, похожая на *Снежную королеву* в отставке, даже несколько раз кашлянула в кулак [Пелевин 2012: 89].

Снежная королева в современной интерпретации — воплощение неосердеченного ума, главная ценность в ее королевстве — ледяной и абсолютно правильный разум. Таким иносказанием автор передает пренебрежительное отношение своего героя к сложившейся вокруг него ситуации.

Мужчинам он нравился тоже — но по другой причине: он производил впечатление *божьего одуванчика*, которого можно не принимать всерьез [Пелевин, 2012: 18].

Божий одуванчик — старый, дряхлый, тихий и беззащитный человек. В контексте прецедент использован для передачи положительной оценки личности героя.

Таким образом, функционально-прагматические особенности прецедентных текстов в современной художе-

ственной литературе в значительной степени зависят от целей писателя. Проанализированный нами материал свидетельствует, что чаще всего прецедентные феномены используются для пародирования атрибутов современной реальности, при этом активно используется их прагматический, парольный, эстетический, экспрессивный, репрезентативный потенциал, а также возможности языковой игры и дополнительной информативности. Многие из названных функций основываются на оценочности и противоречивости прямого и переносного смыслов слов, входящих в состав трансформированного прецедентного текста. Отмеченные прецедентные феномены отражают переосмысление массовой культурой вечных ценностей, авторитетов, эталонов в угоду сиюминутным значимостям. Сталкивая в рамках одного субтекста ценности классической и популярной культуры, писатели-постмодернисты акцентируют внимание на поверхностности понимания первых и отсутствии глубины вторых.

Литература:

1. Гудков, Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации / Д. Б. Гудков. — М., 2003.
2. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. — М.: Наука, 1987. — 261 с.
3. Караулов, Ю. Н. Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности // Научные традиции и новые направления в преподавании русского языка и литературы. Доклады советской делегации на VI Конгрессе МАПРЯЛ. М.: Русский язык, 1986. С. 105–126.
4. Костомаров, В. Г., Бурвикова Н. Д. Как тексты становятся прецедентными // Русский язык за рубежом. 1994. № 1. с. 73–76.
5. Нахимова, Е. А. Прецедентные имена в массовой коммуникации: монография / Е. А. Нахимова — Екатеринбург: ГОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т»; Ин-т социального образования, 2007. — 207 с.
6. Пелевин, В. О. Числа / Виктор Пелевин. — М.: Эксмо, 2012. — 352 с.
7. Слышкин, Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе / Г. Г. Слышкин. — М.: Academia, 2000. — 128 с.

К истории вопроса: способы выражения категории числа имени существительного в селькупском языке

Асадуллина Лилия Ильгизовна, старший преподаватель
Национальный исследовательский Томский политехнический университет

Селькупский язык входит в группу самодийских языков финно-угорской ветви уральской языковой семьи и известен как один из исчезающих языков. В данной статье, основываясь на анализе теоретической литературы, рассматриваются морфологические и лексические способы выражения категории числа имени существительного в диалектах селькупского языка. Категория числа представлена единственным, двойственным и множественными числами.

Ключевые слова: селькупский язык, категория числа, имя существительное.

Селькупский язык относится к самодийской группе уральской семьи языков. Кроме селькупского языка, в эту группу входят ненецкий, энецкий и нганасанский языки, образующие ее северную ветвь, в то время как селькупский язык и языки самодийских народов Саян-

ского нагорья (камасинцы, карагасы, маторы и др.) составляли ее южную ветвь.

Как правило, селькупский язык принято делить на северное и южное наречие и существуют различные классификации диалектов селькупского языка той или иной

степени детализации. В настоящее время ученые-лингвисты в своих исследованиях придерживаются троичного диалектного членения селькупского языка, которое представляет из себя деление на северную, центральную и южную группы диалектов [11, с. 77–104; 8, 20–21].

Категория числа имени существительного была рассмотрена в различных исследованиях по селькупскому языку, но более подробно в следующих трудах:

1) на материале северных тазовских селькупов: «Селькупская (остяко-самоедская) грамматика» Г.Н. Прокофьев (1935) [10], «Очерки селькупского языка. Тазовский диалект» А.И. Кузнецова, Е.А. Хелимский, О.А. Казакевич, Е.В. Грушкина и Л.Ю. Йоффе (1980) [2].

2) на материале центральных и южных селькупских диалектов: «Категория падежа в селькупском языке» Э.Г. Беккер (1978) [2], «Морфология селькупского языка. Южные диалекты» Э.Г. Беккер, Л.А. Алиткина, В.В. Быконя, И.А. Ильяшенко (1995) [7], а также публикации Н.П. Максимовой (1984, 1985, 1986) [3, 4, 5, 6].

В данной работе рассматриваются грамматические (морфологические) и лексические способы выражения категории числа имени существительного (единственного, двойственного и множественного) в селькупском языке.

Единственное число

Единственное число в диалектах селькупского языка используется для обозначения единичных объектов — вещей, живых существ, явлений, понятий, парных предметов или групп однородных предметов, рассматриваемых как единое целое [7, с. 43; 2, с. 167]. Морфологическим признаком единственного числа является исходная немаркированная форма имени.

Единственное число выступает во всех диалектах в двух значениях: в значении единичности предмета либо в собирательно-обобщенном значении. Во многих случаях сама семантика слова определяет грамматическую форму единственного числа с обобщенно-собирательным значением: *NuW* 'трава', *pf* 'дрова, дерево', *Vobkr* 'ягода', *t7* 'огонь' и т.д.

Существительные, выражающие предметы, явления единственные в своем роде, имеют грамматическую форму единственного числа. К ним относятся редкие существительные, обозначающие явления природы: *Tül2t* 'солнце'. Например: кет. *teLde Telat so\ manWambis* 'Вчера солнце-его хорошо грело' [6, с. 96].

Существительные, называющие однородные вещества, не поддающиеся счету типа: *weVi*, *wnVi*, *тuVi* 'мясо', *s2r2* 'снег', *7г* 'жир, масло', *ket* 'кровь', *NaN* 'хлеб', *Ачq*, *Ачк2* 'соль', *кuз2*, *кйз2* 'железо' и др. употребляются обычно в форме единственного числа [6, с. 96].

Кроме этого, в диалектах селькупского языка единичность предмета может выражаться следующими способами:

– для обозначения части или частицы вещества в сочетании с адъективной формой используется грамматика-

лизованная лексема *laka* 'кусочек, часть, отдельное': *ulqal laka* 'льдина', *qлтугул laka* 'отрез сукна' [2, с. 168; 5, с. 35; 7, с. 44];

– для обозначения части или частицы вещества в сочетании с существительным вещественной семантики в форме генитива используется грамматикализованная лексема *saj* 'глаз' (кет. *saj*; тым. *haj*, *aj*): *7dit haj* 'капля воды' (*7t* — 'вода'); *t7t ha@* 'искра' (*t7* 'огонь'); *h2r2t ha@* 'снежинка' (*h2r2* 'снег'); [5, с. 36];

– для обозначения части или частицы вещества используется уменьшительная форма имен существительных вещественной семантики, которая образуется с помощью диминутивных суффиксов *-kka*, *-ka*, *-lika*: кет. *s2r2-kka* 'снежинка' (*s2r2* 'снег'); *NuW2-kka* 'травинка' (*NuW* 'трава'); *kora-lika* 'песчинка' (*kora* 'песок') [5, с. 36];

– для выражения единичности при названиях парных предметов используется сочетание адъективной формы слова *рнч* 'половина' и существительного, называющего парные предметы: *рнчL saj* 'один глаз', *рнчL toLcy* 'одна лыжа' [2, с. 167; 6, с. 98; 9, с. 161].

Все категории слов единственного числа, имеющие в качестве оппозиции другие предметы однородного с ними характера, проявляют способность приобретать показатели числа — двойственного и множественного.

Двойственное число

Двойственное число выражает конкретную множественность, которая исчисляется в пределах двух однородных непарных предметов. Морфологическим показателем двойственного числа имен существительных в селькупском языке является формант *-q§*, *-iq§*: *-риq§* в тазовском диалекте [2, с. 148] и *-q2* (*q*), реализующийся в южных диалектах в различных фонетических вариантах: *-qe*, *-ke*, *-k*, *-g2*, *-gi* (*-g*), *U@-*, *-Ua*, *-Uk* (*U*), *-R2*, *-Ri*, *-Ru*, (*R*) [7, с. 46]. Показатель двойственного числа *-q2* (*q*) присоединяется к основе слова имени существительного: тым. *korUaija-Ui* 'два медвежонка'; кет. *matu\ga-g2* 'два домика'; таз. *qu-то-риq§* 'два человека'.

Для обозначения совокупности однородных предметов, связанных одним общим действием, показатель двойственного числа *-q2* (*q*) часто сопровождается частицей *-sч-*, квалифицируемой в лингвистической литературе как суффикс взаимной связи. В тазовском диалекте в формах с суффиксом связи *-sy-* используется показатель двойственного числа *-риq§* [2, с. 168]: *NeNNasyриq§* 'две родные сестры', *imasуриq§* 'супруги'.

Множественное число

Основным значением формы множественного числа имен существительных является обозначение раздельного неопределенного множества однородных предметов [7, с. 54]. Понятийная категория множественности выража-

ется грамматическими и лексическими средствами. Морфологическими показателями множественного числа имени существительного в диалектах селькупского языка являются суффиксы *-t*, *-la/-ла*, *-tV (-t)*,

Множественное число имени существительного в тазовском диалекте имеет два показателя: *-t* (в непосессивной форме) и *-i* (в посессивной форме) [2, с. 168]. Оба аффикса присоединяются ко второй основе имени.

Распространенным показателем дистрибутивной множественности безличных форм имен существительных в кетском диалекте и в обских говорах селькупского языка является суффикс *-la/-ла* [7, с. 54]: тым. *k2bama* "r-la 'дети', тым. *timNa-la* 'братья', кет. *tutto-la* 'караси'.¹

Для обозначения множества однородных предметов, связанных общим действием в южноселькупских диалектах, служит показатель *-sat (-sa- + -t)* в различных фонетических вариантах [7, с.57]. Первый компонент этого показателя представляет собой суффикс взаимной связи, который является соответственно показателем дистрибутивной множественности: кет. *co\мбыл'е инне-за-т амдат* 'Пять братьев сидят'.

В тазовском диалекте для выражения нерасчлененной собирательности множественности служит показатель *-Lmy: IjaLmy* 'детвора, ребята'; *sbryLmy* 'зверье'; *pφLmy* 'деревья, группа деревьев, лес, дрова, древесина' [2, с. 170].

Итак, рассмотрев морфологические и лексические способы передачи количества именем существительным в диалектах селькупского языка можно прийти к следующим выводам:

1) Основным грамматическим значением формы единственного числа у считаемых существительных селькупского языка является выражение количественного понятия единичности. Единственное число имени существительного не имеет особого морфологического показателя.

2) Двойственное число имен существительных в селькупском языке обозначает ограниченную множественность, содержащую два непарных предмета. Морфологически оформляется суффиксами: *-q§*, *-iq§*, *-q2 (q)*.

3) Основное значение формы множественного числа имен существительных — обозначение раздельного неопределенного множества однородных предметов. Множественное число имеет числовые показатели: *-t*, *-la/-ла*, *-tV (-t)*.

Список сокращений диалектов:

- таз. — тазовский диалект
- кет. — кетский диалект
- тым. — тымский диалект

Литература:

1. Беккер, Э. Г. Категория падежа в селькупском языке / Э. Г. Беккер. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1978. — 208 с.
2. Кузнецова, А. И., Хелимский Е. А., Грушкина Е. В. Очерки по селькупскому языку. — М., МГУ, 1980, т. 1, вып. 8, с. 167–170; Выражение числовых отношений в диалектах селькупского языка. — В кн. Языки и топонимия. — Томск, 1981, с. 74–81;
3. Максимова, Н. П. Морфологические способы выражения двойственности в селькупском языке. — Структура палеоазиатских и самодийских языков. Томск, 1984, с. 106–114.
4. Максимова, Н. П. Морфологические способы выражения множественности в южных диалектах селькупского языка. — Вопросы енисейского и самодийского языкознания. — Томск, 1984, с. 103–110.
5. Максимова, Н. П. Грамматическое выражение единичности и множественности у имён существительных вещественной семантики (на материале Южно-Селькупских диалектов). — Лексика и грамматика языков Сибири. Барнаул, 1985, с. 34–41.
6. Максимова, Н. П. Категория числа в селькупском языке. — Языки народов Севера Сибири. Новосибирск, 1986, с. 93–101.
7. Морфология селькупского языка. Южные диалекты / Э. Г. Беккер, Л. А. Алиткина, В. В. Быконя [и др.]; под ред. Э. Г. Беккер. — Томск: Изд-во ТГПИ, 1995. — Ч. 1. — 292 с.
8. Поздеева, Г. П. Диалекты селькупского языка: верификация общепринятых классификаций и новый взгляд на диалектное членение // Урало-алтайские исследования. Москва: Институт языкознания Российской академии наук, 2013, № 1 (8). Сс. 20–34.
9. Поздеева, Г. П. Конструкции «существительное, обозначающее парные предметы, + глагол» в диалектах селькупского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013, № 12 Ч.1 (30). Сс. 161–165.
10. Прокофьев, Г. Н. Селькупский (остяко-самоедский) язык / Г. Н. Прокофьев. — Л.: Изд-во ин-та народов Севера ЦИК СССР, 1935. — Ч. 1: Селькупская грамматика. — 131 с.
11. Janurik, T. A szolkup nyelvjarasok osztalyozasa // Nyelvtu-domanyi Kozlemenyek. — 1978. — № 1. — S. 77–104.

¹ В данных диалектах также возможно употребление суффикса мн. числа *-tV(-t)*. Наиболее часто он встречается в среднеобском ареале за исключением диалекта шешкупов. Реже представлен указанный суффикс в кетском диалекте. В тымском диалекте встречается исключительно суффикс мн. числа *-tV(-t)*.

Морфологические показатели категории числа имени существительного в мордовских, марийских языках и языках пермской группы

Асадуллина Лилия Ильгизовна, старший преподаватель
Национальный исследовательский Томский политехнический университет

В данной работе рассматриваются морфологические числовые показатели имени существительного в языках пермской группы (удмуртском, коми-пермяцком и коми-зырянском) и в мордовских языках (эрзянском, мокшанском) и марийских языках.

Ключевые слова: категория числа, имя существительное, языки пермской группы, мордовские языки, марийские языки.

Данная работа посвящена анализу морфологических способов выражения категории числа в языках пермской группы, мордовских и марийском языках, с целью выявления их общих признаков и различий.

Уральские языки приблизительно в V в. до н.э. разделились на финно-угорские и самодийские. Позже произошел распад финно-угорских языков на угорские: венгерский, хантыйский, мансийский vs финно-пермские. Затем распад последних на пермские (коми и удмуртский) vs. финно-волжские (прибалтийско-финские, саамские, мордовские и марийский) [4, с.219; 5, с. 80].

Мордовские языки

Эрзянский язык

Категория числа в эрзянском языке [7, с. 196] представлена оппозицией единичности и множественности. Показателем единственного числа является исходная (нулевая) форма имени. Категория множественного числа реализуется в показателе $\sim t$ (-тэ) — в номинативе основного склонения и в падежных формах указательного склонения (-т-не).

Образование формы множественного числа обычно вызывает различного рода морфологические изменения на стыке основы и суффикса: 1) выпадение конечного гласного основы, иногда приводящее к чередованию согласных: *курго* 'рот' — *курк* 'рты' (< *kurgo* + *t*), *очко* 'корыто' — *очк* 'корыта' (< *oVko* + *t*); 2) переход конечных звонких согласных в глухие: *сэдэ* 'мост' — *сэтть* 'мосты' (< *sed* + *t*).

Мокшанский язык

В способах выражения категории числа в мокшанском языке нет существенных отличий от эрзянского. Исключение составляют копулятивные образования типа эрз. *Машат-Мишат* 'Маша и Миша' (букв. 'Маши-Миши') и термины родства на *-ыде-* (-иде), употребляемые только во мн. ч. притяжательного склонения в значении 'родственник вместе с другими людьми' (эрз. *авидень* 'моя мать и другие с нею'), не получившие развития в мокшанском языке.

Итак, числовые показатели в мордовских языках, представленные ниже в таблице, имеют следующие формы:

Таблица 1. Показатели категории числа имени существительного в мордовских языках

Мордовские языки		
	показатель ед.ч.	показатель мн.ч.
эрзянский	-В	$\sim t$ (-тэ)
мокшанский	-В	$\sim t$ (-тэ)

1) Категория числа представлена только двумя числами: единственным и множественным. Двойственное число отсутствует.

2) Единственное число характеризуется отсутствием каких-либо формальных признаков. Множественное число в мордовских языках имеет морфологический показатель $\sim t$ (-тэ).

Марийские языки

В марийских языках имеется также два числа: единственное и множественное [1, с. 43]. Единственное число

специального суффикса не имеет. Множественное число в лугово-восточном марийском литературном языке оформляется при помощи суфф. — *влак*, а в горномарийском — при помощи суфф. — *влаХ*: уХдыр-влак // ыдыр-вла 'девушки' (ед. ч. уХдыр//ыХдыр 'девушка'); в говорах лугового наречия мн. число образуется яри помощи суфф. — *АаткV*: 7IKr-Аа-ткV 'девушки'; в говорах восточного наречия может встречаться суфф. — *lak*.

Сложный суффикс *-мыт* употребляется для выражения групповой множественности лиц, объединенных какими-либо отношениями (родственными, дружествен-

ными и др.): *авамыт* 'мой отец с близкими, кто с ним', *йыванмыт* 'Иван с близкими, кто с ним'. Обычно суф. — *мыт* употребляется с терминами родства или же с собственными именами.

Кроме указанных, в марийском языке имеется суф. — *1а*, выражающий собирательную множественность, в словах с собирательным значением: *куэрла* //

кугила 'березняк' (*куэ//куги* 'береза'). Суф. — *ла* нередко выражает обстоятельственную множественность в словах, имеющих формы пространственных падежей: мр. — луг.: *яллаште* 'в селах', *кечылаште* 'на днях'.

Таким образом, в марийских языках числовые показатели имеют следующие формы, представленные в таблице ниже:

Таблица 2. Показатели категории числа имени существительного в марийских языках

Марийские языки		
	показатель ед.ч.	показатель мн.ч.
горномарийский	-В	— <i>влч</i> — <i>ла (-лч)</i> — <i>мыт</i>
луговой и восточный марийский	-В	— <i>влак</i> — <i>ла</i> — <i>мыт</i>

1) Категория числа представлена бинарной оппозицией, т.е. оппозицией единственного и множественного чисел.

2) Единственное число не имеет особых показателей. Множественное число в мордовских языках образуется при помощи аффиксов: *-влч/-влак; -ла (-лч)*.

Пермская подгруппа

Коми-зырянский

Имя существительное имеет два числа: единственное и множественное [3, с. 286]. Формой именительного падежа единственного числа служит основа слова: *морт* 'человек', *му* 'земля'. Множественное число образуется при помощи суффикса *-яс*: *керка* 'дом' — *керкаяс* 'дома', *выв* 'лошадь' — *вывъяс* 'лошади'. Суффикс множественного числа предшествует падежному суффиксу: *вовъяслы* 'лошадям'.

Коми-пермяцкий

Грамматическое число выражается оппозицией единственного и множественного числа [6, с. 24]. Единственное число характеризуется нулевым показателем и обозначает один предмет: *морт* 'человек', *керку* 'дом', *туй* 'дорога', *пу* 'дерево'. Множественное число обозначает несколько предметов: *морттэз* 'люди', *керкуэз* 'дома', *туйез* 'дороги'.

Окончанием множественного числа в коми-пермяцком языке является *-эз* или *-ез*, например: *керкуэз* 'дома', *туйез* 'дороги'. Если же основа существительного кончается на согласный звук, то перед окончанием множественного числа этот согласный удваивается, например:

морт 'человек' — *морттэз* 'люди', *кань* 'кошка' — *каннез* 'кошки'.

Удмуртский язык

В современном удмуртском языке морфологическая категория числа выражается в системе двух противопоставленных рядов форм — единственного и множественного числа [2, с. 243].

Единственное число в современном удмуртском языке характеризуется отсутствием формальных показателей: Укно (\emptyset) дурын бамзэ (\emptyset) миськыса пуке кочХыш (\emptyset) [10, с. 96]. 'На подоконнике сидит, умываясь (букв.: умывая свою мордочку) кошка'; Гурезь (\emptyset) йылын ик, сюрес (\emptyset) дурын, вӧл-вӧл вож куаро бадяр (\emptyset) сылэ [9, с. 321]. 'Прямо на обочине, у дороги, стоит раскидистый клен с зеленой листвой'.

Морфологическим показателем множественного числа в системе современного удмуртского языка является суффикс *-ос/-ёс*: *пиос* 'мальчики', *пуконъёс* 'стулья', *ӧсьёс* 'двери', *пинъёс* 'зубы' и др.

Итак:

1) В пермских языках различают два числа: единственное и множественное. Двойственное число в современных языках не сохранено.

2) Единственное число существительных не оформлено особым суффиксом. Показателем множественного числа в коми-зырянском является суф. — *яс*, в коми-пермяцком *эз/-ез*, в удмуртском *ос/-ёс*, ср.: коми *мортъ-яс*, к. — п. *мортт-эз*, удм. *муртъ-ёс* 'люди'; коми *ва-яс*, к. — п. *ва-эз*, удм. *ву-ос* 'воды'.

Краткий обзор способов выражения категории количества в языках пермской группы позволяет представить обобщенные результаты в виде таблицы и сделать следующие выводы:

Таблица 3. Показатели категории числа имени существительного в пермских языках

Пермские языки		
	показатель ед.ч.	показатель мн.ч.
коми-зырянский	-В	-яс
коми-пермяцкий	-В	эз/-ез
удмуртский	-В	ос/-ёс

Общие выводы:

1) Категория числа в рассматриваемых языках представлена двумя числами единственным и множественным. Единственное число имени существительного не маркировано, т.е. не имеет числового показателя.

3) Множественное число имеет следующие числовые показатели: в марийских языках: *-влч/-влак; -ла (-лч)*; в коми-зырянском: *-яс*; в коми-пермяцком: *эз/-ез*; в удмуртском: *ос/-ёс*; в мордовских языках: *~т (-тѳ)*.

Список сокращений:

ед.ч. — единственное число

мн.ч. — множественное число

суф. — суффикс

Сокращения названий языков и диалектов:

к-п — коми-пермяцкий

морд. — мордовский язык

мр. — луг. — марийский (луговой) язык

удм. — удмуртский язык

Литература:

1. Коведяева, Е.И. Мордовские языки // Основы финно-угорского языкознания: Марийский, пермские и угорские языки. — М., 1976. — 464 с.
2. Кондратьева, Н.В. Словоизменение имени существительного в удмуртском языке (грамматические категории падежа и числа): дис. ... д-ра филол. наук / Н.В. Кондратьева. — Ижевск, 2011. — 529 с.
3. Лыткин, В.И. Коми-зырянский язык // Языки народов СССР. — М., 1966. — Т. 3: Финно-угорские и самодийские языки. — с. 281–300.
4. Майтинская, К.Е. Сравнительная морфология финно-угорских языков // Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. — М., 1974. — с. 214–382.
5. Майтинская, К.Е. Историко-сопоставительная морфология финно-угорских языков / К.Е. Майтинская. — М.: Наука, 1979. — 263 с.
6. Майшев, И.И. Грамматика коми-пермяцкого языка / И.И. Майшев. — М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1940. — 83 с.
7. Феоктистов, А.П. Эрзянский язык // Языки мира: Уральские языки. — М.: Наука, 1993. — с. 190–208.
8. Хайду, П. Уральские языки и народы / П. Хайду. — М.: Прогресс, 1985. — 429 с.
9. Загребин, Е.Е. Тулыс зор: Пьесаос, веросьёс / Е.Е. Загребин; послесл. А.Г. Шкляевлэн. — Ижевск: Удмуртия, 1997. — 416 б.
10. Хайдар, Р.О. Ачим: Веросьёс, юморескаос, скетчъёс / Р.О. Хайдар. — Ижевск: Удмуртия, 1999. — 200 б.

Морфологические показатели категории числа имени существительного в языках угорской группы в сопоставлении с числовыми показателями в селькупском языке

Асадуллина Лилия Ильгизовна, старший преподаватель
Национальный исследовательский Томский политехнический университет

В данной работе рассматриваются и сопоставляются морфологические числовые показатели имени существительного в языках угорской группы (венгерском, хантыйском, мансийском) и селькупским языками.

Ключевые слова: категория числа, имя существительное, угорская группа языков, селькупский язык.

Уже в прауральскую эпоху единственное число, не имевшее специальных показателей, противопоставлялось множественному, а также двойственному числу [8, с. 234]. Целью нашей работы является сопоставление

ставление числовых показателей имени существительного в языках угорской группы (венгерский, хантыйский и мансийский) и одного из самодийских языков (селькупский).

Угорская подгруппа

Угорская подгруппа представлена венгерским языком, хантыйским и мансийским, составляющими обско-угорскую ветвь.

Венгерский язык

Венгерский язык [2, с.:347; 4, с.:384] в отличие от других языков угорской подгруппы имеет только два числа: единственное и множественное. Морфологические числовые показатели: у единственного числа — нулевой, у множественного -k. Суффикс простого (непритяжательного) множественного числа -k к словам, оканчивающимся на гласный, присоединяется непосредственно, к словам же, оканчивающимся на согласный, — через «соединительный гласный», являющийся большей частью остатком утраченного конечного гласного основы. В связи с присоединением -k в основах слов могут происходить несложные изменения; ср. *lypcsy* ‘лестница’ — *lypcsy-k*, но *alma* ‘яблоко’ — *alma-k*, *fal* ‘стена’ — *fala-k*, но *madar* ‘птица’ — *madara-k*, *clom* ‘сон’ — *clmo-k*.

Хантыйский язык

В хантыйском языке [1, с. 304; 3] категория числа представлена тремя грамматическими числами: единственным, двойственным и множественным. Единственное число выражается нулевой морфемой во всех диалектах хантыйского языка: ср. каз. *χot*, вас. *kat* ‘дом’;

каз. *ńõχi*, вах.вас. *p’oγi* ‘мясо’; каз. *χi*, вах., вас. *k*, *u* ‘мужчина’; каз. *χil*, вах., вас. *kul k*, *ul* ‘рыба’ т.д.

Показателем двойственного числа в северных диалектах является суффикс -ηкп; в восточных -ккп (-укп), показателем множественного числа для всех диалектных групп служит суффикс — (к) t [7, с. 30; 10, с. 14; 9, с. 36–37]

Числовые показатели присоединяются непосредственно к основе слова. Форманты, выражающие некоторые синтаксические отношения (лично-притяжательное склонение, падеж), следуют за показателями числа: каз. *χot-kt*-на ‘в домах’ (*χot-kt* форма мн. ч.; *χot* — ‘дом’), ар-ηкп-а ‘двум собакам’ (ар-ηкп — форма дв. числа; *amr* — ‘собака’) и т.д.

Мансийский язык

В мансийском языке, как и в хантыйском, три грамматических числа [1, с. 280]: единственное, двойственное и множественное. Единственное число не имеет показателя, оно выражается нулевой морфемой. Однако в склонении встречаются такие фонетические отклонения (например, выпадение гласного во втором слоге и др., ср. *ürkU* ‘песня’, *ürU-*), которые характерны лишь для формы ед. числа. Таким образом, «немаркированное» единственное число можно признать лишь с данной оговоркой.

Показателем двойственного числа выступает -U (-iU) (юк. — *kj*, — *i*), а показателем множественного числа во всех диалектах — (-к) t.

Однако в тавдинском диалекте различаются только единственное и множественное число, на существование двойственного числа прежде указывают лишь его отдельные лексикализованные формы: *n1-komow* ‘мужчина и женщина’, *kil’7w* ‘два’ и др.

Итак, угорская подгруппа языков характеризуется следующими числовыми показателями, представленными в таблице ниже:

Таблица 1. Показатели категории числа имени существительного в угорских языках

Угорские языки			
	показатель ед.ч.	показатель дв.ч.	показатель мн.ч.
венгерский	-В	отсутствует	-k
Обско-угорские языки			
хантыйский	-В	-Uкп/- UKп	— Kt/ -kt (для основ на согл), — t (для основ на глас)
мансийский	-В	-U/- iU	- t/ -kt

1) Немаркированностью единственного числа во всех языках данной подгруппы.

2) Категория числа данной подгруппы финно-угорской ветви представлена тернарной оппозицией: единственного, двойственного и множественного числа. Исключением является венгерский язык.

3) Признак мн. ч. — t в хантыйском и мансийском языках восходит к уральскому показателю мн. ч. *-t.

Самодийские языки

Самодийские языки делятся на северно-самодийские: ненецкий, энецкий, нганасанский и южные — селькупский, а также вымершие языки: маторский и камасинские языки.

Для сопоставления и сравнения числовых показателей мы приводим обобщенные результаты образования грамматических чисел в самодийских языках мы представляем в нижеследующей таблице: [6 с. 23–27; 5]

Таблица 2. Сводная таблица показателей категории числа имени существительного в самодийских языках

Самодийские языки	ед. число	дв. число	мн. число
энецкий	-В	-хы' — зы' —кы'	— переход ударения: дэ"ту'гусь — дёту""; а"дэ'нельма' — мн.ч. адэ"". — у имен II класса чередование конеч. гортанного смычного с опр.согл: кнЩн' 'дикий олень' — мн.ч. кнЩнр'';
ненецкий	-В	-х'	-''- глухой гортанный смычный звук.
нганасанский		-гкй'/-ккй (им.п.)	-''- глухой гортанный смычный звук.
селькупский	-В	-q§, — иq§ : -қиқ§ (таз.) — q2 (q) (Ю ф.в.: — qe, — ke, — k, — g2, — gi (-g), U@-, — Ua, — Uu, — Uk (U), — R2, — Ri, — Ru, — Rk (R)	-t, — i (таз.) — la/ — ла, — tV (-t) (Ю)

1) В языках самодийской подгруппы грамматическое число представлено тернарной оппозицией.

2) Единственное число существительных не оформлено особым суффиксом. Двойственное число оформляется в энецком — суффиксами —хы' /-гы';/-кы'; в ненецком —х'; в нганасанском —гкй'/-ккй; в селькупском -q§, — иq§ : -қиқ§ (тазовский диалект), — q2 (q) (южные диалекты). Данные формы восходят к прауральскому *-ka/*-ка, который возводится к числительному *kakte 'два'. Показателем мн. числа в ненецком и наганасанском является глухой гортанный смычный —'', в энецком — переход ударения; в селькупском суффиксы -t, — i (тазовский диалект), — la/-ла; -tV (-t) (южные диалекты).

Общие выводы:

2) Категория числа имени существительного в рассматриваемых языках представлена тернарной оппозицией: единственным, двойственным и множественным числами. Единственное число имени существительного не имеет числового показателя.

3) В рассматриваемых языках (за исключением венгерского) наличествует двойственное число. Ныне двойственное число сохранено только самодийскими, обско-угорскими и саамским языками в уральской языковой семье [8, с. 235].

Список сокращений:

ед.ч. — единственное число
дв.ч. — двойственное число
мн.ч. — множественное число
суф. — суффикс
ф.в. — фонетический вариант

Сокращения названий языков и диалектов:

вен. — венгерский язык
манс. — мансийский язык
хант. — хантыйский язык
каз. — казымский диалект
вас. — васюганский диалект
вах. — ваховский диалект

Литература:

1. Гуя, Я. Морфология обско-угорских языков // Основы финно-угорского языкознания. Марийский, пермские и угорские языки. — М., 1976. — с. 279–332.
2. Иванов, В. С. Учебник венгерского языка / В. С. Иванов. — М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1961. — 347с.
3. Лемешко, Е. С. Категория числа имен существительных хантыйского языка в сравнительно-типологическом освещении: [рукопись]: дис... канд. филол. наук / Е. С. Лемешко. — [Б. м., б. г.]. — Док. опубл. не был.
4. Майтинская, К. Е. Венгерский язык // Основы финно-угорского языкознания. — М., 1976. — Т. 3. — с. 342–343.
5. Поздеева, Г. П. Диалекты селькупского языка: верификация общепринятых классификаций и новый взгляд на диалектное членение // Урало-алтайские исследования. Москва: Институт языкознания Российской академии наук, 2013, № 1 (8). с. 20–34.

6. Поздеева, Г.П. Особенности числового согласования в диалектах селькупского языка: дис... канд. филол. наук / П. Г. Поздеева — Томск, 2014. — 280 с.
7. Терешкин, Н.И. Очерки диалектов хантыйского языка / Н.И. Терешкин. — М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961. — Ч. 1: Ваховский диалект. — 204 с.
8. Хайду, П. Уральские языки и народы / П. Хайду. — М.: Прогресс, 1985. — 429 с.
9. Хонти, Л. К проблеме возникновения объектного спряжения угорских языков // Nyelvtudományi Közlemények. — 1984. — № 87. — с. 341–347.
10. Rédei, K. A permi nyelvek első szótagi magánhangzóinak a történetéhez // Nyelvtudományi Közlemények. — 1968. — Bd. 70. — S. 35–45.

Изучение русских глаголов движения с приставкой под- и способы её выражения в персидском языке

Ахмади Мирейла, кандидат филологических наук, доцент;
Гамарпур Тахере, магистр
Университет “Тарбият Модарес” (г. Тегеран, Иран)

Статья посвящена сравнительному анализу глаголов движения с приставкой под-. Анализ рассмотренной конструкции раскрывает способы выражения глаголов движения с приставкой под- в персидском языке.

Глаголы движения с приставками в русском языке передают более разнообразные значения по сравнению с персидским языком. Сопоставление структур разных языков и знание их различий является важным шагом на пути к составлению учебных материалов для изучающих иностранных языков. Различия структур родного и изучаемого языков приводят к интерференции и возникновению ошибок у учащихся. Зная причину своих ошибок, студенты легче будут преодолевать проблемы, связанные с освоением иностранного языка.

Глагол в русском и персидском языках

«Академическая русская грамматика» характеризует глагол русского языка таким образом: «Глагол это часть речи, обозначающая процесс и выражающая это значение в категориях вида, залога, наклонения, времени и лица; глагол обладает также категориями числа и в формах прошедшего времени и сослагательного наклонения категорией рода.

Глагол имеет следующие классы форм:

1) спрягаемые формы, т.е. представляющие изменение глагола по лицам, временам, наклонениям, числам и в прошедшем времени и сослагательном наклонении, родам;

2) инфинитив;

3) причастия и деепричастия.

Морфологические категории глагола различаются по составу охватываемых ими форм. Категории вида и залога присущи всем формам глагола, включая причастия и деепричастия. Остальные морфологические категории глагола присущи лишь определенным классам форм. Катего-

рией наклонения обладают все спрягаемые формы, но она не свойственна формам инфинитива, причастий и деепричастий. Категория времени присуща лишь формам изъявительного наклонения, но отсутствует в формах сослагательного и повелительного наклонения. Категория лица свойственна формам изъявительного наклонения (кроме форм прошедшего времени) и формам повелительного наклонения. Не обладают категорией лица формы сослагательного наклонения, инфинитива, причастий и деепричастий. Категория числа свойственна всем формам глагола, кроме форм инфинитива и деепричастий. Категория рода присуща в единственном числе лишь формам прошедшего времени и сослагательного наклонения; у причастий категория рода относится к тем морфологическим категориям, которые связывают причастия с прилагательными». [Академическая русская грамматика, 1980: 1384]

А.Н. Тихонов о глаголе говорит, что «Глаголы обозначают процесс и выражают это значение в формах вида, залога, лица, числа, рода, времени, наклонения, выступают в функции простого глагольного сказуемого. Понятие процесса предполагает те или иные изменения. Любые изменения происходят во времени. Значение времени, временной протяженности является характерным признаком любого глагола.

Грамматические формы глагола делятся на два ряда: 1) неопределенная форма (инфинитив); 2) спрягаемые формы.

Для всех форм глагола характерна не только лексическая, но и грамматическая общность. Спрягаемые формы и инфинитив одного глагола имеют одно и то же видовое и залоговое значение. Так, инфинитив *строить (дом)*,

форма первого лица единственного числа (*я строю (дом)*) одинаково обладают значением несовершенного вида и действительного глагола. Неопределенная форма глагола употребляется в роли, подлежащего и второстепенных членов предложения». [Тихонов, 2003: 305–306]

Д. Э. Розенталь в своей книге «Современный русский язык» определяет глагол русского языка таким образом: «Глагол — это знаменательная часть речи со значением действия или состояния, выражающая эти значения с помощью категорий вида, залога, времени, лица, наклонения и выполняющая в предложении в основном функцию сказуемого. Глагол может называть конкретное действие (*читать, строить*), движение и перемещение в пространстве (*идти, летать*), физическое и душевное состояние (*болеть, радоваться*), деятельность органов чувств (*видеть, слышать*), изменение состояния (*слабеть, худеть*).» [Розенталь, 2005: 223]

Ю. А. Рубинчик о русском глаголе так говорит: «Персидский глагол характеризуется грамматическими категориями лица, времени, наклонения, залога и имеет богатую систему форм. Грамматические формы глагола в зависимости от типа образования делятся на синтетические (простые) и аналитические (описательные). Простые формы образуются из глагольных основ при помощи личных окончаний и приставок *می* и *به* или без них. Аналитические формы глагола обычно состоят из двух или нескольких слов, из которых одно всегда — вспомогательный глагол. Все глаголы имеют один тип спряжения.» [Рубинчик, 2005: 827]

Персидские грамматисты не характеризовали для персидского глагола категорию вида, как она есть в русском языке. Хотя, надо указать, что Фаршидвард в своей книге так высказывает своё мнение о категории вида в персидском языке: «характеристики глагола с точки зрения его обозначения на начало, длительность, завершение, законченность и незаконченность действия, и с точки зрения его связи с определённым временем, называется видом (аспект)». [Фаршидвард, 1384 (2005): 379]

В грамматике персидского языка присоединение приставок к глаголом как и в русском языке играет значительную роль и в грамматической и в семантической структуре персидских глаголов, зато есть ряд различий между этими языками в процессе префиксации.

Ахмади-Гиви говорит: «приставка — это морфемы, присоединяющиеся к началу морфем или лексем и в результате этого их лексическое значение». [Ахмади-Гиви, 2005, 274]

Глагол выражает отношение действия к моменту речи. В русском языке 3 времени: настоящее, прошедшее и будущее время. Категория времени тесно связана с категориями вида и наклонения. Вид — это категория глагола, выражающая ограниченность или неограниченность протекания действия по отношению к его Глагол в русском языке обозначает процесс и выражает это значение при помощи категорий вида, залога, времени, лица, накло-

нения и выполняет в предложении в основном функцию сказуемого. Глагол имеет следующие классы форм: 1) спрягаемые формы; 2) инфинитив; 3) причастия и деепричастия. Инфинитив — это начальная, исходная форма глагола, которая называет действие или состояние без указания на субъект и время действия, на его отношение к действительности и выражает только значения вида и залога.

Наклонение глагола — это морфологическая словоизменительная категория, которая выражает отношение действия к действительности. Глагол имеет три наклонения: изъявительное, сослагательное и повелительное. Категория времени предельно. Категорией вида охватываются все глаголы. Почти все русские глаголы имеют две формы — несовершенного вида и совершенного вида. Глаголы движения обозначают движение в пространстве. Они составляют 18 пар. Первые глаголы в каждой паре обозначают действие, совершающееся в одном направлении, в определённый момент, а вторые обозначают действие без указания на направление. Глагол в персидском языке является одним из важнейших слов, который выражает действие или состояние и в предложении является главным словом. Глагол является необходимой частью каждого предложения и обычно стоит в конце предложения. Глагол в персидском языке спрягается и хотя считается одним словом, выражает четыре значения: действие, время, лицо, число. Русские глаголы имеют категорию вида, но в персидском языке она отсутствует. В грамматике персидского языка присоединение приставок к глаголам как и в русском языке играет значительную роль и в грамматической и в семантической структуре персидских глаголов, зато есть ряд различий между этими языками в процессе префиксации.

Приставка в русском и персидском языках.

Н. Н. Дурново в своей книге дает такое определение: «Префикс — это аффикс, стоящий перед основой. Префиксы существуют во многих языках, но в европейских языках редки. Что касается русских приставок в сложении с глаголами, то они не являются приставок, почти присоединяются не к основе, а к целому слову и таким образом сами не образуют форм отдельных слов, а только вносят известные частичные изменения в значение целых слов, имеющих форму независимо от этих приставок; сравните: *приходить, прихожу* со словом и *ходить, хожу*». [Дурново, 2001: 83]

По мнению П. А. Леканта: «Префиксы (латинский *prae*fixus — прикрепленный спереди), называемые также приставками, которые находятся в слове перед корнем (*прибежать*) или другим префиксом (*призадуматься*).

В русском языке префиксы никогда не бывают самостоятельными средствами словоизменения, окончания же всегда выполняют словоизменительную функцию». [Лекант, 2001: 185]

В книге «Лингвистический энциклопедический словарь» аффикс характеризуется таким образом: «Аффикс (от латинского *affixus* — прикрепленный) — служебная морфема, минимальный строительный элемент языка, присоединяемый к корню слова в процессах морфологической деривации и служащий преобразованию корня в грамматических или словообразовательных целях; важнейшее средство выражения грамматических и словообразовательных значений; часть слова, противопоставленная корню и сосредоточивающая его грамматические или словообразовательные значения.

По положению относительно корня аффиксы делятся на: префиксы, или приставки, помещаемые перед корнем т.д.; префикс присоединяемый к глагольной основе, обозначается термином «преверб»; постфиксы, иногда называемые также прилепами (например любой аффикс, стоящий в слове или словоформе после корня); инфиксы, помещаемые в середину корня; интерфиксы, служащие связи корней и помещаемые между двумя корнями (сравните русский «*овцебык*», «*домострой*», немецкий *Arbeitsplan*, рабочий план) или между корнем и суффиксом (сравните русский «*шоссе — шоссе́нный*», «*там — тамошний*»), иногда именуемые также прокладками; трансфиксы, «разрывающие» корень из согласных определенными гласными по схеме соответствующие парадигмы; конфиксы, или циркумфиксы, комбинации из префикса и постфикса, функционирующие совместно, использование конфиксов именуется парасинтезом, т.е. одновременным участием в синтезе слова двух разных аффиксальных средств; амбификсы — аффиксы, способные занимать разные положения относительно корня». [Лингвистический энциклопедический словарь, 2002: 59]

Марзбан Рад считает, что «приставка — морфема, которая стоит в начале какого-либо слова и изменяет его значение. Например: *كار، فعل* значит *کنش* *عکس* و *واکنش* а *کار، برگردیدن* синоним *گشتن*; *گشتن* *اوردن*.

Также слова (ادب، کار، کلاس، هوش): имена существительные, а (بادب، پرکار، همکلاس، بیهوش): имена прилагательные». [Марзбан Рад, 1358: 150]

Нател Ханлари определяет приставку следующим образом: «Приставка — морфема, которая не имеет самостоятельного значения и не употребляется отдельно, но образует новое слово из другого слова и стоит перед другим словом. Например: *بی* *ن*, в словах *بیکار* *نامید*, *بیکار* *ن*.» [Нател Ханлари, 1359: 163]

По мнению Ахмади Гиви и Анвари: «приставки — морфемы, стоящие в начале слова или группы слов и придают им новый смысл и в некоторых случаях изменяют их грамматическую категорию». [Ахмади Гиви, Анвари, 1373: 229]

Следовательно по Анзали: «В персидском языке есть морфемы, которые сами по себе не имеют значения и смысла, однако в случае присоединения к началу или середине или концу других слов, изменяют их значение

и образуют новые слова с другим смыслом. Эти слова называются аффиксами или частицами. Аффиксы, стоящие в начале слов, называются «*префиксами или приставками*». [Анзали, 1370: 127]

«Приставки разделяются на глагольные, определительные и обстоятельственные и стоят перед главным словом в предложении». [Нобахар, 1372: 22]

Приставки образуют глаголы с новым значением. Приставки в персидском языке употребляются с существительными, прилагательными и глаголами.

«В персидском языке некоторые глаголы образуются путём соединения одного простого глагола с приставкой. Эти приставки в прошлом были «*наречиями*», а в современном персидском языке не играют такую роль и их основное значение почти ослабело». [Лазар, 1384: 323]

Префикс — это аффикс, стоящий перед основой. Некоторые приставки являются формообразовательными, используются для образования глаголов совершенного вида с тем же лексическим значением, что и соответствующие глаголы несовершенного вида. Среди всех частей речи глагол имеет самые широкие словообразовательные связи и активно влияет на все важнейшие процессы словообразования. Глаголы образуются обычно при помощи аффиксальных способов словообразования. Префиксальное глагольное словообразование составляют словообразовательные типы с разными префиксами.

Префиксальные глаголы чаще всего относятся к совершенному виду и мотивируются глаголами несовершенного вида. Приставки сообщают глаголам временные, пространственные и количественные значения. Приставки наряду с законченностью могут вносить в основное лексическое значение глагола различные новые оттенки значений. К глаголам движения присоединяются приставки пространственного и непространственного значения. Глаголы однонаправленного движения (тип *идти*) с приставками образуют глаголы совершенного вида. Глаголы разнонаправленного движения (тип *ходить*) с приставками сохраняют несовершенный вид. В персидском языке некоторые глаголы образуются путём присоединения приставок к простому глаголу. Приставка — морфема, которая стоит перед другим словом и изменяет его значение и в некоторых случаях его грамматическую категорию. Приставки не имеют самостоятельного значения и разделяются на глагольные, определительные и обстоятельственные. В прошлом приставки были наречиями, однако сейчас не играют такую роль. Другой вид приставочного глагола — сложный приставочный глагол, который образуется путём соединения существительного или прилагательного с приставочным глаголом. «*فرو، فراز، در* *فرا، بر، باز، در*» являются примерами из ряда приставок, которые обозначают разные смыслы.

Значения приставки *под-* в русском языке выражены следующим образом:

– В значении «*приближения*»:

Когда я устаю писать, я встаю из-за стола, *подхожу* к окну и люблюсь видом города.

من هروقت از نوشتن خسته می شوم، از پشت میز بلند می شوم، به کنار پنجره می روم/به پنجره نزدیک می شوم و شهر را با لذت تماشا می کنم. (فعل ساده/فعل مرکب)

Ман харвагт аз невештан хасте мишавам, аз поште миз боланд мишавам, бе кенаре панджере *миравам*/бе панджере *наздик мишавам* ва шаҳр ра ба лезат тамаша миконам.. (простой глагол/ сложный глагол)

Учитель *подвёл* школьника к карте и показал ему озёра Эри и Онтарио

معلم دست شاگردش را گرفت، او را به کنار نقشه برد و دریاچه های اری و (اونتاریو را به او نشان داد. (فعل ساده)

Моаллем дасте шагердаш ра герефт, у ра бе кенаре нагше *борд* ва дарячехае Эри ва Онтарио ра бе у нешан дад. (простой глагол)

Дети увидели отца и с радостным криком *подбежали* к нему.

بچه ها پدرشان را دیدند و درحالی که از شادی جیغ می کشیدند به سوی او (دیدند. (فعل ساده)

Бачеха педарешан ра диданд ва дар хали ке аз шади джиг микешиданд бе суе у *давиданд*. (простой глагол)

Он *подвёз* меня на машине к самому дому.

(او با اتومبیل مرا تا نزدیک خود خانه رساند. (فعل ساده)

У ба отомобил мара та наздике хане ход *ресанд*. (простой глагол)

Игорь *подошёл* к ним поближе.

(ایگور به آنها نزدیک تر شد. (فعل مرکب)

Игорь бе анха *наздиктар шод*. (сложный глагол)

– В значении «направление действия под предмет»:

Он *подлез* под стол.

(او زیر میز خزید. (فعل ساده)

У зире миз *хазид*. (простой глагол)

Ласточка *подлетела* под стреху.

(پرستو به لبه پایین پشت بام نزدیک شد. (فعل مرکب)

Парасту бе лабее паеине поштебам *наздик шод*. (сложный глагол)

Ребёнок *подползает* под диван.

(کودک به زیر کاناپه می خزد. (فعل ساده)

Кудак бе зире канапе *михазад*.. (простой глагол)

Подгонять кур под навес.

(پرهنده های خانگی را به زیر سایبان راندن. (فعل ساده)

Парандехае ханеги ра бе зире саебан *рандан*. (простой глагол)

Под заграждение *подползти*.

(به زیر مانع خزیدن. (فعل ساده)

Бе зире мане хазидан. (простой глагол)

– В значении «оказаться годным для чего-либо, ко-го-либо» (переносное значения для глагола подойти — подходить):

Он *не подходит* для этой работы.

(او به درد این کار نمی خورد. (فعل مرکب پیشوندی)
У бе дарде ин кар *немихорад*. (сложно-приставочный глагол)

Это цена *не подходит*.

(این قیمت مناسب نیست. (فعل مرکب)

Ин геймат *монасеб нист*. (сложный глагол)

Шляпа ему *не подходит*.

(کلاه اندازه ی سرش نیست. (فعل مرکب)

Колах *андазее* сараш *нист*. (сложный глагол)

Это работа *не подошла* для него.

(این کار در خور او نبود. (فعل مرکب)

Ин кар дар хоре у *набуд*. (сложный глагол)

Цвет галстука *не подходит* к сорочке.

(رنگ کراوات با پیراهن جور نیست. (فعل مرکب)

Ранге керават ба пирахан *джур нист*. (сложный глагол)

Рассмотрев вышеуказанные примеры, мы приходим к выводу, что глаголы движения с приставкой *под-* в персидском языке выражаются не только простыми глаголом, но и сложными и сложно-приставочными глаголами.

Заключение

Глаголы движения с приставками в русском языке передают более разнообразные значения по сравнению с персидским языком. В персидском языке приставки не в силу передать значения русских приставочных глаголов движения. Русские глаголы движения с приставкой *под-* передают многие значения, но в персидском языке приставочные глаголы не имеют такую способность.

Формула образования приставочных глаголов и в русском и в персидском языках одинакова: «приставка + глагол» и никакие синтаксические единицы не ставятся между ними. В результате анализа русских глаголов движения с приставкой *под-* и её сопоставления с персидскими коррелятами мы пришли к следующим выводам:

– Значение приближения в персидском языке выражается простыми, сложными глаголами. Например: نزدیک شدن / رفتن / آمدن / آوردن / رساندن / رسیدن

– Значение оказаться годным для чего-либо, ко-го-либо (переносное значение глагола подойти — подходить) в персидском языке выражается сложными, простыми и сложнн-приставочными глаголами. Например: اندازه نبودن / جور نبودن / مناسب نبودن / درخور نبودن:

– Значение направления действия под предмет в персидском языке выражается простыми и сложными глаголами. Например: نزدیک شدن / راندن / خزیدن

Литература:

1. Академическая русская грамматика, под ред. Шведовой Н. Ю., — Москва: АН СССР институт русского языка, 1980.
2. Дурново, Н. Н., Грамматический словарь. — Москва: Флинта: наука, 2001.
3. Лекант, П. А., Диброва Е. И. и другие, Современный русский язык. — Москва: Дрофа, 2001.
4. Лингвистический Энциклопедический словарь, под ред. Ярцевой В. Н., — Москва: Большая российская энциклопедия, 2002.

5. Персидско-русский словарь под ред. Рубинчик Ю.А., — Москва: Советская энциклопедия, 1970.
6. Розенталь, Д.Э., Голуб И.Б. и другие, Современный русский язык. — Москва: Международные отношения, 1995.

7. 1373. یمطاف، نارەت، یسراف نابز روتسد، نسح، یرون، نسح، یویگ یدمح
8. 1370. یلزننا، ھیموورا، یسراف نابز روتسد، نسح، یلزننا
9. 1385. یمطاف، نارەت، یسراف نابز روتسد، نسح، یویگ یدمح، یرون
10. 1348. هاشیلعی فص یتاعوبطم هاگنب، نارەت، زورما روتسد، بوسخ، درودی شرف
11. 182، 1358. یمرامش نارای یلم هاگشناد، نارەت، دنمدوس روتسد، یلع، دار نابزرم
12. 1359. سوت، نارەت، یسراف نابز روتسد، زیورپ، یرلناخ لثان

13. Лазар, 1384:323

14. Нобахар, 1372:323

Образ Гуругли в узбекских народных эпосах и его идейно-художественные особенности

Ачиллов Насим Камалович, кандидат филологических наук, доцент
Каршинский государственный университет (Узбекистан)

Значительную часть узбекского устного народного-художественного творчества составляют эпосы. Исполнение дастанов является одним из древнейших видов искусства. Это творчество передавалось из поколения в поколение, от наставника к ученику устно, что стало причиной эпического расширения репертуара. В результате исследований были определены многочисленные школы сказителей (бахши): Булунгур, Курган, Нарпай, Шерабад, Байсун, Чирокчи, Камай. Это значит, что бахши - эпический исполнитель играющий большую роль, как исполнитель народного эпоса. Благодаря силе эпической памяти и уровню знания поэтов-бахши, такие монументальные произведения, как “Алпомыш”, “Гуругли”, “Рустамхон” занимают значимое место в мировой культуре. Народный эпос, отражающий события и историю, можно разделить на три тематические группы. Это сказания героического, романтического и исторического характера. Хотя все народные эпосы изучаются как три больших раздела, в каждом разделе имеются свои внутренние различительные особенности. К примеру, дастаны романтического характера имеют героически-романтические, жизненно-романтические, батальные и книжные варианты. Среди романтических дастанов, важное место занимает эпос “Гуругли”. В данном цикле, Гуругли выступает в образе главного предводителя узбеков и туркменов, он - законный правитель, герой, защитник Родины от врагов, наставник многих богатырей, и потому в репертуаре сказителей “Гуругли” исполнялся с особой любовью. Несмотря на то, что имеются многочисленные дастаны под названием “Гуругли”, узбекская версия этого произведения имеет коренное отличие, как по форме, так и глубиной содержания, своей монументальностью, основанной на многовекторных уникальных принципах, героико-идеализированной формой. Вместе с тем, в нем

отражается повседневная жизнь узбеков, обычаи и традиции, быт, морально-эстетические взгляды, которые показаны в реалистической форме, зеркально отражая жизнь целого народа [1].

Дастаны, связанные с образом Гуругли, которые имели всенародную известность, особенны тем, что представлены значительным многообразием вариантов и их интерпретаций, и потому занимали особое место в репертуарах народных сказителей. Со слов узбекских народных сказителей, таких как Пулкан шоир, Эргаш Жуманбулбул угли, Ислам шоир, Рахматулла Юсуф угли, Умир шоир Сафаров, Кадир бахши Рахимов и других, записаны более 40 вариантов и версий эпоса “Гуругли”. Записанные в разных версиях дастаны, как показывает их анализ, описывают появление на свет, возмужание, борьбу и героизм, мечты и идеи Гуругли. Описание жизни эпического героя Гуругли в разные периоды его жизни, подразделяются на разные тематические группы. В дастане дается подробное и художественное описание всей жизни эпического героя Гуругли: рождение, детство, молодецкий задор, мужество и стойкость обладание эпическим конем Гирот и дружиной из сорока джигитов, правление краем Чамбыл, который он защищает от врагов, приезд его сыновей Хасанхана и Авазхана в Чамбыл. Есть также дастаны, посвященные его внукам Равшанхану и Нурали, правнуку Жахонгиру, которые выделяются особым идейно-художественным смыслом. Образ Гуругли представлен в дастанах тремя разновидностями. В первом варианте, эпический герой сюжетно и художественно совершенен и участвует во всех действиях, как главный герой, которому присущи все героические черты богатыря. В дастанах второй версии, Гуругли участвует в различных сюжетах и играет важную роль в эпических событиях и действиях. В третьем варианте, линейный образ Гуруглы не очень заметен, но его

богатырский дух присутствует повсюду. Во всех дастанах этой темы, мы видим обязательное присутствие главных действующих лиц и атрибутов: Гуругли, Гирота, эпического края Чамбыл.

Эти образы, как показывают сюжеты дастана, взаимосвязаны и невозможно представить Гирота без Гуругли, Гуругли без Гирота, а также невозможно представить край Чамбыл без Гуругли и Гирота. Каждый образ отображает идейную особенность дастана, смысловое целое, которое прослеживается на всем протяжении исполнения [2]. Гуругли — неумирающий герой, идеал народа. В образе эпического героя народ олицетворяет такие качества, как самоотверженность, любовь к родине, трудолюбие, справедливость, ум и честь. Во всех дастанах, посвященных Гуругли, через его образ в художественной форме передаются такие понятия, как мечта, героизм, мировоззрение и духовность.

Гуругли, как главный герой эпоса, бесстрашен, решителен и воплощает все положительные черты, свойственные подлинному богатырю. С семи лет он объединяет народ, чтобы изгнать захватчиков и чтобы воплотить это в жизнь, объясняет необходимость сказочного коня Гирот и бесстрашных джигитов. Эта цель еще крепче привязывает его к коню. В достижении этой цели герою помогают покровители Хизр и Гирот, которые играют важную роль в его жизни. Эти два персонажа неоднократно помогают герою в разных трудных ситуациях и становятся близкими помощниками и советниками. Особенно убедительно эти качества показал поэт Пулкан в дастане “Рождение Гуругли”. Хизир - советник, оракул, образ, предсказывающий будущее эпического героя. Гирот быстр и подвижен, изображен как спаситель Гуругли. В какие бы ситуации он не попадал, Гирот всегда приходит на выручку. Так, с помощью Гирота, Гуругли спасает Райхон, которую бахши описывает следующим образом:

Открыв свой зев чудище Гиркук,
Как фантом необычно в небо взмыл.
И открыв свои очи видит Гуруглы
Как он вдруг очутился за рекой воды. [3].

Литература:

1. Мирзаев, Т. Особенность достонов // Рождение Гуругли. Сказитель достонов Рахматулла Юсуф угли. Подготовивали к изданию Т. Мирзаев, З Хусанова. — Т: Ёзувчи, 1996. — 3 с.
2. Муродов, М. Жанровые и идейно-художественные особенности дастанов “Гуруглы”. Автореф. доктор. диссер. — Т., 1975.
3. Рождение Гуругли. Дастан. Сказитель Пулкан шаир. Подготовитель к изданию М. Муродов. — Т., 1967. — 62 с.
4. Даллы. Дастан. Сказитель Эргаша Жуманбулбул угли. Подготовитель к изданию М. Алавия. — Т., 1972. — 180 с.

Дастан Гуругли олицетворяет не только народные и общепризнанные ценности, но и является высокохудожественным произведением. Для изображения образа Гуругли и свойственных ему черт, народные сказители для выразительности эпического образа использовали такие художественные средства, как сравнение, классификация, метафора, параллелизм, портрет, сопоставление, жизненный конфликт, монолог, диалог, риторический вопрос, диминутивы.

Особенно выразительно в дастанах показан эпический герой на поле боя, когда бьется с врагами. Для его характеристики используются образы животных: лев, сокол, тигр, дракон, ворон.

К примеру, в исполнении Эргаша Жуманбулбула угли дастана “Далли”, Гуругли для освобождения из плена врагов сына Авазхона, едет в край Арзрум. Для выразительного показа образа Гуругли и его героических боевых качеств, бахши использовал сравнение: “А теперь Гуругли с сорока джигитами, огромный как туча, сильный как Рустам, громко пошумев, держал речь.

... Он как лев огромен и силен,
И шипит как огненный дракон.
Изворотлив как тигр смелый,
Как медведь шумлив и умелый.
В стойку льва встал Гуруглы
На поле брани себя покажи” [4].

В этих строках видно, что Гуругли - воплощение силы, богатырства и сравнивается с тигром, львом, драконов, медведем и другими могучими зверями. Внешний вид героя, его телосложение сравниваются с горой, скалой, холмом, а быстрота - с соколом или ястребом. Используя такие сравнения, сказители показывают эпического героя, как народного защитника, освободителя, который воспевается как выразитель народных мечтаний.

Можно сделать вывод, что образ Гуругли и его идейно-художественные особенности в репертуаре узбекских бахши (сказителей) занимает особое место, играет большую роль в формировании мировоззрения и мышления, культурного и эстетического уровня подрастающего поколения.

«Прародительница» Ф. Грильпарцера в журнале «Московский Телеграф»: особенности рецепции

Барышникова Ольга Григорьевна, преподаватель
Национальный исследовательский Томский политехнический университет

Первая треть XIX века — время формирования в России журналистики нового типа. На смену узкоспециальным изданиям приходит периодика энциклопедического наполнения — художественные произведения передовых писателей сочетаются с историческими трактатами, исследованиями в области точных и естественных наук, философскими сочинениями. В силу сложившейся социально-экономической обстановки и зарождения романтизма, открывающего совсем иные горизонты человеческого познания, русский читатель испытывает потребность приобщения к другим национальным культурам, посредством которых осуществляется не только знакомство с новыми идеями, но и формирование и обогащение собственного опыта. Функции транзита иноязычного текста в культурное пространство России в условиях расцвета отечественной журналистики выполняют периодические издания, и не случайно исследователи называют периодике «жизненной артерией между литературами» [1. С. 19]. Журнал «Московский Телеграф» под редакцией Н.А. Полевого активно включается в процесс вхождения культурных тенденций европейской цивилизации в среду русской образованной публики и регулярно печатает на своих страницах обзоры иностранной литературы, мировые новости и сопровождает тексты комментариями сотрудников журнала. Критические замечания и полноценные критические статьи, призванные формировать у просвещенной публики чувство вкуса, пользуются особым спросом у читающей публики. Именно критика становится универсальным механизмом, с помощью которого осуществлялась рецепция европейского искусства на страницах русской периодики.

Ядро публикаций «Московского Телеграфа», посвященных театральной тематике составляют статьи штатного критика В. Ушакова. Их отличает регулярность выхода и неповторимость авторского почерка (жанровые модификации, стилевые закономерности). Но помимо явно ожидаемых и узнаваемых статей в журнале появляются заметки неизвестных авторов, чьи имена скрыты псевдонимом. В связи с этим возникает вопрос о возможности реконструкции авторства критика «Московского Телеграфа», т.е. о понимании его статуса: профессиональный журналист, театрал, периодически сотрудничающий с журналом, или просто зритель, единожды поделившийся своими впечатлениями. Оттолкнемся от высказывания редактора «МТ» Н. Полевого: «... журнал должен быть зеркалом современных мнений, отражать в себе свет и тени, истины и заблуждения современной

эпохи, но и отражать их только с честным и несомнительным направлением» [2. С. 5].

Обратимся к конкретным публикациям. В 1829 г. (часть 30, № 22) в разделе «Смесь» была опубликована статья «Санкт-Петербургский театр (Письма в Москву)», псевдоним автора которой — Р. А. — появляется на страницах журнала лишь однажды. Прежде всего, интересен жанр статьи — письма, ориентирующие читателя на личные размышления, вкупе с анонимностью это еще и возможность воспользоваться более хлестким, критическим слогом. В данной статье вопрос о принадлежности автора к кругу журналистов-критиков решается, пожалуй, в пользу непрофессионала. Зрителя-обывателя в авторе статьи выдает стиль.

Вышеуказанная публикация была посвящена петербургской постановке трагедии австрийского драматурга XIX в. Франца Грильпарцера (1791–1872) «Прародительница». Повод для критической заметки не кажется случайным, поскольку пьеса, сюжет которой соткан из цепочки трагических обстоятельств, объединенных фатальной неизбежностью, имела резонанс не только на родине, в Австрии, но и в России. В Вене трагедию сначала запрещали, но, со слов самого Ф. Грильпарцера, ее спасла знаменитая актриса Шредер, которая выбрала «Прародительницу» для своего бенефиса [3. С. 99]. В России пьеса была популярна, о чем свидетельствуют неоднократные переводы, среди которых интерпретации П. Ободовского и более поздняя А. Блока. Смена эпох оказали несомненное влияние на мировоззрение драматурга, стиль его работы — его причисляли и к классицистам, и к реалистам, сам автор чувствовал себя «где-то посередине между Гете и Коцебу, как того требует драма» [4. С. 88]. В исследовательской литературе отмечено, что в основе творчества Грильпарцера лежат принципы, формирующие мироощущение эпохи бидермайер в сочетании с влиянием барокко и веймарского классицизма [5. С. 39]. Но в пьесе достаточно четко прослеживаются и романтические нюансы: интерес читателя подогревали коллизии, окружающие главных героев: романтический мотив свободы и несвободы, отношение индивида к ситуации обреченности. Само вмешательство сверхчувствительного начала в человеческую жизнь, без которого, со слов автора, не может обойтись поэзия [6. С. 103], влечет за собой мистическое миропонимание. Интересен и главный персонаж Яромир, который, согласно романтическим канонам, оказался в амплу разбойника. Тем не менее, при всей привлекательности сюжетной линии, русский читатель отмечает некую поверхностность пьесы. Так, на «Пра-

родительницу» обратил свое внимание журнал «Отечественные записки», в котором, несмотря на прекрасную драматургию этого «замечательного новейшего произведения», подчеркивается отсутствие поэтического творчества у автора: «<...> он господствует над вниманием и нервами своих читателей и зрителей, к душе же их ему неизвестна дорога» [7. С. 5]. В статье в «Московском Телеграфе» большое место занимает пересказ сюжета, лишенный художественно-эстетического анализа, который призван создавать основу для интерпретации первоисточника и более успешного воздействия на читательскую и зрительскую рецепцию. Далее следуют рассуждения о театральной жизни двух российских столиц. Автор говорит о «бенефисных уродах — скороспелках», и о том, что в Петербурге «заметно более жизни, нежели на Московской сцене, <...>, а труппа актеров, взятая вообще, станет выше Московской». Впечатления о пьесе Грильпарцера оказались также вне эстетического разбора и корректности суждений: «Все запутано, все пахнет мелодрамой, так что досадно, как вздумашь о Переводчике, убившем светлые минуты в труде над Грильпарцером. Смело уверяю, что так написать, такую трагедию, немудрено».

Спустя несколько лет, в 1831 г. Н. Полевой также публикует свой отзыв на постановку трагедии Грильпарцера. Он рассуждает о пьесе уже в более широком контексте — через призму романтических тенденций. Уходя от субъективных оценок, он рассматривает «Прародительницу» как явление эпохи и занимается вопросом, насколько произведение соответствует духу времени. Стоит отметить, что впечатления обоих критиков — анонимного и Полевого — находятся в одной плоскости (преобладание критики самой пьесы над критикой постановки, негативная оценка спектакля), но заметны разные подходы к критическому дискурсу: первый автор действует, скорее, на уровне интуиции с доминированием эмоциональной компоненты, второй использует собственный метод, обогащая рецензию теоретическими аспектами.

Например, Полевой убежден, что критику отличает профессиональная скрупулезность осмысления предмета статьи. Вот образец его описания объекта анализа: «Страсти не развиты, лица не отделаны, явления не связаны, действие перепутано, события и дела навалены кучею, громадою безобразною». Анализ художественных особенностей текста с развитием сопутствующей эстетической проблематики обуславливает наличие выводов, каждый из которых имеет свой угол зрения. Так, рассматривая произведение в целом, критик в первую очередь принимает во внимание его художественный метод, объясняя им своеобразие пьесы: «В широкой раме Романтизма видим у него смешение красок и теней: вдали это походит на картину, вблизи безобразно».

В начале статьи, обозначая проблему, автор приводит разговор двух зрителей «Прародительницы», рас-

суждающих о романтическом творении, которое «чему удивляться, что нелепо», и классической пьесе, где «скученько, да ведь как же зато хорошо!». Последующий вывод Полевого синтезирует эти противоречивые оценки: «хорошо, да нелепо — лучший приговор трагедии», подчеркивая новаторский характер «Прародительницы», подчиняющейся «законам истины поэтической».

В чем причина столь нелестного отзыва зрителя на пьесу Грильпарцера с увлекательным сюжетом непреодолимого фатума с внесением романтической новизны? На рецепцию русской публики повлияло качество перевода. П. Ободовский, по мнению исследователей, не переводит текст, а «пересоздает» его, вписывая контекст собственного творчества в контекст эпохи: он сознательно стирает философский, мировоззренческий смыслы, заменяя их моралью и этикой с внесением широкого спектра «пугающих элементов», что соответствовало эстетике того периода [5. С. 88]. Для выяснения еще одной вероятной причины прохладного отношения русского зрителя к трагедии следует обратиться к мнению И. П. Смирнова, который отметил, что в центре внимания при сопоставлении немецкой и русской мысли должны находиться те идеи и теоретические установки, которые выразил Ф. Шлегель [8. С. 147]. Именно Шлегель заложил философские основы понимания сути романтического искусства, его глубинные мотивы и его определяющую роль в становлении как отдельного индивида, так и человечества в целом. Он выдвинул положение, что «искусство движется в рамках человеческой истории не как в некоей безразличной среде, оказывающей лишь поверхностное влияние на способы его проявления, а так, что самое существо поэзии участвует в процессе эволюции» [9. С. 397]. В этом смысле Грильпарцер оказался выигрышным автором в плане коммерческого успеха пьесы, чему способствовало сюжетостроение с привлечением сверхчувствительного начала и дальнейшим мистическим разворачиванием, но при этом абсолютно несоответствующим духу эпохи — зритель не принял статичной фатальности происходящего, отталкивающей казалась сама мысль слепого подчинения обстоятельствам. Обращаясь снова к Шлегелю, можно в этой связи отметить, что в своей работе «О драматическом искусстве и литературе» (1808) он разграничивает понятия «судьба-фатум», которая восходит к античности и христианское «провидение» и заявляет, что в новой трагедии нет места фатуму, а героев должно вести провидение [5. С. 35]. Позже созвучным мнению русской публики оказывается и отклик на пьесу немецкого театрального критика конца XIX в. Рудольфа Штайнера — по его мнению, герои «Прародительницы» оставляют зрителя равнодушным, так как автор сделал идею слепой судьбы действующей силой своего творения. «Феномен Грильпарцера заключается в том, что великий поэт жил в слабавольной личности», — резюмирует критик [10. С. 266].

Литература:

1. Кулешов, В. И. Литературные связи России и Западной Европы в XIX в. (первая половина). — Издательство Московского университета, 1965. с. 19.
2. Н. Полевой Предисловие к «Шиллер и Гете» // «Московский Телеграф», 1827, часть 15, № 9. с. 5.
3. Грильпарцер, Ф. Автобиография (под ред. Д. Л. Чавчанидзе, С. Е. Шлапоберской). — М., Наука, 2005. с. 99.
4. Josef Jansen Einführung in die deutsche Literatur des 19. Jahrhunderts. Band 1 & Restaurationszeit (1815–1848). — Westdeutscher Verlag, 1982. S. 88.
5. Батищева, Т. С. Рецепция раннего творчества Франца Грильпарцера в России (на примере трагедии «Прама-терь»). — дисс. канд. филолог. наук, Нижний Новгород, 2003. с. 39.
6. Грильпарцер, Ф. Автобиография (под ред. Д. Л. Чавчанидзе, С. Е. Шлапоберской). — М., Наука, 2005. с. 103.
7. «Отечественные записки», Т. XII, отд. VI, 1840. с. 5.
8. Смирнов, И. П. Эхо немецкого романтизма в русской мысли XIX — первой половине XX в.в. // История мысли. Русская мыслительная традиция. Вып. 5 (под ред. Смирнова И. П.). — Москва, «Вузовская книга», 2009. с. 147.
9. В кн.: К. Э. Гилберт Г. Кун История эстетики (под общ. ред. В. П. Сальникова). — Санкт — Петербург.: Ал-тейя, 2000. с. 397.
10. Rudolf Steiner „Die Ahnfrau“. Trauerspiel in fünf Akten von Franz Grillparzer. — Magazin für Literatur. 1898, 67., Nr. 10. S. 266.

Журнал «Московский Телеграф» как арена межкультурных связей: немецкий театр глазами французского критика

Барышникова Ольга Григорьевна, преподаватель
Национальный исследовательский Томский политехнический университет

В статье рассматриваются вопросы становления критической мысли эпохи романтизма в рамках журнала «Московский Телеграф». Наряду с публикациями отечественных авторов читатель имел возможность ознакомиться с зарубежной критикой, в частности, из Франции. Особый интерес в рамках межкультурного контекста представляет отклик французского критика на оперу Вебера «Оберон». Публикация наглядно показывает актуальность событий театральной жизни Германии в свете романтических тенденций. Кроме того, в статье французского автора прослеживаются дискурсивные стратегии, характерные для русских критиков, что свидетельствует о влиянии западноевропейской передовой мысли на формирование отечественной критической школы.

Ключевые слова: критический дискурс, немецкий театр, народность, романтизм.

Первая треть XIX века ознаменована проникновением в интеллектуальное пространство России новых, романтических тенденций, взломавших привычное понимание сути искусства. Так, Ф. Шлегель декларирует особую роль искусства, оно должно было преобразовать весь мир, а сам мир представляется романтикам «вечно формирующимся произведением искусства» [1. С. 300]. В силу схожих событийных факторов, обусловивших развитие новых тенденций в культуре (последствия французской революции в Европе, напряженная атмосфера после декабрьского восстания в России), романтизм явился связующим звеном между Западной Европой и Россией. Культурная идеология, нашедшая в России своих многочисленных последователей, привнесла ряд изменений в области распространения новых идей — формируется совершенно иная, энциклопедически направленная жур-

налистика, совершенствуются подходы к освещению событий, активно привлекаются работы зарубежных авторов. Так, периодические издания выполняют в условиях расцвета отечественной журналистики функции транзита иноязычного текста из Западной Европы в Россию, и не случайно исследователи называют периодику «жизненной артерией между литературами» [2. С. 19].

Журнал «Московский Телеграф» под редакцией Н. Полевого активно включается в процесс вхождения культурных тенденций европейской цивилизации в среду русской образованной публики и регулярно печатает на своих страницах обозрения иностранной литературы. Универсальным механизмом, с помощью которого осуществлялась рецепция европейского искусства на страницах русской периодики, становится критика. Часто объектами для экспертной оценки в «Московском Теле-

графе» являются новости культурной жизни из Германии. Литературные и театральные события немецкого происхождения, освещаемые в «МТ», действуют на получателя информации внешне и внутренне — они не только расширяют горизонты его кругозора, но и воздействуют на него эстетически: переосмысливаются концептуальные моменты идеологов немецкого романтизма, что, несомненно, обогащает русскую критическую мысль спектром новых проблем и расширяет арсенал художественных средств для ее выражения. Отмечено, что немецкий романтизм явился «мощным культурным движением, радикально изменившим лицо культуры» [3. С. 423]. Россия реагирует на это сменой законодателя в сфере литературных предпочтений — теперь не Франция, а Германия задает ценностные ориентиры в формировании нравственно-эстетических категорий нового, романтического типа.

Помимо собственных критических публикаций, «Московский Телеграф» печатает подобный материал из зарубежных источников, в частности, из Франции. Кроме того, что иностранные рецензии являлись образцом для подражания в построении критических суждений, они служили благодатным пространством для диалога культур между странами, овеянным духом романтизма. Рефлексия Запада на зарубежное событие из культурной жизни отзывалась встречной рефлексией на страницах «Телеграфа». Редакция, а затем и читатель имели, таким образом, возможность сравнить меру художественного вкуса, степень объективности оценочных суждений отечественной и иностранной мысли. В эпоху тесного международного сотрудничества журнал становится трибуной для формирования мнения, обмена опытом. Если общепринятой формой общения в романтическую эпоху были кружки, в пределах которых велись разговоры на темы, касающиеся идейно-философских проблем, то с полным правом можно сказать, что журнал, публикующий не только отклики русских критиков на театральные постановки внутри России, но и западные рецензии на гастрольные спектакли, являлся также формой межличностного общения, но уже в международном масштабе.

Особый интерес представляют зарубежные рецензии, посвященные немецкой культуре, в частности, немецкому театру. Новости театральной жизни в этот период становятся особенно актуальными, поскольку меняется сама эстетическая традиция — если эпоха Просвещения культивировала вещь, то романтизм провозглашает торжество жизни [4. С. 19]. В этой связи особый пиетет романтиков вызывает музыкальный театр, поскольку музыка и есть жизнь в своем божественном проявлении, по мнению Э. Т. А. Гофмана, музыка «в своем чистом виде (без примеси поэзии) совершенно нравственна» [5. С. 180]. Так, в «Московском Телеграфе» за 1831 г. (часть 37, № 1) опубликована рецензия из французского журнала на оперу Вебера «Оберон», «игранную в мае 1830 г... К сожалению, не указан источник статьи, возможно, это журналы «Le Furet» или «Le Globe», французские из-

дания, публикации из которых регулярно перепечатывает «Телеграф».

Судьба немецкой музыкальной культуры рассматривается в статье через призму органичной для романтического сознания темы народности. Концептуальной идеей публикации является сожаление по поводу отсутствия истинной народности в немецкой музыке при наличии вокальных талантов. «Нам надобно музыку Немецкую, как можно более Немецкую» — восклицает критик, акцентируя внимание на аспектах романтической самобытности, и это не случайно. Именно в этот период начинается активное осмысление понятия национального, народного, внимание к себе приковывает фольклор. Народность как естественная стихия человека эпохи романтизма является условием настоящего творчества [6. С. 33]. Черты немецкого народного искусства, с точки зрения французского критика, это «какие-то гортанные звуки, какие-то отрывистые, прерывающиеся мелодии странного, прихотливого рифма, разливаемые в воздухе голосами студентов, и даже иногда простых работников с какой-то грустной веселостью, образующие какую-то произвольную и почти неопределенную гармонию».

Эволюция немецкой народности, по мнению автора, напрямую связана с прорывом немецкой литературы на мировую арену, где основная роль принадлежала гениям Германии — Гете и Шиллеру. Предыдущие периоды истории — варварские, прошедшие «среди табачного дыму, вокруг чугунных печек». Образ жизни немцев складывался через подражание «лучшим манерам, Парижскому разговору и Европейской музыке». Здесь отчетливо звучит антитеза «дикая Германия — цивилизованная Европа». Особый период в истории немецкой культуры, выделенный в статье, это «штюрмерский переворот», который привел к революционному триумфу немецкой литературы среди других европейских. В частности, успех отечественной драматургии явился толчком к осознанию немецким народом собственной уникальности, немецкая литература, триумфально шествующая по миру и доказавшая свою состоятельность, подняла на новый уровень национальное самосознание немца. Подтверждение тому находим у Л. Тика: «Мы почитаем теперь наше национальное прошлое и его памятники, мы не стыдимся теперь, как прежде, быть немцами и отнюдь не обязательно верим в преимущество других наций» [7. С. 119]. Однако, самобытность, доведенная до абсолюта («Чувство народности, дошедшее до некоторого безумия»), получает, по мнению автора статьи, разрушительное начало — естественная народность перерождается в напускной, утрированный образ мысли и внешнее воплощение: «<...> побеждены были нравы. Люди, которые еще недавно курили трубки и пили свое пиво с некоторым стыдом, как будто скрытно, стали жить не иначе, как с трубкою во рту и с большими кружками Средних веков в руках. Старое народное варварство сделалось предметом обожания и тщеславия. <...> Студенты, уже носившие наряд шестнадцатого века, проснулись в наряде двенадцатого».

Неслучайно в этой связи возникает тема средневековья. Тяготение немецких романтиков к эпохе Средневековья объясняется их убеждением в том, что немецкая старина была незаслуженно забыта, ее преследовали, уничтожали, но теперь настали лучшие времена, когда свое национальное прошлое может быть открыто заново [8. С. 85]. В контексте роста исторического самосознания пора Средневековья для романтиков была основополагающей, поскольку, по мнению исследователей, именно тогда началось становление христианской и национальной немецкой культуры [9. С. 6].

Концепт «народность» показал свою актуальность и в России и нашел отклик в русской критической мысли. В частности, декабристы соотносили народность с самобытностью национальных нравов, веры, с особенностями истории, образа правления [10. С. 30]. В этом же русле находятся идеи В. Ушакова, который признает сущность романтизма в развитии «самобытного, народного, чтобы тот или другой народ самобытно ввести в Историю Человечества, развивая его народные стихии» [11. С. 206].

Театр как особый институт, органично соединяющий в себе литературный первоисточник и сценическую интерпретацию, является, по мнению французских критиков, показателем истинной народности, отсутствие положительной динамики на немецкой театральной сцене, ее подражательный характер явились следствием слабости национальной самобытности: «Лирические театры живут за счет Италии и Франции». У истоков этих идей стоит Шлегель, который говорит о влиянии, оказанном на немецкий театр всеми его предшественниками. Развивая далее эту мысль, он рассматривает народность как фактор, обеспечивающий достойный репертуар национального театра. В одной из статей немецкого философа, опубликованной в русском переводе в «МТ» в 1826 г., читаем: «в Дrame должна резко выражаться народность, а Немецкая народность неопределенна и не умеет дать себе цены. С благородным стремлением — узнать и присвоить себе все чужие совершенства — нередко соединяется худая оценка собственного достоинства. Оттого наш театр в форме и в содержании слишком много и не всегда к добру испытывал чуждое влияние» [12. С. 323–324]. В стремлении немецкой драматургии к заимствованию из других европейских театров кроется, по Шлегелю, особый импульс к поиску уникального, идеального начала. Он декларирует равновесие между эстетикой и целесообразностью, характерное для немецкого романтического сознания: «Назначение наше конечно состоит не в жалком повторении Греческого или Французского, Испанского или Английского Театров, но, как мне кажется, мы стремимся найти форму истинно поэтическую, которая бы заключала бы в себе все формы, исключая основанную на принятой обычае». Позже концепт инациональных влияний в сходном ключе развивает и известный русский литературовед А. Н. Веселовский: «Самостоятельное развитие народа, подвер-

женного письменным влияниям чужих литератур, остается нерушимым в главных чертах. Влияния действуют более в ширину, чем в глубину, оно более дает материал, чем вносит новые идеи» [13. С. 557–558].

Заявляя в журнальных публикациях о том, что «во Франции спектакль есть наслаждение ученое, потому и в театрах наших господствует тонкий вкус» [14. С. 325], французская критика противопоставляет на этом основании французский и немецкий театры. В частности, в рассматриваемой статье французского автора утверждается слабость самобытного наполнения и в немецкой музыкальной культуре, например, в музыке Гайдна, Винтера, Бетховена: «Какова бы ни была склонность народа к гармонии, но гармония есть дело учености, и принятие той или иной системы гармонии зависит от ученых, а не от народа. <...> В партитурах Винтера, Гайдна, Бетховена, конечно, была гармония Немецкая, и даже Германская, но музыкального Германства, то есть Германской мелодии там не найдете и следа».

Как видно из цитаты, автор разграничивает понятия «германское» и «немецкое» в музыкальной культуре Германии. Вопрос этот возникает не случайно — в контексте противопоставлений двух гармоний прослеживается эволюционный путь личного самосознания, проявляющийся во взаимодействии культурных смыслов — литературы, музыки и драматического театра. Говоря о музыке немецких классиков, критик подчеркивает наличие немецкого характера и отсутствие германской мелодии. Отсюда следует, что национальный характер представляет собой необходимую ступень, базис в формировании нового мироощущения — «германства». Германская гармония рассматривается как апогей немецкой самобытности, органично сочетающей в себе истинную природную народность, менталитет и особое состояние духа, которое создает гармонию и равновесие в формировании и осознании собственной уникальности, создании концепции творческого начала в национальном самоопределении: «Так явилась в мир музыка Германская: это песнь немецких городов, возвышенная до идеала, до поэзии, до драмы». Сравним с позицией Н. Полевого. В рецензии на постановку «Прудительницы» Грильпарцера критик также рассуждает о «немцах» и «германцах», рассматривая присутствие национального характера в контексте немецкой национальной культуры. Полевой находит свой собственный подход в освещении темы: он ищет объяснение двух феноменов через череду антитез — противопоставляются большинство и меньшинство, внешнее и внутреннее, обыденность и уникальность, скованность житейскими рамками и безграничное творчество: «Немцы — самые обыкновенные, мирные и тихие жильцы мира внешнего, привязанные к мелочам, от этого их мелочничество, их привязанность к старым предрассудкам, их бедная деятельность, педантизм ученый, ремесленный и житейский. Германцы — великаны внутреннего мира; они вне пространства и времени, как мысль их. Кант,

Фихте, Шеллинг, Гете <...> они суть явления космического» [15. С. 568].

Логика дискурса подсказывает, что центральная оппозиция здесь связана с понятиями «гений» и «посредственность», которые так часто занимали умы эпохи романтизма. Французская критика также сочла этот вопрос актуальным, распространив свою точку зрения на музыкальное сообщество Германии и избрав эталоном изящного Моцарта. Удивительным образом мнения французской и русской театральной критики в этом плане совпадают — так штатный критик «Московского Телеграфа» В. Ушаков восхищается гением Моцарта в своей рецензии на немецкую постановку «Дон Жуана». Суть гения оба критика (и русский, и французский) также видят одинаково — его определяет отсутствие границ (у Ушакова речь идет о явлении вне пространства и времени, а французская публикация акцентирует его вненациональные характеристики: «У Моцарта гармония Немецкая, мелодия столь же усладительная, как мелодия Итальянцев. <...> Гений особого разряда: он, как будто мало жил на земле и не мог принять никакого народного впечатления»).

Как минимум две причины позволяют объяснить это мнение. С одной стороны, народность, столь необходимая составляющая романтического мирообраза, не теряет в данном контексте своей актуальности, но принимает другие очертания — музыка Моцарта представлена многогранной партитурой, как особым универсумом, в котором легко считывается отдельно взятая народность как одна из многих его составляющих, что в конечном итоге определяет общепризнанность творения в мировой музыкальной культуре. С другой стороны, мнение французов о «вненациональности» Моцарта (гения) может быть верным только в том случае, если речь идет о «чистой», бессюжетной музыке, например, о симфоническом концерте. Но поскольку французская рецензия посвящена опере, то с большой вероятностью можно говорить о рассуждениях критика о музыке в целом именно в плане ее соответствия литературному источнику, гармонии с ним. Опера — плод творения не только композитора, но и либреттиста, причем зачастую авторы являются выходцами из разных стран, поэтому вопрос о народности произведения в целом приобретает неразрешимый характер. В. Ушакова восхищает опера «Дон Жуан», французская критика обращается, возможно, к этой же опере, имеющей на тот момент невероятную популярность, и, кажется, не случайно автор упоминает о смешении «немецкой гармонии и итальянской мелодии» (как известно, либретто к опере написал итальянец Лоренцо да Понте). В связи с этим можно сказать, что «наднародность», о чем

пишет французский критик, обращаясь к Моцарту, это, пожалуй, единственно верная оценка этого произведения.

Концепт всеобъемлющей безграничности, воплотившийся в полной мере в представлениях человека эпохи романтизма о природе гения, имеет некоторые соответствия с еще одним феноменом романтизма — устремлениям человека к мистическому, непознаваемому, сущностному, которое, по мнению В. Жирмунского, есть живое чувство присутствия бесконечного в конечном [16. С. 12]. Анализируя предшественника «Оберона» оперу Бетховена «Фрейшиц», автор французской статьи в своих рассуждениях о партитуре Вебера приходит к осознанию истинной немецкой уникальности, связанной и содержательно (мифические персонажи), и поэтически (соответствующие выразительные средства) с мистическим чувством, присущим романтическому творчеству: «Она дышит своим Немецким происхождением, и все, что горло Тирольца и фантастические голоса Богемии или Баварии могли изобрести нежного, живого, непредвидимого, все это нахожу сокращенно, в усладительных мелодиях Фрейшица, между тем, как таинственная гармония представляет воображению моему всех колдунов Севера, всех фантастических приятелей духа тьмы. <...> Ни описать всех мечтательных путешествий, какие она заставляет меня делать».

Представленная публикация затронула на страницах «Московского Телеграфа» вопрос, возникающий на культурной арене Европы эпохи романтизма — рецензия немецкой драматургии и музыкального театра за рубежом. Французский автор избирает доминантой критического дискурса тему народности, которая органично вписывается в концепцию романтизма. Целостности аргументации критик достигает путем вовлечения в повествование типично романтических мотивов — исторически обусловленный контекст, мистицизм, вопросы инациональных заимствований и тема гения как эталона изящного. Критические суждения французского автора выходят за рамки субъективных оценок и распространяются до глубокого анализа проблемы, принимая характер полноценной критической статьи, не исключая моментов личного восприятия. Стоит отметить, что структура статьи очень близка авторскому почерку В. Ушакова, который исследователи признали «его оригинальным критическим стилем» [17. С. 189]. Такая схожесть в дискурсивной стратегии говорит об общих тенденциях формирования критической мысли в Европе и России, а также может свидетельствовать о влиянии мастерства западных (в частности, французских) критиков на формирование писательского стиля русского театрального обозревателя.

Литература:

1. Шлегель, Ф. Эстетика. Философия. Критика Т. 1 — М.: Искусство, 1983, с. 300.
2. Кулешов, В.И. Литературные связи России и Западной Европы в XIX в. (первая половина). — Издательство Московского университета, 1965. с. 19.

3. Федоров, Ф. П. Романтический художественный мир: пространство и время. — Рига, 1988. с. 423.
4. Берковский, Н. Романтизм в Германии. — Санкт-Петербург, «Азбука-Классика», 2001. с. 19.
5. Э. Т. А. Гофман Мысли о высоком значении музыки. // Литературные манифесты западноевропейских романтиков (Собрание текстов). Издательство Московского университета, 1980. с. 180.
6. Соллертинский, И. И. Романтизм, его общая и музыкальная эстетика. — Гос. муз. издательство, Москва, 1962. с. 33.
7. Л. Тик О немецкий народных книгах/ Литературные манифесты западноевропейских романтиков (Собрание текстов). — Изд-во Московского университета, 1980. с. 119
8. Панкова, Е. А. «Новое Средневековье» в эстетике немецкого романтизма // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика, 2005, № 2. С. 85.
9. Чавчанидзе, Д. Л. Феномен искусства в немецкой романтической прозе: средневековая модель и ее разрушение. М.: Изд-во МГУ, 1997. с. 6.
10. Недзвецкий, В. А. Русская литературная критика XVIII—XIX в.в. Курс лекций. М.: Изд-во МГУ, 1994. с. 30.
11. Ушаков, В. Русский театр // «Московский Телеграф», 1831, часть 37, февраль, № 4. С. 206.
12. Шлегель, А. О Драматической Поэзии и Теории Изящного у древних и новых народов // «Московский Телеграф», 1826, часть 7, № 4. с. 323—324.
13. Извлечение из отчетов лиц, отправленных за границу для приготовления к профессиональному званию // Журнал Министерства народного просвещения. 1863, Дек. Отд. II. с. 557—558.
14. Theatre d Eugene Scribe, decie par lui a ses collaborateurs. 8 vol. Paris 1828 // Нынешнее состояние театров. Европейский театр. «Московский Телеграф», 1828, часть 24, декабрь, № 23. с. 325.
15. Ушаков, В. Русский театр // «Московский Телеграф», 1831, часть 37, февраль, № 4. с. 568.
16. Жирмунский, В. Немецкий романтизм и современная мистика. Санкт-Петербург, 1914. с. 12.
17. Очерки истории русской театральной критики (конец XVIII — первая половина XIX в. — «Искусство», Ленинградское отделение, 1975. с. 189.

Синтез «художественного» и «публицистического» в авторской стратегии Юрия Козлова

Безрукавая Марина Васильевна, кандидат филологических наук, доцент
Кубанский социально-экономический институт (г. Краснодар)

Для понимания авторской стратегии современного писателя Юрия Козлова необходимо прояснить два вектора сюжета «жизнь и творчество» в его судьбе. Во-первых, сочинение художественных книг стало для него родовым занятием: Ю. Козлов — сын известного писателя Вильяма Козлова, отец Анны Козловой, отметившейся выходом ряда литературных произведений; оба его зятя (в том числе Сергей Шаргунов) имеют к литературному труду самое прямое отношение. Во-вторых, Ю. Козлов на протяжении многих лет остается не просто активно пишущим человеком, но и значимым управленцем, практически знающим о том, как устроена государственная служба. Ю. Козлов был начальником отдела пресс-службы Государственной Думы, руководителем пресс-службы Совета Федерации. И в наше время является главным редактором журнала «Роман-газета».

«Мне представилась уникальная возможность проследить на примере писателей трёх поколений, как литература из дела общегосударственного и системообразующего превратилась в дело сугубо индивидуальное и коммерческое. Ощущения сложные. С одной стороны,

писатели по инерции требуют от власти заботы и внимания, но с другой — глупо требовать этого от власти, не ставящей перед обществом сколько-нибудь значащих целей, вот уже третье десятилетие занимающейся утилизацией советского наследия и конвертацией природных ресурсов в деньги. Утешает то, что власть не мешает самим гражданам, включая писателей, ставить перед собой великие цели и идти к ним своим собственным путём. Это даёт всем нам шанс», — сообщает Ю. Козлов в одном из интервью, которые дает не слишком часто [6].

В приведенной цитате следует обратить внимание на три момента. 1) Автор подчеркивает «родовой», «династический» характер литературного дела в своей жизни, утверждая, что этот опыт дает возможность увидеть становление словесности как комплексный, «исторический» процесс. 2) Говоря о трансформации художественной литературы из «системообразующего» в «коммерческое», писатель кратко обозначает свое отношение к современному государству как к субъекту управления, отказавшись от вверенного ему управления, потерявшего интерес к концептуальному утверждению литературы как наци-

онального достояния. 3) Позитивное может быть найдено лишь в одном: потеряв интерес к социальным функциям словесности, государство предоставило каждому творцу свободу, избавив его от цензуры, от идеологических проверок, столь значимых для гуманитарных процессов в СССР.

«Может ли что-то изменить в нашей жизни очередной, вполне возможно, что даже и гениальный роман?», — спрашивает Ю. Козлова корреспондент. Писатель отвечает: «Абсолютно ничего. Литературный процесс в стране вырожден. Книжный рынок рухнул. Издательства практически не публикуют современную литературу. Писатель лишён возможности жить литературным трудом. К тому же писатели непримиримо и, к сожалению, в творческом плане абсолютно бесплодно разделились на «либералов» и «патриотов». Литература точно так же как экономика, образование, система соцобеспечения и прочие «настройки» повторяет судьбу страны» [3].

Можно повстречать и более эмоциональные, при этом не менее пессимистичные высказывания Ю. Козлова о словесности как современной стратегии: «Нет литературного процесса. Нет читательского сообщества. Профессия писателя опущена «ниже плинтуса». Сегодня писателем объявляется любой графоман и безумец, заведший себе страничку в ЖЖ. Литература ушла в подполье, в пространство духовного подвига. Чем может руководствоваться, сочиняя роман, писатель, зная, что никто его не прочитает, не опубликует и не оценит? Издательства сегодня не только не печатают «некоммерческую» литературу, но даже ее не рассматривают. Писатель бесконечно одинок и никому не нужен в современной российской действительности» [5].

Влияют ли данные оценки на становление сюжетно-риторического пространства в романах Ю. Козлова? Мы видим это влияние в следующих действиях.

1) Катастрофические, апокалипсические события обсуждаются (и по-своему созидаются героями) в большинстве произведений.

2) Исторический, политический дискурс — на первом плане; обсуждение распада Советского Союза проходит и в футурологическом, и в метафизическом, и в социально-историческом контекстах.

3) Активно размышляющих, пишущих субъектов в романах Ю. Козлова достаточно много; конкретного успеха они не достигают.

4) Отношение к современному человеку во многих случаях совмещает в себе печаль о далеком от нравственных высот существовании с достаточно циничной оценкой тех, кто не смог на эти высоты взойти.

Сам Ю. Козлов оценивает характер своей творческой деятельности следующим образом: «У каждого литератора своя планида. Свой процесс формирования письма. У кого-то превалирует действие, у кого-то описание чувств, у кого-то рациональное осмысление. Наверное, произведение можно назвать совершенным, если в нем соблюдается баланс мысли, чувства и действия. К сожа-

лению, моя жизнь сложилась так, что в ней было немного чувств, которые могли бы захватить читателя. Оттого в моих произведениях так много мыслей, которые подчас переходят в построения где-то социологические, где-то психологические, а где-то философские. Я понимаю, что такого рода литература существует не для массового читателя, а для тех, кто постоянно думает и пытается осмыслить реальность. Я не обольщаюсь на этот счет и считаю, что если у меня есть несколько сотен читателей, мое творчество уже оправдано, и я буду его продолжать, насколько будет получаться» [1].

Таким образом, Ю. Козлов настаивает на рационализме как на доминирующем факторе собственной поэтики. Уместно задать вопрос о том, какие задачи решает автор в границах художественности, делающей акцент на мысли и эстетике интеллектуализированного типа?

1) Писатель, знающий структуру и содержание российской власти последних десятилетий, стремится фактический опыт сделать романским материалом, сочетающим фантастику, метафизический гротеск и социальный реализм.

2) Задействованным оказывается интеллектуальный опыт: центром каждого прозаического произведения становится эссе исторического типа, позволяющее персональное слово автора о судьбе России сделать художественным фактом, частью диалогизма, связывающего литературных персонажей.

3) «Подведение писателей и их произведений под общие знаменатели и термины, на мой взгляд, не очень продуктивно. Это имеет смысл разве что для первичной систематизации, ориентирования в книжной продукции», — так, в целом отрицательно, реагирует Ю. Козлов на предложение корреспондента причислить его к «метафизическим реалистам» [1].

На наш взгляд, литературный проект, который разрабатывает Ю. Козлов, предусматривает обязательное раскрытие смысла современных исторических событий, актуального мировоззрения и состояния сознания нового русского человека художественными средствами, больше присущими модернизму и постмодернизму, чем реализму. Но реализм при этом остается вполне определенной духовно-интеллектуальной базой, управляющей авторскими оценками.

Амбивалентность, двойственность, двусмысленность, которые так часто появляются в контакте «текст — читатель» в козловском мире, вряд ли можно считать следствием размытости позиции автора. Дело в другом: Ю. Козлов принципиально работает с пространством, в котором парадоксально сочетаются две формы времени — «историческое, политическое» и «метафизическое, мифологическое, вечное». Пример оценки этой закономерной амбивалентности находим в работе О. Мороза, детально анализирующего роман «Колодец пророков»: «Кто этот ребенок — никому не дано знать. Не дано знать, кто Августа — Вавилонская блудница или дева Мария, новое воплощение Богоро-

дицы. А может быть, Августа всего лишь русская женщина, запутавшаяся в своих отношениях с судьбой. Всего лишь женщина. Как мать Пухова, ведь и ее сын появился на свет, не зная отца. Как бабушка Мити, зачавшая его мать в лагере от человека, так и оставшегося неизвестным. Неоднозначность образа Августы — кто же все-таки она? — упирается в вопрос об отношениях человека и судьбы. Кто она и какова ее судьба, Августе предстоит решить самой. Как и ее ребенку — решить, кто он» [2].

Причем Апокалипсис для Ю. Козлова не только интересная, богатая потенциальными смыслами художественная ситуация, но и реальность истории: «Очевидный признак «конца времен» — невозможность различить добро и зло, стремление следовать готовым моделям поведения, разрыв человеческих связей на уровне общества, семьи, коллектива. Повсеместный уход в «сети»,

кстати, из этой серии. Сеть — это своего рода антигосударство. Почти всегда сеть враждебна государству. Между тем государство пока единственный гарант более или менее осмысленного существования людей. Невидимая всеобщая война против государственности как таковой — вот самый очевидный признак «конца времен», по крайней мере, тех времен, которые можно считать цивилизованными» [5].

Анализируя роман «Почтовая рыба», З. Прилепин замечает, что «Почтовая рыба» — «сочинение (про) смертельно уставшего от жизни человека» [4]. Думается, стоит вести речь не об атмосфере усталости в романах Ю. Козлова, а о закономерной тяжести и особой мрачности историософских рассуждений. Семейно-бытовое начало практически полностью здесь отсутствует, уступая место художественной публицистичности, позволяющей видеть в романах Ю. Козлова сложный авторский монолог.

Литература:

1. Мир — это закрытая таблица: Юрий Козлов о тщете писательского труда и особенностях русского народа // <http://mikhail-boyko.narod.ru/interview/ukozlov.html>
2. Мороз, О. Человек и судьба в романе Юрия Козлова «Колодец пророков» // <http://parus.ruspole.info/node/5894>
3. Перед выбором: Интервью с Юрием Козловым // <http://www.litrossia.ru/2014/29/08994.html>
4. Прилепин, З. Рыба-перебежчик. Юрий Козлов: «Почтовая рыба», издательство «Поколение», 2011. // <http://www.zaharprilepin.ru/ru/columnistika/novaja-gazeta/s-tretego-kraju.html>
5. Юрий Козлов: В пространстве духовного подвига // http://old.redstar.ru/2010/09/08_09/4_05.html
6. «Я абсолютно свободен в выборе темы» // <http://oleg-pogudin.elegos.ru/forum/33-2351-1>

Über Begriffe und Termine der Textstilistik

Бозорова Мухаббат Абдурахмоновна, ассистент
Бухарский филиал Ташкентского института ирригации и мелиорации (Узбекистан)

In den letzten Forschungen zum Stil der künstlerischen Texte werden bestimmte Begriffe und Termine von verschiedenen Sprachwissenschaftlern verschiedenartig interpretiert. Mitunter wird ein und derselbe Terminus zur Bezeichnung verschiedener linguistischer Kategorien gebraucht und das führt natürlich zu verschiedenartiger Interpretation dieses Phänomens.

Davon ausgehend besteht die Aufgabe dieses wissenschaftlichen Beitrages in der Auslegung solcher Grundbegriffe der Textstilistik wie «Genre», «Text», «Textorte», oder «Texttyp», «Stil», «Stil eines Textes», «Textstilistisches Merkmal» u.a. mit dem Ziel, eine vereinheitlichte Interpretation der genannten Begriffe in den linguostilistischen Untersuchungen künstlerischer Texte anzustreben, was für unsere vergleichenden Forschungen deutscher und usbekischer Texte unter linguostilistischen Aspekt von grosser Bedeutung ist.

Eines der häufig gebrauchten Termine und Begriffe in der Stilistik der schöngeistigen Literatur ist wohl «das Genre».

Zur Zeit gibt es in der Philologie keine einheitliche Auslegung dieses Phänomens.

Nach Tscherepachov gäbe und gibt es keine einheitliche Bezeichnung des «Genres», weil verschiedene Bereiche in Kunst und Literatur in ihrer Tätigkeit als Ausgangshaltung verschiedene Merkmale des «Genre» herausarbeiten und selbstverständlich sei daher einheitliche Definition des «Genre» als bekannte Kategorie unmöglich.

In der Philologie und Literaturwissenschaft wird mit Hilfe dieses Terminus nicht nur eine Gattung bestimmter schriftlicher und mündlicher Abarten von Werken bezeichnet, die eine ähnliche oder gleiche pragmatische und situative Besonderheit aufweisen. Sondern auch literarischer Gattungen wie Lyrik, Epos und Drama.

Unter dem Begriff „Genre“ wird auch wie Publizistik, Poesie, sogar Monolog und Dialog verstanden. Neulich drang der Terminus „Genre“ in die linguistische und funktionale Stilistik ein.

Prof. M. N. Koschina hält es zweckmässig, diesen Terminus in der funktionalen Stilistik anzuwenden, wo er als Kriterium zur Bezeichnung aller Arten von Literatur und schriftlichen Texten — wissenschaftlichen, sachlichen u.a. — gebraucht werden soll. Nach der Auffassung von Permer Stilforscherin M. N. Koshina bedeutet «Gerne» eine Abart literarischer Werke in breitem Sinne des Wortes, die sich im Bereich der Kommunikation, verschiedener Besonderheiten seiner Form und Textbaus, Komposition, verschiedener Besonderheiten seiner Zweckbestimmung, Inhaltsrichtung, in Eigenheit seiner Form und Textbaus, Komposition, des Inhaltsplans und Umfangs und anderen Merkmalen kennzeichnet.

Die Definition von M. N. Koshina ist im Vergleich zu anderen Definitionen konkreter, jedoch nicht vollständig. Es gibt bestimmte Einwände. Erstens, wie mit vollem Recht N. G. Glasunowa unterstreicht, «ist der Begriff «Gerne» nicht nur ein extralinguistisches Merkmal eines Funktionalstils, sondern ein System der sprachlichen Mittel». Zweitens, das Genre ist eine Abart nicht nur eines literarischen Werkes, wie es M. N. Koshina hervorhebt.

In der Tat sind solche Textorten wie Leitartikel, Monographie, Bekanntmachung, Wetterbericht u.a. keinesfalls literarische „Gernes“. Das sind Textorten, die in der Literatursprache geschrieben sind.

In vielen wissenschaftlichen Beiträgen wird der Begriff «Genre» einem bestimmten Stil gleichgesetzt. So z. B. versteht Prof. Dr. N. M. Rasinkina unter «Gerne» eine Abart eines funktionalen Redestils. «Genre» bedeutet auch der Text eines literarischen Werkes, der seinem Wesen nach in Bezug des einzelnen Funktionalstils, eine exakte kompositionell — architektonische Struktur Mittel verschiedener Sprachebenen darstellt, mit anderen Worten, das, was Prof. Dr. Elise Riesel «Texttyp» und oder «Textorte» nennt.

Es scheint unrechtmässig, das Gleichheitszeichen zwischen den Begriffen «Gerne» und «Textorte» zu stellen. Vielleicht wäre es zweckmässiger, beide Phänomene als Bestandteile einer bestimmten Gattung zu betrachten. Der Begriff «Genre» ist in Bezug zum Funktionalstil konkreter und hinsichtlich zum Texttyp oder Textorte abstrahierter, mit anderen Worten, in Bezug zum Funktionalstil ist das «Genre» enger und konkreter, in Bezug zur Textorte tritt das Genre als Begriff auf, der seinem Wesen nach breiter und abstrakter ist. Zum Genre gehört auch Epos, Lyrik und Drama.

Es wäre vielleicht angebrachter, das Genre als Erscheinungsform dieses oder jenes Funktionalstils eines bestimmten Textes aufzufassen.

In der Fachliteratur ist eine unrechtmässige Gleichsetzung des Begriffs mit dem Substil zu beobachten, so auch die Gleichsetzung mit verschiedenen Darstellungsarten und die Art der Darlegung. Andererseits, ist der unter «Genre» gemeinte Terminus in unserer Auffassung eine Erscheinung, der von vielen Linguisten als Kompositionstyp der schriftlichen Texte der Redeart, als Form literarischer Erzählung, Redegenre, rededanzes usw. bezeichnet wird.

In der Germanistik dienen dazu solche Termini wie „Texttyp“, „Textorte“, „Textart“, „Textform“, „Textgattung“, „Text“ discourse u.a.

Unter den Fachleuten, die das Phänomen «Textorte» aus der Sicht der Linguistik und Stilistik erforschen, gibt es zur Zeit keine einheitliche Meinung bezüglich der Interpretation dieses Begriffs, so auch die Kriterien seiner Begriffsbestimmung, wie L. G. Farafanowa vermerkt, gibt es in Fragen der Stelle der Textorte im Rahmen der Hierarchie des stilistischen Systems.

In der russischen und ausländischen Sprachwissenschaft dient der Terminus «Textorte» nicht nur selten zur Bezeichnung des Funktionalstils, der «Textgattung» und des Darlegungsverfahrens. Eine günstige und angemessene Definition dieses Phänomens gibt unserer Meinung nach E. Riesel, «eine Gattung bestimmter schriftlicher und mündlicher Texte, die gleiche funktionale und situative Besonderheiten aufweist mit gleicher oder ähnlicher Eigenschaft». Der Begriff «Textorte» als sinnlich wahrnehmbare Erscheinung, in dem literarische und stilistische Komponenten vereint sind, wurde in den letzten Jahren zum Gegenstand wichtiger texttheoretischer Untersuchungen.

Die Wechselbeziehungen zwischen den schon erwähnten Begriffen erschliessen sich in der von Prof. E. Riesel begründeten Hierarchie der Stile und den textologischen Einheiten. Diese Hierarchie enthält 3 Haupt — und eine facultative Komponenten. Auf der höchsten Stufe der o.g. Hierarchie befundet sich der Funktionalstil, der innerhalb seines Rahmens einige Gattungsstile vereint. So z. B. gliedert sich der Funktionalstil der Publizistik in Gattungsstile der informativen — analytischen und schöngeistigen Publizistik. Ähnliche Gliederungen des publizistischen Funktionalstils in 3 Gattungsstile sind in vielen Arbeiten zur Theorie der Journalistik dargelegt. Ihrerseits werden diese Gattungsstile in Stile der konkreten Textorten eingeteilt. So z. B. schliesst der Stil der künstlerischen Publizistik in ihren Bestand solche Textorten ein wie Reportage, Essay, Feuilleton u.a. als vierte Komponente der o.g. Hierarchie treten solche Abarten des Textes auf wie z. B. Märchen in Versen usw. d.h. verschiedene Erscheinungsformen der konkreten Textorte, die sich durch den Gebrauch besonderer spezifischer Stilmittel kennzeichnen. Somit enthält die vierstufige Hierarchie von E. Riesel folgende Bestandteile:

1. Funktionalstile
2. Gattungsstile
3. Stile der Textorten
4. Stile der Untertypen von Texten.

Aus dieser Hierarchie geht deutlich hervor, dass E. Riesel kein Gleichheitszeichen zwischen den Begriffen «Gerne» und «Textorte» stellte, wie das in vielen anderen Arbeiten der Fall ist. Mitunter wird der Begriff «Gerne» breiter als der Begriff «Textorte» aufgefasst. Den Versuch eine Hierarchie des vorhandenen Systems zu schaffen begegnet man bei L. G. Farafanowa, in dem die Autorin eine fünfstufige Hierarchie vorschlägt: 1) Funktionalstil; 2) Gattungsstil; 3) Stil der

Vereinigung der Textorten; 4) Stil einer konkreten Textorte; 5) Stil der Untertypen der Textorte.

Ähmlich ist auch bei Prof.G.Solganik zu vermerken. Dieser Stilforscher schlägt ein Vierstufenschema vor, das den Weg von der Sprache bis zum vollendeten Werk vorzeichnen: Literatursprache, Funktionalstil und Gattungsstil.

Ausgehend davon, dass eine der wichtigsten Aufgaben unserer Forschungen die Einführung in die Stiltheorie und die Begründung des Begriffes und Terminus «Textstilistisches Merkmal» ist, sieh ausführlich unseren Zeitschriftenbeitrag unter dem Titel «Über Stilzüge und textstilistische Züge», soll nun näher auf die Begriffe «Text» und «Stil» eingegangen werden. Beide letzten Begriffe sind bis heutzutage nicht vollständig und eindeutig definiert, obwohl sie im Mittelpunkt zahlreicher Stiluntersuchungen stehen.

Was den Terminus «Stil» anbetrifft, so weiss jeder Stilforscher, dass es zahlreiche Definitions — und Interpretationsversuche gibt, die meistens einander ausschliessen. In unserem Forschungen gehen wir jedoch davon aus, dass Still eine besondere Art der menschlichen Vision, seine Erkenntnis und Auffassung der objektiven Wirklichkeit, die sich jeweils in besonderer, eigenartiger sprachlicher Abbildung in der textartigen Aktualisierung der Gedanken vollzieht. Dabei muss die Wechselwirkung zwischen Ausdrucksinhalt und Ausdrucksweise berücksichtigt werden. Bei der Begründung des Begriffes «Stilzug als linguistische Kategorie ist es unserer Meinung nach zweckmässig den Ausdrucksinhalt in der Behandlung mit dem Begriff «Stil» zu beachten. Im Rahmen der Untersuchungen konkreter Textorten scheint es angebracht bei der Bestimmung des Begriffes «Stil» die von Akademiemitglied W.W. Vinogradov unternommene Abgrenzung der Begriffe «Sprachstil» und «Redestil» einzuhalten».

Da Gegenstand unserer Untersuchungen eine konkrete Textorte und zwar das Volksmärchen ist, wird als Ausgangspunkt der Begriff «Redestil», der in der vorliegenden Arbeit synonymisch zum Begriff «Textstil» gebraucht wird, verwendet.

Dabei lassen wir uns vom Gedanken leiten, dass Text ein bestimmter Abschnitt der schriftlichen Rede ist, mit anderen Worten, ein Produkt der sprachlichen und geistigen Tätigkeiten der Menschen, das in schriftlicher Form fixiert ist.

Eines der wichtigsten Ausgangswerte einer Textorte, so Prof.I. R. Galperin, ist die pragmatische Zielsetzung der Kommunikation, die im bestimmten Masse die Gleichset-

zung der linguistischen Charakteristik vorausbestimmt. Dieses Kriterium gilt als Grundlage der Auswahl sprachlicher Einheiten und ihrer Kombination.

Der vorliegende Beitrag stellt sich in keinerlei Weise das Ziel, eine scharfe Abgrenzung der textbildenden und stilbildenden Mittel voneinander, obwohl abstrakt — theoretisch gesehen das möglich sein könnte. Die Begriffe «Stil» und «Text» können als Wechselbegriffe aufgefasst werden. Auf diese Tatsache wies M. B. Chraptschenko hin: Unter anderem betont er: «In der realen historischen Entwicklung der Literatur ist der Vorgang, der sich innerhalb der Stile vollzieht, in keinerlei Weise getrennt von der Evolution der Textgattungen zu betrachten. Die Entwicklung der Stilarten steht im engen Zusammenhang mit der Veränderung der künstlerischen Prinzipien, mit dem Werdegang der Genres und der künstlerischen Prinzipien, mit dem Werdegang der Genres und der literarischen Richtungen».

Also, Text ohne Stil und ohne Text sind unvorstellbar und unmöglich, mit anderen Worten gesagt, sie treten in dielektischer Einheit von Form und Inhalt auf. In diesem Zusammenhang wäre es angebracht, die Bemerkung von B. Sowinski anzuführen, der behauptet, dass «die Textbildung gleichzeitig Stilbildung sei; davon ausgehend gehört das Prinzip der Textstruktur und Textbildung in den Bereich der Stiluntersuchungen». Über das wechselseitige Funktionieren des Stils und des Textes schreiben E. Arndt, B. Spilner, W. Spiewok u.v.a. Stil — und Texttheoretiker.

Als terminologische Bezeichnung onthologischer Eigenschaften und Merkmale dieser dialektischen Einheit schlagen wir den Begriff und Terminus „Textstilistisches Merkmal“ ein (synonymisch können auch „Textstilistischer Zug, „Textstilistische Eigenschaft verwendet werden“). Definierend verstehen wir unter textstilistischen Merkmalen typologisch wichtige Stilmerkmale textologischer Einheiten, hervorgebracht durch extralinguistische Faktoren und sprachlich realisierbar durch die Möglichkeit des intensiven Funktionierens im Text wie der strukturell kompositorischen so auch der linguostilistischen Mittel aller Sprachebenen. Als Basis der linguostilistischen Beschreibung von Texten und Textorten verschiedener Funktionalstile soll eben solch ein kombinierter Versuch zugrunde liegen.

Über typologische Klassifikation dieses Phänomens siehe weiter unseren speziellen Beitrag zum Thema «Über Stilzüge und textstilistische Züge».

References:

1. Fleischer W. Stilistik der deutschen Gegenwartssprache. Leipzig 1977.
2. Michel G. Einführung in die Methodik der Stiluntersuchung. Berlin 1968
3. Riesel E. Stilistik der deutschen Sprache M.1963
4. Riesel E. Stil der Alltagsrede. Leipzig 1970
5. Moller G. Praktische Stillehre. Leipzig 1970
6. Брандес М. П. Стилистика немецкого языка. М. 1983
7. Брандес М. П. Стилистический анализ. М. 1971

Образование существительных в английском языке. Формы множественного числа, заимствованных из других языков

Буриева Сора, преподаватель

Самаркандский государственный архитектурно-строительный институт (Узбекистан)

В данной статье использованы методы, употребление существительных в различных способах. А также указывается разница между употреблением существительных и в узбекском и английском языках. Указываются особенности и разновидности их в языке.

Ключевые слова: флексия, суффикс, существительное, множественное число, синтаксический способ, категория рода.

Форма множественного числа входящих в эту группу слов образуется с помощью флексии. Данные, несвойственные английскому языку, суффиксы были восприняты в готовом виде вместе со словами заимствованные из других языков, в особенности, из латинского и греческого языков.

Fauna-faunae, addendum-addenda, formula-formulae, agenda-agenda, Формы множественного числа некоторых слов, заимствованных из латинского и греческого языков могут образовываться путем добавления окончания —e (s).

Например: Corona-coronae-coronas, Focus-foci-focuses, Narcissus-narcissi-narcissuses...

Образование множественного числа с помощью словообразовательных суффиксов. Не смотря на то, что входящие в этот способ суффиксы в основном применяются при образовании слов, они в определенной степени означают понятие множества.

Например: — (e) Cavalry-кавалерия, infantry-пехота, kўшин;

— cade cavalcade-чавандозлар, motorcade-автомобильная колонна,

— ture denture-тиш тизими; conjecture-умурий ахвол

К способу непосредственного образования форм множественного числа с помощью структуры слов включаются в основном слова, обозначающие значения коллектива, группы, стадо.

Например: family -оила, assembly — ассамбл, dozen — 12 қисмдан иборат нарса, jury — жури азолари, flock — тўда, team -команда.

Значение множества имплицитно отражаются в корне этих существительных. По этой причине они могут употребляться в предложении и в единственной и во множественной форме.

The cattle are grazing — Скоты пасутся.

His family is not large — Его семья не большая.

The family are sitting at the table-Члены семьи сидят за столом.

All the team have left for Berlin-Все участники группы уехали в Берлин.

В состав существительных этой группы можно включить слова известные как нейтральные множества.

Fish-fish-балик, cod-cod-треска,

Sheep-sheep-қўй, mackerel-mackerel-скумбрия,

Deer-deer-кийик, pike — pike-чўртан балик

В выше указанных существительных множественная форма не образуется посредством определенных суффиксов. Эти существительные, обладая нейтральной формой, также могут употребляться вместе со сказуемым в единственной и множественной форме.

Например: Here is the fish. Here are the fish.

Выше упомянутые существительные при использовании в форме множественного числа могут также приобрести дополнительное значение. Например, предложение There are many fishes in the Aral Sea орол денгизида турли хил балиқлар яшайди.

Форма множественного числа слов, выражающиеся названия разных национальностей и стран также образуется свойственным им образом.

Japanese-five Japanese — 5та япониялик, the Japanese-японияликлар.

Vietnamese-five Vietnamese — 5та ветнамликлар, the Vietnamese-ветнамликлар.

Посредством добавления суффикса —s:

Asian-Asian — осиеликлар, the Asian — осиеликлар

Russian-Russians-руслар, the Russians-руслар.

Форма, образованная посредством морфемы множественного числа и множественная форма, образованная посредством артикля дифференцируются между собой:

Englishmen — Englishmen — англизлар, The English — англизлар.

Irishmen — Irishmen — ирландияликлар, The Irish — ирландияликлар.

Синтаксический способ образования формы множественного числа.

В данном способе множественная форма образуется лексическим способом, то есть слова или словосочетания, обладающие значением множественного числа, употребляются с другими словами с предлогом и без него и придают определяемым ими существительным значения множества.

Without preposition употребление без предлога	With prepositions употребление с предлогом
Two, five ten etc Many, much, a few +N Several, some, some more	Some, lots, kind, a lot, grounds, set, company, collection + of + N group, series, mound, heap, mass, many.

Примеры: The two friends are always together. Бу икки ўртоқ ҳар доим бирга.

There exist several opinions on this problem. Бу масала юзасидан ҳар хил фикрлар мавжуд.

A mass of facts were collected on this phenomenon. Бу ҳодиса устида бир қанча фактлар тўпланди.

Категория рода. (The category of gender)

В выражении грамматического рода английский язык занимает определенное место среди германских языков. Существующие в английском языке древнего периода (Old English) три грамматические роды, к новому периоду (Modern English) изменяются коренным образом, то есть, не рассматривая присущие местоимениям формы he, she, it, грамматический формальный род практически исчезает. Но некоторые из аффиксов, выражающие род отдельных существительных древнего английского языка сохраняются. Когда речь идет о категории рода необходимым является указание разницы между грамматическим формальным родом и категорией реального пола. Биологический реальный род тесно связан с категориями одушевленности и неодушевленности. Хотя формальный род ча-

стично относиться к этой категории, но не обладает полной подчиненностью. Например: в древнем английском языке слово wifman хотя указывало на женщину, считалось формальным мужском родом. В соответствии с этим, в настоящее время в немецком языке слова Madchen — киз бола, Fraulein — ёш аёл относятся к существительным среднего рода. Наподобие этих примеров можно привести также из древнегреческого и других языков. По причине того, что между формальным и реальным родом имеется связь в определенной степени, в некоторых словах (в особенности в словах, связанных с категорией пола) сохранилась формальный показатель грамматического рода. Связь существительных в современном английском языке по отношению к категории рода можно установить следующей классификацией: а) одушевленные существительные; б) неодушевленные существительные; Если для одушевленных существительных характерен реальный род, то есть категория пола, то для неодушевленных существительных (не считая некоторые положения) не характерен.

Способы выражения реального рода (категорию пола) в одушевленных существительных:

Реальный мужской род	Реальный женский род
а) conductor administrator director executor emperor prosecutor	в) conductress administratrix directress executrix empress prosecutrix
б) god don heir czar Jew signor Duke sultan	г) goddess donna heiress czarina Jewess signora duchess sultana

К вышеуказанным существительным можно включить также слово spinster, образованное с помощью суффикса –ster. Но это слово в современном английском языке в мужском роде не обладает своей противоположной формой. Классифицирование и отделение в определенную группу этих существительных осуществляется в связи с рассматриванием категорию рода. Кроме этого существует также способ аббревиации при образовании существительных, одинаковый в обоих языках, то есть образуются посредством аббревиации существительных.

Лексический состав языка всегда обогащается и пополняется чем-то новым. При этом огромное значение имеют также изменения, происходящие в социальной, политической, экономической и культурной жизни. Постепенное углубление активного участия нашей страны в мировом сообществе отражается также в изменениях, происходящих в фонетическом, лексическом, грамматическом построении языка, а также в сопоставительном рассмотрении вопросов, касающихся образованию существительных в английском и узбекском языках.

Литература:

1. Мухитдинова, С. English. Ташкент. Узбекистан 1992 г.
2. Качалова, К. Н. Й. Й. Ирралиевич. Практическая грамматика английская языка. “Туркистан” Бишкек 2000 г.

Introducing the terms on practical grammar at the English lessons

Буриева Сора, преподаватель

Самаркандский государственный архитектурно-строительный институт (Узбекистан)

This article is about abstract nouns, words and terms. It also describes articles, how and where do we use them. In addition, The article gives information about adjective, adverb, collocation, abbreviation and adjectivised adverbs

Key words: articles, terms, adjective, adverb, abstract nouns, addition.

The present paper deals with the terms on practical grammar which are introduced at the English lessons before having a grammar problem.

After the theme on a certain grammar problem is written on the board we pass to introducing the students to such words and phrases which are closely interconnected with the problem we are having. We call them terms. According to D. E. Rosental and M. A. Telenkova's Reference – Dictionary of Linguistic Terms "A term is a word combination which reflects a certain notion in the field of technology, art and social life". To our opinion without knowing the terms grammar materials wouldn't be understood, acknowledged and digested well. On the one hand the majority of grammar terms are of Latin and Greek origin, and on the other they have international characteristics. We divide our grammar terms into two groups: 1. Essential topical words 2. Basic key words and expressions which are interconnected with the first group of words in use. In one word terms are like tools when a student after having mastered them well can operate and solve any grammatical problem quickly and successfully.

For example, we are having the problem of the English Article. First we give the most important words. They are a, an, the, Indefinite Article, Definite Article, Zero Article. Then we give the words with which no article is used. They are such abstract nouns as names of school subjects, festivals and holidays, sports, titles, relatives, names of schools and colleges, squares and gardens, castles and palaces, roads and streets, persons names, names of cities and countries, professions, chemical elements, days of the week and months of the year and the names of meals and food.

Then come the words with which only Indefinite article a, an is used. They are common countable nouns belonging to a certain class of things in singular. For example window, boy, animal, pen, pencil, book etc. they can also be used in set expressions, idioms and proverbs. And last but not least, we give the words with which only Definite article the is used. Mostly they are the names of mountains, cardinal points, deserts and steppes, rivers, lakes and springs, seas and oceans, valleys and plains, gulfs, continents, islands and peninsulas, bridges and canals, boats and ships, galleries and museums, cafes and restaurants, hotels and motels, book titles, nicknames, newspapers and magazines, nationalities, companies and firms, unique objects like the sun, the moon, surnames in plural, ordinal numbers, adjectives in the superlative degree, diseases and animals, substantivised adjectives, nouns with the particularizing attributes.

When the students have obtained the general idea about the English articles we pass to their meaning, place, combinability with other parts of speech and functioning in the sentence.

Finally we give the three main criteria on the article usage worked out by us which tell the students in what case they should use zero article, and in which one they should put indefinite or definite article.

There are four types of article usage in English:

1. 0-Zero article
2. A, an — Indefinite article
3. The — Definite article
4. 0/a/an/the — Mixed type

There may be some variations of the kind 0/a/an; 0/the; a/an/the/0; the/a/an/0; the/0/a/an etc. in the Mixed Type of Usage.

You can use any case of Article usage before any noun irrespective of its being in singular or in plural provided that noun should answer the following three requirements:

1. The noun before which we have to put an article necessarily should be used in a general meaning and in singular. In this case only Zero Article is applicable. E.g. Fun With Grammar.

2. The noun should be a common, countable noun, in singular, and belong to a certain similar class of nouns and introduced for the first time in the context (in case it is used for the second time the noun comes with the Definite article). In this case the Indefinite article a, an is preferable.

E.g. A Reference Grammar for Students of English.

3. The noun should be concrete and visible or had been introduced to as before and it should differ from other nouns of its like by a certain characteristics. In this case the Definite article the is required.

E.g. The Old English Grammar greatly differs from the Grammar of New English.

In this way we intensify the delivery of grammar materials, enrich the student's vocabulary, develop their communicative habits and raise the level and quality of their knowledge in grammar.

At the result of our conjoint work we have compiled a bilingual (English-Uzbek) English Practical Grammar Terms Reference Book which may be helpful while dealing with grammar problems. Here below we bring some terms from it as samples:

ABBREVIATION. An abbreviation is shortened word which is used instead of its full version to economize space in a context. For example: the UK, (the united Kingdom), the

USA (the United States of America), UNESCO (United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization) etc.

ABSTRACT NOUNS — n.phr.morph. Abstract nouns refer to states, events, feelings etc. They can be count or mass and cannot be understood in a physical sense. For example: thought, happiness, talk, work, hope, love etc.

ADDITION-n.lex. Addition is the total of a group of numbers. E.g. We learn addition and subtraction in first and second years.

ADJECTIVE —n.morph. Adjectives are words that tell the kind of nouns. They are the words that tell the colour, quality, size, shape, feature of nouns and of what it is made. They may be qualitative and relative. For example: red, good, big, square, well-bred; wooden, golden, metallic, silvery.

According to their function they can be an attribute and a predicative. E.g. She's a pretty girl. (Attribute) All the girls are pretty here. (Predicative)

ADJECTIVAL PHRASE OR COLLOCATION-adj. phr. synt. Adjectival phrases may be simple and verbalized prepositional compound. E.g. a funny man; to be angry with smb. Adjectival phrases may consist of three, four even five or six components. E.g. a nice little table, a cheap black tie, a five-day stay vacation etc.

ADJECTIVISED ADVERBS-adj.phr.morph. There are fourteen adverb looking like words which are adverbs in their

forms but are adjectives in their meaning. They are called adjectivised adverbs: brotherly, deadly, dearly, elderly, fatherly, friendly, goodly, motherly, likely, lonely, lively, lovely, lowly, poorly. E.g. The talks between the two heads of the states passed in a cordial and friendly atmosphere.

ADJECTIVISED NOUN-adj.phr. morph. If adjectives come with the definite article the without the noun it modifies they become substantivised adjectives, i.e. they turn into adjectives. E.g. The poor man and the rich man (adjectives) -The poor and the rich. (nouns)

ADVERB. Adverb tell how things are done. There may adverbs of:

1. time — today, yesterday, tomorrow
2. place — inside, outside, here, there, everywhere, anywhere
3. direction-up, down, forward, backward
4. reason and consequence-so, therefore, accordingly
5. manner-kindly, fast, badly, well, splendidly
6. degree, measure, quantity-little, few, very, too, almost, quite, rather, half, twice, enough, firstly
7. interrogation-where, why, how
8. relation-that, which
9. comparison that, as... as, the same... as, not so... as, less... than, though
10. purpose — so that, in order that, lest, for fear that

References:

1. J.J. Bo'ronov, U. Hoshimov. English Grammar. Tashkent, 1974
2. K.N. Kachalova, Ye.Ye. Izrailovich. Prakticheskaya grammatika angliiskogo yazyka. "Turkiston" Bishkek, 2000

Английский гуманизм в идеологии XVI века

Гафарова Зумрад Зохиржоновна, ассистент
Бухарский филиал Ташкентского института ирригации и мелиорации (Узбекистан)

Английское общество XVI века представляло собой пусть противоречивую, но определенно некую систему, находившую выражение и в политике, и в мировоззрении, и в поведении современников. Известно, например, что в Англии XVI века восторжествовал абсолютизм. Однако в самом этом факте нет ничего специфически английского: ведь то же самое в ту же пору наблюдалось и во Франции. Но если Франция пришла к этому, фактически уничтожив сословное представительство в лице Генеральных штатов, то в Англии та же цель была достигнута при сохранении парламента, более того — при его содействии, в сотрудничестве с ним. Другими словами, парламент — институт, призванный служить противовесом королевской воле, удерживать королевскую прерогативу в «законных рамках», — своей деятельностью узаконивал неограниченную практически власть Тюдоров. При Тюдорах эта система функционировала в основном

безотказно. Но вот на английском престоле оказалась дочь Генриха VIII, Мария Тюдор (1553–1558), поставившая своей целью вернуть Англию в лоно римско-католической церкви, — и парламент с таким же энтузиазмом санкционировал ее действия. Когда после смерти Марии Тюдор на престоле оказалась Елизавета I, парламент в третий раз узаконил королевскую волю — изменил вероисповедание ее подданных: отныне они снова стали англичанами.

В XVI веке в Англии не только сохранялся средневековый сословный строй со строго фиксированными правами и обязанностями отдельных сословий и рангов, но спесь и гордыня, местничество, казалось, никогда не были более вызывающими. В то же время ни в одной из европейских стран доступ в ряды знати не был более легким, чем в тюдоровской Англии. Ни в одной стране Европы XVI века правосознание с последовательностью

не фиксировало принцип «нерушимости незапамятного обычая» в регулировании поземельных отношений, как в Англии. Видно, что перед нами своеобразная, ни с какой другой не сравнимая эпоха в истории этой страны. В ней уходящие в прошлое, но еще очень живучие феодальные начала общественной жизни — в экономике, социальном обиходе, политике и идеологии — переплелись с началами зарождающимися, капиталистическими [2;3;].

В этой живой нераздельности и вместе с тем глубокой противоречивости общества переходной поры заложены конфликты поистине трагедийного масштаба. Наиболее острым и очевидным был антагонизм классовый, социальный. XVI век в этой стране ознаменовался рядом крупных крестьянских восстаний и городских мятежей, начиная с так называемого «благодатного паломничества» на севере Англии (1536) и восстания Роберта Кета в Норфолке (1549) и кончая восстанием в среднеанглийских графствах (1607). Однако и в периоды затишья страна находилась в постоянном брожении. Об этом свидетельствуют печально знаменитые террористические законы против бродяг и нищих (известные как «кровавое законодательство»), каравшие за бродяжничество выжиганием клейм, забиванием в колодки, публичным бичеванием, тюрьмой и галерами, отправлявшие человека на виселицу за мелкое воровство. Раздоры, как эпидемия, охватили имущие классы. Такова была изнанка «золотого века» Елизаветы. Естественно, что и культура этой сложной исторической эпохи была столь же неоднозначной и глубоко противоречивой. По сути своей это была культура Возрождения, культура, обращенная к человеку и человеческому в нем [3;4].

Век XVI — век сложный и противоречивый, тем не менее он, в частности на английской почве, предстает как целостная и вполне определенная эпоха, не похожая на другие. Эта эпоха тюдоровской Англии. Ее хронологические рамки — 1485—1603 годы. Понятие «тюдоровская Англия» обозначает специфическую систему экономики, власти и культуры. Ее историческое своеобразие заключалось в том, что в ней воплотился переходный период: от «старой, веселой Англии» — страны феодальной — к Англии «железного века» — стране буржуазной, капиталистической. Неудивительно, что XVI век не только унаследовал противоречия феодальной поры, но и явился свидетелем вторжения в общественную жизнь противоречий новых, еще более острых, связанных с зарождением капитализма [1;11].

Последние привели к неожиданному результату: они вызвали волну «феодальной реакции». Правда, она смогла лишь на время и далеко не во всех сферах общественной жизни затормозить развитие буржуазных отношений. Тем не менее, феодальная реакция XVI века была реальностью. Социальная суть ее, на наш взгляд, такова: получатели феодальной ренты стремились приблизить ее движение к механизму рынка в такой же мере, в какой значительная часть денежных людей стремилась обзавестись феодального характера доходами. В результате лорды, за-

ботившиеся, прежде всего, о прибыльности своих имений, превратились в тиранов по отношению к держателям их земли, а толстосумы стали приобретать престижное феодальное богатство: поместья, парки, должности и т.п., вместе с ними — дворянские титулы и привилегии.

Процесс «облагораживания» верхушки городской олигархии и разбогатевших йоменов приводил к укреплению и росту дворянства. В самом деле, в 1558 году 46% пэров Англии обладали этим титулом в первом или втором поколении, в 1628 году они составляли 57%. Между 1574 и 1603 годами в рыцарское достоинство было возведено 332 человека. Численность дворянства возрастала в полтора раза быстрее численности всего населения. Естественно, что, включая в свои ряды наиболее преуспевавшие элементы третьего сословия, дворянство оказывалось самым процветающим сословием в стране.

Однако новая, гуманистическая культура должна была пробивать себе дорогу сквозь мощные пласты традиционно средневекового образа мыслей, схоластики, нетерпимости, фанатизма, невежества. Вообще распространение новой культуры, как и становление новых общественных отношений, было процессом в высшей степени сложным. Различные области духовной деятельности — не говоря уже об общественной практике — далеко не в одинаковой степени затрагивались гуманистическими тенденциями. Так, если Возрождению Англия была обязана классической эпохой своей литературы, то восторжествовавшая в 30-х годах XVI века Реформация не в малой мере повинна в том, что отражение тех же тенденций в художественной жизни этой эпохи оказалось здесь более проблематичным [6]. Наконец, нельзя упускать из виду, что творцы новой культуры, независимо от того, что они сами думали, принадлежали не только «новому времени», но и времени уходящему [7]. Восстав против строя мысли и чувств средневековья, объявив «варварскими» большинство его духовных ценностей, они, того не сознавая, разделяли многие представления и убеждения этой же эпохи. В качестве примера достаточно сослаться хотя бы на их убеждение в том, что можно совместить в единой системе воззрений античную образованность и христианскую догматику, если только средневековую теологию с помощью той же языческой образованности «очистить» и «исправить». Точно так же многие выдающиеся гуманисты лелеяли идеал новой «общественной гармонии», верили в возможность «учреждении» государства «всеобщего благоденствия», в котором сохранены феодальная собственность и сословный строй и вместе с тем народ не ведает ни произвола властей, ни опустошительных войн и разорительных налогов, ни пристрастия судов, ни вымогательства чиновников.

Одним словом, общественные условия, вызвавшие к жизни раннее Просвещение, оказались в глубоком противоречии с его идеалом «разумного» и «справедливого». К тому же подъем народных движений, открытое проявление социального недовольства низов вызывали у гуманистов страх перед выходом народных масс на арену

истории. И Мор, подобно Эразму, например, выступил против лютеровской Реформации не только во имя сохранения универсализма церкви и, следовательно, верховенства папской власти, но и потому, что своей проповедью «христианской свободы» Реформация подняла крестьян против власти и собственных господ.

Подведем итоги. Штурм традиционного, в данном случае-феодального, миропонимания начинается задолго до штурма отжившего общественного строя. В этот период первого столкновения двух эпох их положение было различным: в то время как очертания капитализма были еще настолько расплывчаты, что феодальное сознание их долгое время просто не замечало (поскольку оно не воспринимало их как нечто принципиально новое), гуманистическое сознание, наоборот, уже было способно в высшей степени критически отнестись ко многим сторонам феодальной действительности. Иными словами, гуманизм мог выступить как интеллектуальное движение, лишенное узкоклассовой определенности в исторически строго определенный период — в течение того короткого времени преобладание силы еще находилось на стороне первого, а идеал «разумного» и «справедливого» еще связывался со вторым, т.е. когда капиталистический уклад жизни еще не раскрыл еще присущих ему противоречий.

В этот начальный период новой всемирно-исторической эпохи гуманисты могли быть искренне убеждены в том, что представляют интересы «общего блага» всех классов и сословий, если только все члены «государства» осознают гуманистические ценности и положат их в основу индивидуальной и социальной этики и политики. Отсюда черты утопизма и исторического оптимизма, одновременно присущие в этот период гуманизму. По мере же раскрытия социальной сути царства капитала указанные черты гуманизма увядают, поскольку «общечеловеческая» позиция терпит крах. Наступает пора для других форм общественного сознания, а именно форм сознания собственно классового.

В качестве «разновидности» северного Возрождения английский гуманизм особенно отчетливо отразил растущий интерес к памятникам античной языческой образованности. Но связано это было с сознанием деформированности основных этических ценностей христианства и необходимости их «исправления» и «очищения».

Христианско-этический гуманизм в идеологии к середине XVI века сменился гуманизмом чисто содержательным, академическим, аристократическим. Прогрессивная же тенденция раннего гуманизма, трансформируясь, воплотилась к концу века в новой историографии, а также в искусстве драмы.

Литература:

1. Joseph, J. Shakespeare's Eden. — L., 1970.
2. Zeeweld, W. Foundations of Tudor Policy. — L., 1948;
3. Bred, S. R. The Tudor Century. — L., 1962.
4. Stone, L. Crisis of Aristocracy. — N. — Y., 1968.
5. Joseph, J. Op. cit., p.55.
6. Бенеш, О. Искусство Северного Возрождения. — М., 1973.
7. Gilmore, M. P. The World of Humanism. — N. — Y., 1952.
8. Caspari Fr. Humanism and Social Order in Tudor England. — Cambridge, 1954.
9. Мор Томас. Эпиграммы. История Ричарда III. М., 1973.
10. Осинковский, И. Н. Жизнь и творчество Томаса Мора. — М., 1973.
11. Quinones, R. J. The Renaissance Discovery of Time. — N. — Y., 1997.

Категория «краткость» и её разновидности в персидском языке

Голами Хосейн, профессор;
Бейги Мохсен, аспирант;
Пуляки Парване, аспирант
Тегеранский университет (Иран)

Данная работа посвящена теме краткости в персидском языке. Вначале даётся короткое определение категории «краткости» в персидском языке с точки зрения разных знаменитых лингвистов. Далее рассматриваются разновидности данной категории, в виде набора примеров и коротких сопоставлений примеров с их соответствием в персидском и русском языках, подробно раскрываются характеристики разновидностей «краткости». Целью статьи является ознакомление читателей с особенностями категории «краткости» в персидском и русском языках, предоставление говорящим или пишущим, при говорении или написании какого-нибудь текста на данных языках возможности сознательно избегать многословия и вкратце,

более эффективно излагать свои высказывания. Впервые настоящей работой дается сопоставление категорий «краткость» в данных языках.

Ключевые слова: лаконизм, краткость, *ijaz* — *Qâsr*, *Ījaz* — *hâzif*, *حذف* *ایجاز* *u* *ایجاز* *قصر*.

Со временем люди стали искать выходы и способы сокращения своих высказываний, способы говорить и писать кратко. Например, с помощью создания короткой аббревиатуры передают несколько слов или словосочетаний; в персидском языке вместо *سازمان مطالعه و تدوین کتب علوم انسانی دانشگاهها* *sazmane motalee vâ tâdvine kotobe olume ensanie daneshgahha* (организация изучения и создания учебных книг по гуманитарным наукам) используется *سمت سامت* (САМТ), или в русском; АИСТ вместо Агентства исследований социума и телерадиовещания.

Некоторые языки, в том числе и русский, обладают богатой грамматикой и крепкими дисциплинами. Несмотря на это, часто в речи говорящих или пишущих на нем встречается много речевых или языковых ошибок. Одной из подобных ошибок является использование повторяемых или излишних слов, то есть многословие. В большинстве случаев, при устранении нескольких слов, смысл предложения остается одним и тем же. Ниже сравнением двух примеров дается разъяснение вышесказанного; А) *Я очень скучал, потому что никого не было и я был один.* Б) *Я очень скучал в одиночестве.*

Оба предложения имеют одинаковое понятие, но второе значительно короче. Иногда сочетание двух однозначных слов ведет к многословию. Например, в словосочетании «Подниматься вверх» оба слова являются синонимами и означают одно и то же понятие. Стало быть, достаточно употребить одно из них.

В персидском языке встречается употребление повторяемых и однозначных слов, многословие. Так, в словосочетании *بالا صعود به بالا* *co'od be bala* (Подниматься вверх) само слово «*صعود*» вмещает в себя значение остального, в связи с чем одно и то же значение повторяется; слово «*صعود*» по значению отождествлено предложной конструкцией «*به بالا*». В персидском языке есть как и многословие, так и его противоположность — краткость (Лаконизм).

Основная часть:

«Лаконизм (Греч. *lakonismos*, от названия области Лакония в древней Спарте), стилистическое свойство речи, заключающееся в ее прагматической краткости и точности» [10]. «Лаконизм — краткое и сильное выражение мыслей; сжатость слога, при силе и ясности его; малословие» [8].

По Стариченку: «Лаконизм — краткость и логичность речи, четкость в выражении мысли» [11, с. 276]. По мнению Атика: «лакконизм заключается в умении выражать много значений краткими мыслями с сохранением ясности речи» [1, с. 202]

Лаконизм в переводе на персидский язык — это *ایجاز* *ijaz*, которое пришло в персидский из арабского языка. *ایجاز* *ijaz* рассматривается в восьмой главе *علم معانی* *elme*

mâani (наука о значении), которая является одним из трёх разделов *علم بلاغت* *elme belaghât* (стилистика), *ایجاز* противопоставляет категории *اطناب* *itnab* (Плеоназму — виду многословия).

ایجاز *ijaz* — Передавать свои мысли другому человеку, выражая много значений краткими и ёмкими фразами, т.е. выражение множества мыслей несколькими словами. «При этом красноречие обусловлено тем, что такая экономия в употреблении слов не должна менять преднамеренного и подлинного смысла. В отношении литературных произведений следует сказать, что экономия слов не только не нарушает смысла предложения, но и делает его более выразительным и эффективным. А потому издавна краткость считается одним из видов литературного искусства» [15, с. 211]

ایجاز *ijaz* в персидском языке является одной из основных *علم بلاغت* *elme belaghat* (стилистика), представляющей собой, по мнению Хомаи, малословие, способность кратко выражать свои мысли, выражение мыслей с использованием наименьшего количества слов. Вид красноречия, при котором количество слов не меняет смысл, причем смысл сказанного максимально сохраняется. [14, с. 404]

Разновидности категории «краткость»:

Категория «краткость» широко используется в речи персоговорящих и русскоговорящих, однако в русском языке ее не разграничили и не определили ее разновидности. Вследствие чего приходится давать сопоставление данной категории на примере персидского языка, в котором определены ее границы.

Лаконизм в персидском языке имеет две разновидности: *ایجاز حذف* *ĪJâz — hazf* и *ایجاز قصر* *ĪJâz — Qasr*

А) *ایجاز حذف* *ĪJâz-hazf*:

ایجاز حذف *ijaz hazf* — Если убирать лишние слова (одно или более слов) из текста или предложения, причем остальное содержание вмещает в себя значение пропущенных частей данного текста, т.е. смысл остается тем же самым — то сей способ называется *ایجاز حذف* *ijaz hazf* (лакконизмом-хазф) [7, с. 488] В тексте возможно усечение разных частей речи, определения, определяемого слова, предлогов, наречия и т.д. Примером данного вида служит стих великого иранского поэта Саади:

«*دوان شد (گره) به مهمانسرای امیر غلامان سلطان زندندش به تیر-*»

— *Râvan shod (gorbeh) be mehmanârâyê âmir-golaman sultan zâdândâsh be tir.* (побежал в гостиную государя, гулям султана выстрелял его)

В вышесказанном предложении усечено несколько слов: в пути к гостиницей, до приезда его застали и убили. В данном предложении говорится о начале движения и о смерти, но нет никакого словосочетания, прямо выражающего то, где его убили. Исходя из всего контекста, мы

понимаем, что он был убит в дороге. Но при отсутствии некоторых частей, смысл предложения понимается с помощью значения остальных элементов.

Другой пример:

«شبی دعوتی بود در کوی من - ز هر جنس مردم، در آن انجمن»

— *shâbi dâ'âvâti bud dâr kouye mân- ze hâr jense târdom dâr an ânjomân.*

(Некогда ночью я устраивал у себя приём, где бывали люди разного класса общества)

В данном примере удалено определение «торжественный, великолепный» к слову «приём». В данном предложении нет слова, определяющего слово «прием». Говорится, что у кого-нибудь состоится прием, в нем разные люди из разных кругов, сословий, но не дается разъяснения, какой этот прием. Из общего смысла можно понять, что данный прием очень важный, и на него собираются люди из разных сообществ.

Ларошфуко в своих «Максимах» пишет: «Истинное красноречие состоит в том, чтобы сказать все, что необходимо; но сказать только то, что необходимо». Такое выражение касается именно лаконизма. Чтобы хорошо понять вышесказанное, достаточно сравнить два следующих предложения, тождественных по смыслу. А) *Дай мне есть.* Б) *Я весь день шла трудной дорогой, я устала, больна, голодна и так далее, мне нечего есть; дай мне хоть кусочек мяса.* (Риторика)

В обоих предложениях смысл в том, что кто-то голоден и просит есть. В первом предложении смысл выражен коротко и емко, во втором — много лишнего. Таджлил считает, что *ایجاز* представляет собой изложение мыслей при экономии слов. Это реализуется при том условии, когда данный способ не будет менять замысла (смысла?). [12, с. 35]

Одним из видов употребления краткости является метонимия. Метонимия — (греч. *metonymia* — переименование), вид *тропа*; перенос названия с предмета на предмет на основе их объективной близости [3], например:

— همه ی شهر می دانند *Весь город знает (hameye shâhr midanând)*

В данном предложении на русском языке, отсутствует слово «люди, жители», но в контексте понимается значение того слова и его отсутствие не чувствуется. Слово «город» вмещает в себя значение слова «жители»; *все жители города знают.* Данный принцип встречается и в примере на персидском языке; همه ی *hâmeye (весь), شهر shâhr (город), می دانند midanând (знают): в нём скрыто слово ساکنین sakenin (жители).*

По словам Раджаи *ایجاز*—iJaz — проявляется в том случае, если количество слов в предложении меньше

ожидаемого, но достаточно для передачи смысла [6, с. 193]. Правильная форма краткости обусловлена тем, что при устранении лишних слов, речь все-таки должна быть полной. Сравнением нижеуказанных примеров данный принцип раскрывается более подробно: А) *Гагарин вынашивал свою мечту в космос еще с саратовского клуба ДОСААФ.* Б) *Гагарин вынашивал свою мечту о полете в космос еще с саратовского клуба ДОСААФ* [17].

Из первого предложения удалена предложно-падежная конструкция «о полете», причем первое предложение короче второго, но такая неоправданная краткость стала причиной неполноты речи, вследствие чего смысл первого предложения не совсем понятен.

Б) ایجاز قصر: Ījaz-Qâsr:

ایجاز قصر ijaz-Qâsr (лаканизм Гаср) — такой вид краткости, который реализуется с помощью подбора ёмких слов, словосочетаний и предложений. Здесь смысл значительно больше количества слов. Умение выражать много значений немногими ёмкими словами.

«Разница между *ایجاز حذف* iJaz-hâzî и *ایجاز قصر* ijaz-Qâsr заключается в том, что в первой разновидности значение пропущенной части всем понятно, но во второй трудно с этим разобраться, она требует больше внимания и тщательного размышления. Следовательно, разделять границы между этими двумя видами лаконизма умеют лишь те, кто является специалистом по науке красноречия» [7, с. 491].

Примером для объяснения такой разновидности служит *تلمیح* talmih (талмих). По мнению Шамс Гейс. Рази, *تلمیح* talmih (талмих) представляет собой один из видов употребления *ایجاز قصر* Ījaz-Qâsr, с помощью которого малочисленным отбором слов передается множество значений [7, с. 491]. Как утверждает Джорджани, *تلمیح* talmih (талмих) означает: «В речи или тексте указывать на какое-нибудь событие или лицо, но только перечислять их, не раскрывая и не разъясняя подробно ту историю и личность человека» [7, с. 491].

Например:

— یوسفِ گم گشته باز آید به کنعان غم مخور

— کلبه ی احزان شود روزی گلستان غم مخور (حافظ)

— *Yousefe (josef) gom gâshhte baz ayâd be Kân'an ghâm tâkhor (Потерянный Юсуф возвратится в Кан'ан, не огорчайся!).*

— *Kolbeye âhzan shâved rouzi golestan ghâm tâkhor (дом, полон печали, становится раем, не огорчайся!).*

В этом стихе поэт, используя два слова, *یوسف* Yousef (Юсоф) и *کنعان* Kân'an (Кан'ан) указывает на какую-нибудь трагичную историю, которая произошла очень давно, но закончилась приятным и хорошим результатом.

¹ Юсуф (араб. یوسف — Йусу́ф) — исламский пророк, сын пророка Йакуба, отличавшийся необычайной красотой, а также обладавший способностью толковать сны. Истории его жизни посвящена 12-я сура Корана «Юсуф», состоящая из 111-ти аятов, в Коране упоминается 27 раз. Третье отношение отца к Юсуфу вызывало ревность и ненависть у его старших сыновей от другой жены, и, сговорившись, они решили убить его, но в последний момент передумали и сбросили Юсуфа в колодезь, чтобы проходящий мимо караван увез его далеко от дома. А отцу сказали, что его растерзал волк. Мальчика вытащили караванщики, которые направлялись в Египет, где и продали его одному из вельмож фараона за ничтожную цену. Он стал призывать людей к единобожию, а также растолковывал сны. Спустя много лет он возвращается в свой родной город, Кан'ан (کنعان). Материал взят из <http://ru.wikipedia.org>

Люди используют данный стих тогда, когда намерены утешить того, с кем случилось или случится что-нибудь неприятное, и хотят сообщить ему о хорошей новости в будущем — все наладится и изменится к лучшему. В данном примере ничего не сказано о событии или личности *يوسف* *Юософа*, и о том, что с ним случилось, но коротко указывают на них. В связи с чем это понятие доступно всем, кто слушает это, сразу же вспоминает о хорошем будущем, которое идет за тем или иным несчастьем.

Великий иранский поэт Саади придавал краткости большое значение. При рассмотрении двух нижеследующих изречений, выраженных им в его книге *گلستان* *Gulistan* (Гулистан — Розовый сад), ярко высвечивается его талант и способность к краткости:

— حکایت: پادشاهی پارسایی را دید، گفت: «هیچت از ما یاد آید؟»
«گفت: «بلی، وقتی که خدا را فراموش می کنم».

— *Padishahi parsae ra did, goft: «hichât âz ma yad ayâd?»*. *Goft: «bâli, vâghiti ke khoda ra fâramoush mikonâm»*. (Некий Шах спросил набожного: «Вспоминаешь ли меня?». — Ответил: «Да, когда Бога забываю!»).

Исходя из всего контекста вышесказанного примера, мы понимаем, что тот шах — не очень хороший человек, не верующий в Бога, угнетатель, бессовестный и никто его не любит, хотя такие выражения в составе переведенных реплик не существуют.

— حکایت: یکی از ملوک بی انصاف، پارسایی را پرسید: «از عبادتها کدام فاضل تر است؟» گفت: «تو را خواب نیمروز، تا در آن یک نفس خلق را نیازاری».

— *Yeki âz molouk-e bi ensaf parsae ra پرسید: «âz ebadatha kodam fazelât âst?»*. *Goft: «to ra khabe nim rouzi ta dâr an yek nâfâs khâlq ra nâyazari»*. (Один несправедливый помещик спросил у набожного: «Какое богослужение самое хорошее?». — Ответил: «Тебе — спать в полдень, чтобы ты не мог мучать других хоть в тот час»).

В данном примере речь не идет о личности и характере помещика. При том, что помещик спрашивает о богослужении, набожный иносказательно упрекает его. Набожный, не используя никаких слов, выражающих характер помещика, раскрывает так подробно нам его характер: он не любящий, несправедливый, угнетает и обижает других людей.

А. М. Горький писал: «В простоте слова самая великая мудрость, пословицы и песни всегда кратки, а ума и чувств вложено в них на целые книги» [9, с. 16]. Пословицы — устойчивые изречения, организованные грамматически и ритмически, запечатлевшие практический опыт народа, оценку действительности, выступающие в речи как самостоятельные суждения [13]. Используя пословицу «Белая ворона — *گاو پیشونی سفید* *gave pishuni sefid*», говорящий имеет в виду того, кто резко выделяется среди окружающих, отличается чем-нибудь, не похож на них [2, с. 79].

Краткость является одним из способов выразительности высказывания в области стихотворных произведений. Есть произведения, художественный мир которых трудно или почти невозможно наглядно представить себе:

«Умом Россию не понять
Аршином общим не измерить;
У неё особенная стать —

В Россию можно только верить» (Фёдор Иванович Тютчев)

В емкой лаконичной форме оно передает эмоциональное отношение поэта к родине. В нем скрыт ответ на известный вопрос об истоках патриотизма.

К краткости тоже относятся крылатые слова — устойчивые, афористические, обычно образные выражения, вошедшие во всеобщее употребление из определенного фольклорно-литературного, публицистического или научного источника либо на их основе (меткие изречения выдающихся общественных деятелей, цитаты из произведений художественной литературы и т.д.), получившие широкое распространение благодаря присущей им выразительности [5]: *У сильного всегда бессильный виноват*.

Так говорят, когда начальник незаслуженно отчитывает подчиненного или старший обижает младшего. Так начинается басня И. А. Крылова (1969—1844) «Волк и Ягненок» (1808).

Многие известные иранские и русские писатели, поэты в своей художественной деятельности уделяли особое внимание краткости. Например, знаменитый русский писатель Чехов пишет: «Краткость — сестра таланта. Умею коротко говорить о длинных вещах». Краткость проявляется и в выборе названий его рассказов. Чехов подбирая «говорящие» фамилии к своим произведениям, без всяких описаний раскрывал личность и характер героев своих рассказов, благодаря чему читатель сразу узнавал персонаж и его внутренний мир. В «Хамелеоне» говорится о человеке, который подобно ящерице мгновенно приспосабливается к окружающей среде. Но меняет он не окраску. Он кардинально меняет свое мнение, взгляды, решения [16]. Такое определение в персидском языке и употребляется именно в такой ситуации: *بو قلمون صفت: bughâlâmun sefât*.

Заключение:

Настоящая работа посвящена категории «краткость» в персидском языке. Под краткостью понимается краткое и сильное выражение мыслей. Излишние слова лишают речь эффективности. Следовательно, чтобы более выразительно говорить и писать, должно удалять излишние слова или словосочетания, значения которых передаются другими элементами в одном и том же предложении или контексте. На основе данной работы делается вывод, что как в персидском языке, так и в русском краткость бывает двух разновидностей, различающихся специфическими характеристиками.

В первой разновидности удаляются лишние слова, повторяющиеся уже существующее в предложении значение, а во второй, с помощью емкого и значительного слова передается определенный смысл, вследствие чего употребление нескольких слов, однозначных с данным словом — неуместно.

Следует сказать, что соблюдение краткости не всегда приятно и уместно, например, при выражении эмоциональных высказываний нельзя передать чувства в двух

словах. Многие лингвисты рассматривали категорию «краткости» и все единогласны в следующем: *ایجاز* — краткость благоприятна в выражении благодарности, приказа, упрека, передачи опыта.

Литература:

1. Абд Аль-Азиз Атик. Фи аль-баляга аль-арабийя, ильм аль-маани. Дар ан-нахда. Бейрут, 1973. 350с.
2. Баба-заде Д. Г. русская фразеология в иранской аудитории. Тегеран: организация изучения и создания учебных книг по гуманитарным наукам, 1388.
3. Литература и язык. Современная иллюстрированная энциклопедия. — М.: Росмэн. Под редакцией проф. Горкина А. П. 2006.
4. Матвеева Т. В. Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика. — М., 2003
5. Педагогическое речеведение. Словарь-справочник. — М.: Флинта, Наука. Под ред. Т. А. Ладыженской и А. К. Михальской. 1998.
6. Раджаи Муххамед-Халил. О науке о значении, о тропах и о красноречии, стилистических фигурах. Шираз: Университет Шираз, 1359.
7. Рэза-нэжад Голамхусейн. Принципы стилистики персидского языка. Тегеран: Ал-Захра, 1368.
8. *Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка.* — Чудинов А. Н., 1910.
9. Соболев А. И. Русские пословицы и поговорки/ науч. ред. и авт. предисл. Ф. М. Селиванов. М.: Сов. Россия, 1983. 304 с.
10. Современная иллюстрированная энциклопедия. Под ред. П. А. Николаева, М. В. Строганова
11. Стариченок В. Д. Большой лингвистический словарь. Ростов н/Д.: Феникс, 2008. 811 с.
12. Таджлил Джалал. Наука о значении и тропах. Тегеран: центр университетских изданий: тегеранский университет, 1362.
13. Термины и понятия лингвистики: Лексика. Лексикология. Фразеология. Лексикография: Словарь-справочник. — Назрань: ООО «Пилигрим». Т. В. Жеребило. 2011.
14. Хоммаи Джалал. Стилистика и поэтика. Тегеран: Хома, 1368.
15. Шамиса Сирус. Наука о тропах. Тегеран: Фердос, 1371.
16. <http://lib2.podelise.ru>
17. <http://rudocs.exdat.com>
18. <http://ru.wikipedia.org>

Абсолютные синонимы в диалектах русского и персидского языков в сопоставлении

Голандам Араш Карим, аспирант;
Голами Хосейн, профессор
Тегеранский университет (Иран)

Несмотря на многочисленные исследования, посвященные синонимам в русском и персидском языках, абсолютные синонимы не нашли достойного внимания. Многие филологи считают, что в обоих языках они составляют незначительную группу слов и даже не считают их синонимами. Но если проанализировать язык в синхронном отрезке времени, то можно столкнуться с многочисленными примерами абсолютной синонимии. Абсолютная синонимия, по мнению авторов статьи, — один из видов обогащения языка. При контакте языков, внутриязыковых изменениях, а также влиянии экстралингвистических факторов появляются абсолютные синонимы. В данной статье рассматривается вопрос абсолютных синонимов в диалектах и говорах русского и персидского языков. Сопоставляются слова из говоров с общепринятым литературным языком в русском и персидском языках.

Ключевые слова: диалект, абсолютные синонимы, русский язык, персидский язык.

Синхронный подход к изучению абсолютной синонимии в русском и персидском языках дает возможность исследовать многочисленные примеры абсолютной синонимии, которые ещё не утвердились в литературном

языке. Конечно нельзя отрицать тот факт, что при существовании разных говоров и диалектов одного языка на большой территории, можно встретить слова с абсолютно одинаковыми значениями. Это явления можно ис-

следовать в диалектах, в процессе заимствования из иностранных языков или в других языковых и внеязыковых явлениях. При образовании абсолютной синонимии, на язык могут повлиять не только диалекты, которые объединяют группы людей по местности, но и такие социальные факторы, как возраст, социальный статус, принадлежность к особой группе и т.п.

Абсолютными синонимами чаще всего бывают параллельные научные термины, например: орфография — правописание, номинативная — назывная, фрикативный — щелевой, а также однокорневые слова, образованные с помощью синонимических аффиксов как: убогость — убожество, сторожить — стеречь. Также абсолютные синонимы можно встретить и в других сферах языка, разговорной, публицистической, художественной и т.п., которые обычно появляются в итоге заимствования из других языков или влияния диалектов. Остановимся на последнем и более подробно рассмотрим абсолютные синонимы в диалектах русского и персидского языков.

Диалект (от греч. *dialektos* “говор, наречие, разговор”). Разновидность языка (разговорный вариант данного языка), употребляемая сравнительно ограниченным числом людей, связанных общностью территориальной, социальной, профессиональной. Все современные языки на разных территориях своего распространения представлены местными диалектами, отражающими древнюю разобщенность населения разных областей. В наше время происходит разложение, деформация, нивелировка диалектов, приближение их к нормам литературного языка. Различают:

1. Диалект территориальный. Диалект местный, областной. Распространен в определенной местности. Территориальный вариант национального языка.

2. Диалект социальный. Диалект отдельной социальной группы (подразумеваются профессиональные и разного рода специальные языки: язык охотников, язык офеней).

Диалект всегда представляет собой часть целого, т.е. входит в состав более обширного языкового образования и поэтому бывает противопоставлен еще хотя бы одному диалекту. Диалекты объединяются в более крупные. Диалектизмы — это особенности диалектов, говоров, не соответствующие нормам литературного языка.

В настоящей статье авторы исследуют вопрос абсолютных синонимов в территориальных диалектах в сопоставлении с общепринятым литературным языком в русском и персидском языках. Как в русском, так и в персидском языке можно насчитать большое количество диалектов и говоров разных областей и регионов.

В речи людей могут отражаться фонетические, словообразовательные, грамматические особенности диалекта, но для лексикологии наиболее важны диалектизмы, связанные с функционированием слов как лексических единиц — лексические диалектизмы, которые бывают нескольких видов [5, с. 49]. К диалектизмам относятся

слова, употребляемые в определенной местности, но имеющие в литературном языке слова с тем же значением. К примеру, в русском языке: *дюже* — *очень*, *качка* — *утка*, *баской* — *красивый* или в персидском *dim* (мазендаран) — *čehreh* (лицо), *gat* (мазендаран) — *bozorg* (большой), *bâmeši* (мазендаран) — *gorbe* (кот). Диалектизмы находятся вне литературного языка, но могут быть использованы в художественной литературе для создания местного колорита, для речевой характеристики персонажей. Диалектизмы фиксируются в специальных словарях различных говоров, наиболее употребительные из них могут быть отражены в толковом словаре с пометой «областное» [5, с. 49]. Литературный язык является частью общенародного языка, включающего также диалекты, профессиональную лексику, жаргон, городское просторечие [5, с. 9].

Как указывает в своей статье Лагутина, абсолютную синонимию можно наблюдать в пределах одного диалекта. К примеру, в одном украинском говоре Одесской области для названия личинки майского жука — хруща в качестве абсолютных синонимов, имеющих даже одинаковое переносное значение, употребляются слова *борозняк* и *заборозняк* [4, с. 118.]. Такой же пример можно привести из гилианского диалекта, где для названия *zanbur* (пчела) употребляются слова *siftâl* и *garzak* или для слова *bozorg* (большой) употребляются слова *pîl* и *pîa*.

Л.В. Щерба полагал, что «почвой для повторяющихся имеющихся в языке понятий заимствований чаще всего бывает существование аналогичного или однокорневого слова в диалектах данного языка или его наличие в исторических пластах лексики данного языка» [3, с. 22]. Аналогичным является и положение двух или нескольких диалектизмов, пришедших в литературный язык: их диалектное происхождение может ощущаться неодинаково, и в то время как одно еще считается диалектизмом, второе уже полностью стало литературным, однако на определенном отрезке времени они оба могут стать равноправными компонентами литературного языка. [4, с. 120.]

Место абсолютных синонимов, занимаемое ими в языке науки, во многом напоминает положение абсолютной синонимии вообще в литературном языке. Действительно, в результате контакта языка с другими языками, в результате взаимодействия диалектов и т.п., лексический состав любого языка пополняется парными словами для определения одного предмета или явления, отличающимися лишь своим звуковым составом. Такое своеобразное положение абсолютных синонимов приводит к тому, что язык различными путями стремится избавиться от абсолютной синонимии. Поэтому в языке, рассматриваемом в синхроническом плане, только определенная часть синонимов, кажущихся абсолютными, может восприниматься лексикографами без попытки оценить характер связи между ними, т.е. без учета возможных изменений в плане диахроническом. Руководствуясь определенными, научно обоснованными прин-

ципами, необходимо высказывать свои рекомендации в отношении использования той или иной группы равнозначных слов, в отношении тенденций их дальнейшего развития. Новейшие словари русского языка, на наш взгляд, поступают, в основном последовательно, проводя строгий отбор абсолютных синонимов. Однако подвижность границ абсолютной синонимии, специфическое положение в лексике литературного языка еще не дают авторитетных оснований для того, чтобы определять это явление как вредное или нежелательное. Это одно из многочисленных языковых явлений, характеризующихся диалектичностью лексических взаимоотношений, имеющее свои положительные и отрицательные стороны [4, с. 123–124].

Параллельно с русским литературным в России существует еще один язык, состоящий из сотен разновидностей, — русский диалектный. Так же можно сказать и о персидском языке, который содержит много разных говоров и диалектов. Диалекты и говоры, по мнению Мухаммед Садег Кия, который считается отцом диалектологии персидского языка, могут в свою очередь обогащать и пополнять общий литературный язык. Лексический фонд диалектов разных районов и областей также может быть применен при подборе новых слов вместо заимствованных из иностранных языков [7, с. 9]. В качестве наглядного примера вхождения диалектных примеров в общелитературный язык можно указать сказку о Пиннокио или Буратино в Италии. До образования общепринятого литературного языка, в Италии существовало много разных диалектов и говоров. В процессе образования литературного языка, лексический состав этой сказки был признан примером для создания и формирования общепринятого литературного языка в Италии.

Наблюдения показывают, что в настоящее время заимствования новых интернационализмов, или слов из языков далеких или не родственных, имеет большое практическое значение в основном для языка науки, в то время как лексическое взаимодействие близкородственных языков, ведущее, в частности, и к образованию абсолютных синонимов, распространяется на все сферы литературного языка. Источником появления в литературном языке абсолютных синонимов могут служить и местные диалекты данного языка (ср. укр. *голишка* — *гомыка* «*голень*», *чорногуз* — *лелека* «*аист*») [4, с. 119].

Абсолютные синонимы в говоре нельзя рассматривать только как результат спонтанного развития лексической системы говора, как результат реализации его потенциальных возможностей, их возникновение обуславливается, главным образом, экстралингвистическими факторами. Параметры социальной (внеязыковой) действительности, обуславливающие изменения в языке как глобального, так и более частного характера. Глобальное действие экстралингвистических факторов ведет к изменениям, затрагивающим всю или значительную часть языковой подсистемы. Такие события, как принятие ре-

шений о создании письменности для ранее бесписьменного языка, законодательная и материальная поддержка функционирования языка в определенных сферах, обуславливают возникновение новых форм существования данного языка (литературный язык), возникновение новых функциональных стилей, сопровождающихся изменениями в лексике (пополнение словаря, развитие семантической структуры слов, изменения валентности слов и др.), в синтаксисе, стилистике. Примером воздействия более частных экстралингвистических факторов является развитие новых жанров, стилистических направлений в литературе, обуславливающих возникновение новых единиц в терминологии литературоведения (концептуалисты, маньеризм). К экстралингвистическим факторам относятся демографические параметры (численность населения, говорящего на том или ином языке, способ расселения, возрастная дифференциация носителей языка и др.), социальная структура общества, культурно-языковые особенности (наличие письменных традиций, культурно обусловленные языковые контакты) и др. Социально-культурный фактор возникновения абсолютной синонимии заключается в том, что в определенной подсистеме языка, как правило, диалектной, наличествуют лексемы с идентичным содержанием лексеме — литературному варианту. Исследования Лагутиной, 1967; Коготковой, 1975; Трубаевой, 1998 свидетельствуют о том, что в диалектах достаточно часто встречаются лексемы с идентичным содержанием. Например: *огоньки* (сиб.) / *жарки* (урал.), *рогач/ухват*, *кочет/пивень*.

По мнению диалектолога профессора Л. Л. Касаткина, синонимия — это не только лексика. Синонимия может быть и в грамматике, и в фонетике. Каждый диалект — это строгая и стройная система, существующая на всех уровнях языка. Кроме оканья-аканья диалектологи выделяют 294 признака диалектной речи. К примеру, форма родительного падежа единственного числа существительных 1-го склонения с ударным окончанием. Москвич скажет «у жены», «у сестры». А носители юго-западных говоров — «у жене», «у сестре». Например, красная смородина в разных диалектах России. В русских говорах Карелии эта ягода называется сестрянка или сестреница, в говорах Владимирской области — жостыль, в архангельских — кислица, в псковских — киселка, в новгородских — княжиха, в смоленских — поречка [6].

Для русского языка можно привести следующие примеры, которые были взяты из форума «Городские диалекты», созданного для поддержки словарного проекта «Языки русских городов». В русском языке слово *вьетнамки* это сандалии с «разделителем» между пальцами... «*сланцы*» и «*шлепки*» — диалектические абсолютные синонимы. Слова *поднос* и *разнос* употребляются в диалектах русского языка. В разных областях России, например, в некоторых районах Владимирской, Костромской, Ивановской, Нижегородской областях, а также в Сибири употребляется слово *разнос*. На сегодняшний

день надо сказать, что слово *разнос* — типичный абсолютный синоним слова *поднос* в некоторых региональных говорах. Булкой в Петербурге называют белый хлеб практически любых форм. Если речь идет о нарезанном ломтиками «белом кирпичике», то тут снова речь может вестись о «булке». Другие формы белого хлеба: круглой формы, батоны, багеты, калачи, сайки, крупные рогалики и т.д., и даже лаваш — всё это будет называться булка. Или булочка, если речь идет о чём-то маленьком или сдобном. Т. е. для петербуржца слово булка это, прежде всего, «белый» пшеничный хлеб. А для москвича или, возможно, жителя остальной России булка — это форма хлеба. Что-то вроде синонима слов батон, буханка или просто обозначение единицы хлебобулочной продукции. В Петербурге слово хлеб, без дополнительных уточнений вида: «белый», «диабетический», «пряничный», будет однозначно ассоциироваться с черным (или серым, если вам угодно) хлебом. Обычное для харьковчанина слово «лейка» (для заливания жидкости в емкость) в других областях России называется «воронка». Конечно, все приведенные примеры могут зависеть от района или населения передвижного характера и на сто процентов не покрывают указанный район проживания.

Диалектолог Мухаммед Садег Кия насчитывает в персидском языке более 67 говоров. В диалектах персидского языка, так же, как и в русском языке, наблюдается богатство многочисленных примеров синонимии. Слово мейдан в значении *площадь* во многих диалектах персидского языка заменяется словом фалаке. Например, в мешхедском диалекте слово чури (мешхед) приводится как абсолютный синоним слову ангур в значении виноград. Слово пуз (мешхед) в значении *рот* считается абсолютным синонимом дахан. Слова *ši riueg* (мазендаран) *хосур* (мешхед), *m gd* рег (гилян) в приведенных говорах считаются абсолютными синонимами слова педар шохар в значении *свёкор* в персидском литературном языке. Слово *отец* в мазендаранском и гилянском говорах имеет следующие абсолютные синонимы: *riueg* (мазендаран), *rieg* (гилян)

слову педар. Приведем несколько других примеров из мазендаранского, гилянского и мешхедского диалектов *durī* (мазендаран) — бошгаб (тарелка), *tās* (мазендаран) — касе (чаша), *miškā* (мазендаран) — гонджишк (воробей), *æqiz* (мазендаран,) — герду (арех), *kerk* (мазендаран,) — морг (курица), *vaše* (мазендаран) — кудак, баче (дитя), *лемашт* (мешхед) — касиф (грязный), *кагазбад* (мешхед) — *бадбадак* (воздушный змей), *хамсиде* (мешхед) — *хамсайе* (сосед), *хамзолф* (мешхед) — *баджанах* (шурин), *zāu* (гилян) — кудак, баче (дитя). Также можно встретить абсолютные синонимы в гилянском диалекте, такие как *maljā*, *čičini* в значении *воробей*, *kārāš=kereš* в значении *тянут за собой*, или в мазендаранском диалекте *pesum/sāupe* в значении *тень*, *rikā/peseg* в значении *мальчик* или *kijā/deter* в значении *девочка*.

Из приведенного исследования диалектов и говоров русского и персидского языков, можно сделать следующие выводы: в обоих языках существует большое количество диалектов и говоров разных областей. Приведенные слова из разных диалектов служат в качестве абсолютных синонимов, и потенциально могут войти в общепринятый литературный язык каждого из языков. Также следует отметить, что тождественные слова в диалектах могут потенциально служить как абсолютными синонимами и играть важную роль в процессе подбора новых слов в литературный язык вместо слов, заимствованных из иностранных языков. Абсолютные синонимы в говоре нельзя рассматривать как результат спонтанного развития лексической системы говора, как результат реализации его потенциальных возможностей, их возникновение обуславливается, главным образом, экстралингвистическими факторами. Слова из диалекта или говора могут со временем войти и в состав литературного языка. Сегодня, с развитием технологии и средств массовой информации, диалекты и говоры вытесняются заимствованными словами и составом общелитературного языка, но с другой стороны слова из разных говоров и диалектов могут войти и в литературный язык и обогатить его.

Литература:

1. Ахмад Мараша. Словарь гилянского диалекта. — Решт: Таати, 2003.
2. Бехруз Махмуди Бахтияри. Словарь слов Табари. — Тегеран: Эхя кетаб, 2002.
3. Л. В. Щерба. Современный русский литературный язык. «Русск. яз. в школе», 1939, № 4, стр. 22.
4. Лагутина, А. В. Абсолютные синонимы в синонимической системе язы-ка // Лексическая синонимия. — М.: Наука, 1967. — с. 115–147.
5. Литневская, Е. И. Русский язык. Краткий теоретический курс для школьников. — М.: МГУ; 2006, 240 стр.
6. Л. Л. Касаткин. Русская диалектология — М.: Издательский центр «Академия», 2005.
7. Мухамед Садег Кия. Словарь шести десяти семи говоров персидского языка. — Тегеран исследовательский центр гуманитарных наук и творчества 2011
8. Щерба, Л. В. Языковая система и языковая деятельность / Л. В. Щерба. — Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1974—428 с.
9. <http://forum.lingvo.ru/actualtopics.aspx?bid=26>
10. <http://anjoman.tebyan.net/newindex.aspx?pid=17257&threadid=373219>

Концепции перевода в контексте современных лингвистических исследований

Гуреева Людмила Викторовна, преподаватель;

Козьмина Наталия Анатолиевна, старший преподаватель

Национальный технический университет Украины «Киевский политехнический институт»

На данный момент процесс и механизмы перевода полностью не исследованы и не раскрыты. Они представляют собой своеобразный «черный ящик» для большинства ученых, расшифровка записей которого могла бы помочь современной лингвистике в исследовании и понимании механизмов формирования речи и языка, что в свою очередь, может привести к новым горизонтам в современных исследованиях.

Язык является универсальной системой представления и хранения знаний в письменной и устной формах. Язык — это средство общения. Речь — процесс общения с помощью языка. Благодаря речевому общению формируется способность к речевой деятельности. Речевая деятельность представляет собой совокупность психофизиологических действий человека, направленных на восприятие и понимание речи или воспроизведение его в письменной или устной форме. Щерба Л. В. [1] выделил три аспекта языковых явлений и их соотношение: языка, речевой деятельности и речи. Эти три понятия являются взаимосвязанными, и это свидетельствует о единстве языка и речи. В общем, речь можно разделить на устную и письменную. Устная речь возникает спонтанно в процессе естественного общения и реализуется с помощью звуковых средств. Письменная речь является фиксацией устной речи и выражается системой графических символов. Письменная речь не усваивается спонтанно, человека необходимо целенаправленно обучать этой системе. По мнению Выготского Л. С. [2], письменная речь является языком в представлении. Для того, чтобы им овладеть, надо распознавать элементы в графическом виде. Письменная речь не представляет собой перевод устной речи в письменные знаки, а устная речь не является усвоением системы письма. Письменная речь для своего развития требует абстракцию. Таким образом, устная и письменная речь можно представить, как два уровня в пределах лингвистической и психофизиологической структуры речевой деятельности.

Предмет речевой деятельности — это мысль, а средство ее выражения — система языка с фонетическими, лексическими и грамматическими средствами. Чтобы осуществлять речевую деятельность, необходимо овладеть отдельными речевыми действиями. То есть, действия являются единицами речевой деятельности. Навыки речи формируются в процессе выполнения речевых действий, а речевые умения в процессе выполнения определенного вида речевой деятельности. Навыки, умения и знания формируются одновременно при выполнении действий. Способность человека практически пользоваться системой языка (фонетика, лексика, грамматика, техника чтения и письма) называется языковой компетен-

цией, а умение целесообразно и соответствующим способом пользоваться языком в определенных ситуациях — речевой компетенцией [3].

Навыки речи должны быть доведены «до оптимального уровня совершенства» [3]. Для того, чтобы достичь уровня навыков, речевое действие должно приобрести такие качества как автоматизированность, устойчивость, гибкость, отсутствие направленности сознания на форму выполнения, отсутствие напряжения и быстрой утомляемости [4].

То есть, в процессе речевой деятельности формируются такие умения: говорить, читать, писать, и умение воспринимать на слух. Умение переводить является сложным производным вышеупомянутых умений. Николаева С. Ю. [4] разделяет умения на следующие виды навыков:

Продуктивные умения — говорение и письмо — основываются на репродуктивных навыках: грамматических (т.е. навыков выбора морфологического и синтаксического оформления единицы устной или письменной речи); лексических (навыков выбора, сообщения и реализации лексической единицы в устной и письменной речи); произносимых навыков говорения (то есть навыков артикуляции и интонирования); графических и орфографических навыков письма (навыков графического изображения речи и правописания по правилам орфографии).

Рецептивные умения — аудирование и чтение — основываются на рецептивных навыках: грамматических (навыков распознавания грамматических и прогнозирования синтаксических структур устной или письменной речи), лексических, то есть навыков распознавания звуковых или графических образов лексических единиц и их непосредственного понимания), слуховых (навыков восприятия и распознавания звуков, звукосочетаний, интонации в устной речи), перцептивных (т.е. навыков восприятия и распознавания букв, буквосочетаний, знаков препинания в письменной речи) [4].

Методисты и психологи относят проблему навыков и их формирования к числу наиболее важных навыков для теории и практики перевода. Главную роль в овладении языком играют не знание определенных слов и грамматических конструкций, а уровень развития умений и навыков устной и письменной речи. Формирование умений и навыков является основой процесса обучения переводу [5].

Перевод — это сложный многосторонний и многоаспектный вид речевой деятельности человека, который включает в себя аудирование и говорение (устный перевод), чтение и письмо (письменный перевод). Итак, естественно, что перевод стал объектом изучения не одной, а многих наук. Изучением перевода занимается литературоведение, которое исследует перевод художе-

ственной литературы. Психофизический аспект перевода, который происходит в голове переводчика в момент выполнения перевода, является предметом изучения в психолингвистике. Попытки автоматизации перевода входят в компетенцию таких наук как кибернетика, теория информации и прикладная математика. Методика преподавания иностранных языков рассматривает практический аспект перевода в целях обучения иностранным языкам [6].

Письменный перевод требует навыков чтения и письма. Среди речевых умений чтения можно выделить умение отделять в тексте основную информацию, умение прогнозировать его содержание, умение понимать важную информацию опираясь на контекст, и умение обращать внимание только на существенный для перевода материал, или не обращать внимание на неизвестный языковой материал. Считается, что формирование компетентности в чтении зависит от сформированности интеллектуальных умений студента, таких как прогнозирование, анализ прочитанного, сочетание логической и смысловой деятельности, классификация и систематизация приобретенной информации. Важную роль играют учебные и организационные умения. Также значительную роль играют компенсационные умения чтения, такие как использование языковой и контекстуальной догадок для понимания прочитанного, игнорирование неизвестного языкового материала, который не является важным для понимания [3].

Уровень сформированности речевых навыков влияет на развитие умений чтения. Сюда входят навыки техники чтения, лексические навыки и грамматические навыки. Психофизиологические механизмы чтения включают в себя зрительное восприятие, внутреннее проговаривание, сегментирование текста, оперативную память, антиципацию, долговременную память, осмысления [4].

Психологи выделяют несколько слоев понимания иноязычных текстов: понимание фрагментов, понимание главной идеи, полноценное понимание и критическое понимание.

Среди умений письма, то есть умений выражать мысли в письменной форме, выделяют умение строить логические тексты, стилистические умения, умение оформлять письменные тексты в соответствии с типом и жанра, умение кратко передавать идею оригинала [4].

Речевые навыки письма делятся на технические — графические и орфографические, и речевые — лексические, грамматические и навыки понимания.

Навыки письма формируются на базе декларативных знаний (правила орфографии и синтаксиса, лингвистические) и процедурных знаний (внеязыковых, языковых и речевых стандартов написания текстов, знание о том, как планировать, производить и исправлять письменное высказывание и т.п.). Навыки письма имеют такие качества как целеустремленность, производительность, самостоятельность, динамичность и интегрированность [4].

На формирование навыков письма влияет ряд факторов:

- психологические факторы;
- психолингвистических факторы;
- лингвистические факторы;
- социолингвистические факторы.

Иноязычная речевая компетентность в письме охватывает три основных этапа: восприятие, восприятие и воспроизведение, продуцирование. На первом этапе восприятия происходит чтение оригинального текста и его анализ. На втором этапе студенты учатся отдельным действиям, необходимым для создания нового текста. А на третьем этапе происходит продуцирование собственного текста [3].

Текст может быть в устной, письменной форме или даже в форме мысли. Текст является целью, объектом и результатом перевода. Текст представляет собой речевое произведение, помогает осуществлять вербальную коммуникацию. Текст состоит из высказываний, которые создает говорящий, отбирая языковые единицы и сочетая их грамматическими правилами данного языка в соответствии со своими коммуникативными намерениями. Построение и понимание высказывания базируется как на лингвистических, так и на экстралингвистических факторах. Но текст — это не просто набор отдельных высказываний. Текст представляет собой сложное структурное и содержательное целое. Его коммуникативный потенциал значительно больше, чем совокупное содержание его отдельных высказываний. Переводчик должен воспринимать такую целостность оригинального текста и обеспечивать целостность текста перевода, который он создает. В ряде современных концепций перевода переводчик рассматривается, в первую очередь, как создатель текста на языке перевода [5].

Задачей перевода является передача содержания текста оригинала. В идеале переводчик должен стремиться к воссозданию всего глобального содержания этого текста (поэтому в теоретических исследованиях по переводу часто отмечается, что переводить следует не просто текст оригинала, а текст и контекст). Мы видим, что глобальное содержание состоит из выраженного смысла и смысловых компонентов, которые автор оригинала имеет в виду. Из тех же элементов состоит и общий смысл текста перевода. Итак, оптимальным решением задачи должно стать точное воспроизведение в переводе языкового содержания оригинала, чтобы рецепторы перевода могли на его основе вывести конкретно контекстуальный и имплицитный смысл самостоятельно. Однако, это вызывает определенные трудности [6].

Прежде всего, известно, что языковой смысл оригинала почти никогда не воспроизводит в переводе в полном объеме, и достичь здесь полного соответствия практически невозможно. Фактическая близость содержания текстов оригинала и перевода достигается на разных уровнях эквивалентности с потерей отдельных смысловых элементов. Даже внутри одного языка языковой смысл высказывания может варьироваться в разной степени.

Говоря о переводе, обычно речь идет либо о процессе создания текста перевода (процесс), либо о результате такого процесса (текст перевода). В начале развития лингвистической теории перевода большинство ученых считали, что именно процесс перевода должен стать главным предметом исследования этой научной дисциплины [2, 12]. Позже перевод рассматривался в широких рамках межъязыковой коммуникации, и в сферу интересов переводоведения объединили не только результат и процесс перевода, но и всех участников коммуникации, и все факторы, которые влияют на процесс и результат перевода. До сих пор раскрытие механизма перевода, описание действий переводчика, его стратегии и тактики представляют собой значительный интерес как для теории, так и для практики [7].

Изучение механизма перевода осложняется тем фактом, что он представляет собой результат умственных процессов, которые недоступны для фактического наблюдения. Исследователю приходится использовать различные косвенные средства, чтобы увидеть, что происходит в голове переводчика. Представляется очевидным, что в процессе перевода можно выделить определенные этапы, которые могут идти одновременно или следовать один за другим. Безусловно, в переводе есть два этапа: этап понимания и этапа перевода, воспроизведение текста на другом языке. Некоторые из авторов предлагают выделять также третий этап редактирования, этап конечной шлифовки перевода [6]. Поскольку психологи и лингвисты давно исследуют процессы понимания и создания текстов, переводоведение может использовать данные этих наук, предполагая, что такие процессы, происходящие в голове у переводчика, не могут принципиально отличаться от процессов, происходящих в голове у других, «нормальных» людей. И, действительно, подавляющее большинство переводоведческих концепций базируются на наших знаниях того, как люди понимают и создают тексты. Вместе с тем исследования помогают отделить и некоторые особенности коммуникативного поведения переводчика. Как правило, переводчик должен понимать текст, с которым он работает, более глубоко, чем это делает «обычно» читатель, для которого язык оригинала является родным. Эта дополнительная «глубина» понимания возникает из-за необходимости делать окончательные выводы о содержании текста, а также учитывать требования языка перевода [8]. Переводчик в значительной мере действует интуитивно и нередко не может объяснить, и логично обосновать, почему он поступает так, а не иначе.

Как правило, для изучения переводческого процесса используют теоретические модели перевода и различные типы трансформаций, с помощью которых можно переходить от отрывка текста оригинала к отрывку текста перевода. Модель перевода представляет собой вероятное воспроизведение процесса перевода, которое основывается на попытке проецировать определенные общие идеи языкознания или психологии на перевод. Модель явля-

ется гипотетической, поскольку, как мы уже отмечали, непосредственно наблюдать за переводческим процессом, который происходит в голове переводчика, невозможно и нет никакой уверенности в том, что переводчик действительно действует так, как предусмотрено той или иной моделью. Однако, это не означает, что модели перевода являются чисто теоретическими структурами. Как и в случаях, когда ученый имеет дело с процессом, который невозможно наблюдать («черный ящик»), реальность модели проверяют путем сравнения материала «на входе» и «на выходе». Если мы говорим о переводе, это означает сравнение текстов оригинала и перевода. В случае, когда результат перевода представляется таким, каким должен был выйти в соответствии с ожиданиями по этой модели, можно утверждать, что модель «работает», хотя это вовсе не свидетельствует о том, что переводчик сознательно использовал именно эту модель [8].

В настоящее время в теории перевода существует несколько таких моделей. Наиболее распространенные из них — ситуативная, трансформационная и семантическая модели [9].

Ситуативная модель рассматривает процесс перевода учитывая лингвистические концепции о связи языка и реальности. Ситуативная модель перевода базируется на том факте, что любую ситуацию можно описать средствами любого языка. Если в языке нет названия для определенных реалий, все равно есть возможность создать новые единицы в этом языке, или описать такие элементы сочетая уже существующие единицы. Исходя из этого, предполагается, что процесс перевода осуществляется следующим образом. Переводчик, прочитав и поняв смысл оригинала, определяет ситуацию, которая в нем описывается, а затем описывает эту ситуацию средствами языка перевода [9, 10].

Трансформационная модель перевода пытается объяснить, каким образом выбираются синтаксические структуры в переводе. Она основывается на принципах трансформационной грамматики, предполагает существование в языке рядов связанных между собой синтаксических структур. В таких трансформационных рядах отделяют ядерные структуры, в которых связи между элементами структуры наиболее понятны и просты, и трансформы (производные структуры), которые выводятся из ядерных структур согласно определенным трансформационным правилам. Трансформационная модель рассматривает процесс перевода как ряд последовательных трансформаций в двух языках, предполагая, что ядерные структуры в разных языках похожи гораздо больше, чем производные структуры. Согласно этой модели, в переводе выделяют три этапа. Сначала производная структура в оригинале сводится к ядерной структуре исходного языка. На втором этапе осуществляется переход от ядерной структуры языка оригинала к соответствующей ядерной структуре языка перевода. На третьем этапе ядерная структура в языке перевода превращается в производную согласно нормам этого языка [9, 10].

Трансформационная модель, которая устанавливает соответствия только между синтаксическими структурами оригинала и перевода, полностью не раскрывает процесс перевода и не претендует на детальное описание переводческого процесса. В определенной степени она может быть дополнена семантической моделью, которая представляет переводческий процесс как идентификацию и сохранение основных сем оригинала. Эта модель пытается распространить на перевод процедуру компонентного анализа, которая применяется в лингвистике. Это позволяет разбивать значение единиц языка на более простые элементарные смыслы — семы, и такие значения рассматриваются как набор таких сем. Допускается, что переводческий процесс осуществляется в два этапа. Сначала переводчик определяет семный состав отрывка оригинала и решает, какие из сем важны для коммуникации и какие необходимо передать в переводе. На втором этапе в языке перевода отбираются единицы, в значения которых входят как можно больше сем оригинала, в первую очередь, релевантных. Количество общих сем определяет степень приближения перевода к оригиналу [9, 10].

Для объяснения механизма перевода можно использовать положения психолингвистики о структуре речевой деятельности. Так же, как и в любом виде человеческой деятельности, в речевой деятельности можно выделить несколько этапов. Сначала возникает мотив, который побуждает к действию, дальше возникает цель, которую надо достичь для удовлетворения мотива с помощью речевого произведения, затем внутренняя программа будущего высказывания, построение высказывания во внутренней речи и его вербализация в устной или письменной речи [8]. Теория перевода уделяет особое значение данным психолингвистических исследований, свидетельствующие о том, что внутренняя программа формирования речи функционирует не на базе естественного языка, а на индивидуальном предметно-образном коде человека. [11].

Сама проблема процесса перевода представляет собой интереснейшее поле для исследований, поскольку лежит на пересечении многих наук, и ее решение является необходимой составляющей современных исследований в сфере создания искусственного интеллекта и естественной обработки языка.

Литература:

1. Щерба, Л. В. Языковая система и речевая деятельность. — Изд. 2-е, стереотипное. М.: Едиториал УРСС, 2004. — 432 с.
2. Выготский, Л. С. Мышление и речь. — Собр. соч.: В 6 т. М.: Педагогика, 1982. Т. 2. с. 5—361
3. Зимняя, И. А. Психология обучения иностранным языкам в школе. — М.: Просвещение, 1991. 220 с.
4. Николаева, С. Ю. Методика навчання іноземних мов і культур: теорія і практика: підручник для студ. лінгв. ун-тів і фак. ін. мов вищ. навч. закладів / Бігич О. Б., Бориско Н. Ф., Борецька Г. Е. та ін. / під загальн. ред. С. Ю. Ніколаєвої. — К.: Ленвіт, 2013. — 590 с.
5. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. 5-е изд., стереотип. — М.: КомКнига, 2007. — 144 с.
6. Швейцер, А. Д. Перевод и лингвистика. — М.: Воениздат, 1973. — 280 с.
7. Виноградов, В. А. Реформатский А. А. Р 45 Введение в языковедение / Под ред. В. А. Виноградова. — М.: Аспект Пресс, 1996. — 536 с.
8. Леонтьев, А. А. Основы психолингвистики. М.: Смысл, Академия, 1999. — 288 с.
9. Бархударов, Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). — М.: Междунар. отношения, 1975. — 240 с.
10. Комиссаров, В. Н. Современное переводоведение. Учебное пособие. — М.: ЭТС. — 2002. — 424 с.
11. Коптілов, В. В. Теорія і практика перекладу: Навч. посібник для студентів. — Київ: Юніверс, 2003. — 280 с.
12. Чебурашкін, Н. Д. Технічний переклад у школі: Підручник техн. перекл. для учнів IX — X кл. шкіл з викладанням ряду предметів англ. мов. / Під ред. Б. Е. Беліцко. — 4-е вид. — М.: Просвещение, 1983. — 255 с.

Сравнительный анализ сетевой терминологии в русском языке

Денико Роман Викторович, аспирант

Национальный исследовательский Томский политехнический университет

В современном мире информация становится одним из наиболее востребованных ресурсов. Согласно оценкам экспертов на момент 2006 года количество технической информации удваивалось каждый год. В 2015—

2016 годах этот же процесс будет занимать 72 часа. Одной из причин данной ситуации служит постоянное появление многочисленных сетевых технологий и развитие глобальной сети Интернет. Эти технологии за ко-

роткое время прошли длинный путь от нескольких компьютеров соединенных вместе, до глобальной паутины, охватившей весь мир. Всю эту инфраструктуру обслуживает огромное количество фирм создающих сетевую аппаратуру и программное обеспечение, разрабатывающих новые протоколы и технологии. При этом возникает проблема номинации новых разработок, в которой проявляется необычайно широкое словотворчество. Постоянно появляется огромное количество терминов. В связи с тем, что сетевые технологии получили свое развитие преимущественно на Западе, основным языком для возникновения новых терминов является английский. При переносе терминов в русский язык, две языковые картины мира накладываются друг на друга. В результате такой интерференции, элементы из одной языковой картины мира начинают переходить в другую. Всё это ведет к активному процессу заимствования терминов и их адаптации и ассимиляции [1, с. 1386]. В свою очередь, данный процесс вызывает варьирование терминов, появление терминов-дублетов и терминов-синонимов. Это фундаментальное свойство языка, которое проявляется на всех его уровнях [2, с. 13]. Оно может подразделяться на следующие типы: лексико-фонетическое, графическое, лексико-морфологическое, лексико-словообразовательное, синтаксическое варьирование. Варьирование негативно сказывается на профессиональной коммуникации, связанной с употреблением терминов.

Традиционно к термину предъявляются следующие основные требования, которые варьируются у разных авторов: однозначность, точность, краткость, системность, эмоционально-экспрессивная нейтральность, отсутствие синонимов и омонимов в пределах одной терминосистемы (совокупности терминов, функционирующих в определенной сфере — электронике, авиации, космонавтике, биологии и др.) [3, с. 114]. Обладая точностью и нейтральностью, термины способствуют взаимопониманию специалистов различных областей, а также имеют непосредственное влияние на народное хозяйство. Однако в большинстве случаев, как уже говорилось, термины не являются однозначными, проявляют вариантность и требуют определенного упорядочивания [4, с. 54].

Данная работа посвящена анализу терминов по сетевым технологиям в русском языке. Предполагается, что в дальнейшем, работа послужит основой для некоторой унификации механизмов создания терминов по сетевым технологиям, в том числе и во время перевода и адаптации заимствованных терминов. В свою очередь это закладывает основу для осознанного конструирования данной терминосистемы. В связи с этим в работе было выделено несколько терминоэлементов, проведен анализ их функционирования. Работа проводилась на материале западных и отечественных учебников по сетевым технологиям.

Как было указано ранее, данная работа, в качестве основного предмета рассматривает совокупность терминов. В связи с этим необходимо выяснить, что такое термин, и в какие группы данные единицы могут входить.

В современной лингвистике нет четко определенного понятия термина. Существует множество определений, основанных на философско-гносеологическом основании, логическом, когнитивном основании. [5, с. 21–24]. В связи с такой ситуацией, принята идея, что термин — это многослойное явление, представляющий собой т.н. лексический субстрат и специальное значение. [5, с. 73–74]. Под субстратом подразумевается, что термин является словом естественного языка, но несет в себе специальное значение. Помимо терминов в современной лингвистике принято выделять предтермины, псевдотермины и т.д. [5, с. 139].

Термины обычно выделяются либо в терминологии, либо в терминосистеме. Основное различие между ними состоит в том, что терминологии складываются естественно-стихийно, терминосистемы искусственно конструируются. Терминологии — продукт собственно языка, терминосистемы — продукт терминоведения. Терминология и терминосистема имеют разные характеризующие их признаки. Терминология характеризуется:

- 1) широким заимствованием терминов
- 2) наличием синонимов-эквивалентов
- 3) полисемией
- 4) семантическим наложением.

Терминосистема характеризуется:

- 1) целостностью
- 2) устойчивостью
- 3) структурированностью
- 4) связностью

Как уже было указано выше, основной целью данной работы является рассмотрение совокупности терминов сетевых технологий в русском языке. Необходимо выявить особенности функционирования сетевых терминов в данной сфере и определить существование терминосистемы или же терминологии.

Для проведения анализа было выделено несколько основных терминов. Такими терминами стали слова *протокол (protocol)*, *маршрутизатор (router)*, *тэг (tag)*, *коммутатор (switch)*, *дейтаграмма (datagram)*, *сервер (server)*, *хост (host)*, *поле (field)*, *кадр (frame)*. После выделения данных базовых терминов была предпринята попытка установить использование данных специальных слов в тексте и выделить производные термины на их основе. Далее будут приведены примеры производных терминов полученных от основных.

Производные термины от слова *протокол (protocol)*: *драйвер протокола (protocol driver)*, *IP протокол (IP protocol)*, *протокол передачи (transfer protocol)*. Последний термин может быть обусловлен ещё одним понятием, порождая слово с более узким значением: *протокол передачи гипертекста (hypertext transfer protocol)*. Кроме этого можно выделить термин *стандартный протокол (standard protocol)*.

Производным от слова *коммутатор (switch)* может выступать слово *коммутация (switching)*, которое в свою очередь может дополнительно модифицироваться разными атрибутами, порождая такие сочетания как *ком-*

мультируемый канал (*switched channel*), коммутируемая связь (*switched communication*), политика коммутации (*switching policy*) и т.д.

К термину *сервер* (*server*) относятся такие производные как *web-сервер* (*web-server*), *DNS-сервер* (*DNS-server*), *программа-сервер* (*server program*).

Слово хост (*host*) порождает такие сочетания как *виртуальный хост* (*virtual host*), *не виртуальный хост* (*non-virtual host*), *обычный хост*, *хостер* (*hoster*).

В сочетании со словом поле (*field*) могут быть включены следующие: *поле контрольной суммы*, *поле заполнения*, *поле данных*, *поле преамбулы*.

Слово кадр (*frame*) фигурирует в таких сочетаниях как *кадр-ответ*, *управляющий кадр*, *нечисловый кадр* и т.д.

Кроме этого большое количество различных сочетаний производится с помощью двух или более базовых терминов или их производных. Например: *коммутируемая маршрутизация* (*switched routing*), *тэговый коммутатор* (*tag switch*), *тэговый маршрутизатор* (*tag router*), *дейтаграммный способ коммутации пакетов* (*datagram packet switching method*), *мост-коммутатор* (*switch dridge*), *маршрутный сервер*, *протокол распространения тэгов* (*TDD*), *общий протокол управления коммутатором* и т.д.

Анализируя приведенный материал, можно сделать несколько выводов.

1. Сетевые термины в русском языке образуют скорее терминологию, чем терминосистему. Во-первых, эта совокупность имеет ряд признаков присущих терминологиям. Большинство терминов являются иноязычными переданными с помощью транскрипции и транслитерации. При этом часто в термины может сохраняться иноязычный элемент, не подвергающийся переводу (*web-сервер*, *DNS-сервер*). Во-вторых, сетевая терминология в русском языке не обладает устойчивостью.

2. Признак неустойчивости проявляется в использовании разных вариантов написания и произношения одних и тех же слов. Например: *датаграммный* \ *дейтаграммный*,

3. Еще одним признаком неустойчивости является существование описания одного и того же явления словами с различной морфологией, или существование полностью

эквивалентных терминов в другой форме. Например: *коммутируемая виртуальная сеть* = *виртуальная сеть на коммутаторах*, *политика коммутации* = *приоритизация*, *конфликт* = *коллизия*, *доступность среды* = *незанятость среды*.

4. В сетевой терминологии имеется достаточное количество терминов с неясным статусом. Если сравнивать, например, термины *протокол передачи гипертекста* и *стандартный протокол*, возникает вопрос, в какой степени слово стандартный имеет в данном случае специальный оттенок. Еще одним примером являются сочетания *стандартный протокол* и *виртуальный протокол*. Насколько правомочной является подстановка слова *стандартный*, тем более что термин *не виртуальный протокол* также имеет место быть.

5. Кроме вышеуказанного наблюдаются тенденции к сокращению элементов термина. К примеру, можно выделить использование термина *коммутируемая виртуальная сеть*, вместо *сети на коммутаторах* или термина *мост-коммутатор* вместо *моста на основе коммутатора*, *кадр-ответ* вместо термина *ответный кадр* и т.д.

6. Необходимо упомянуть также наличие определенной иерархической структуры, которая была описана выше, когда базовый термин, может модифицироваться дополнительным атрибутом, а также соединяться с другими базовыми терминами, или их производными порождая новые сочетания. Такая упорядоченность характерна для терминосистем.

Таким образом, можно заключить, что совокупность сетевых терминов в русском языке может быть названа скорее терминологией, так как наблюдаются явные признаки её вариативности, не полной целостности, использования большого количества иноязычных элементов. Вариативность может подразделяться на следующие типы: лексико-фонетическое, графическое, лексико-морфологическое, лексико-словообразовательное, синтаксическое варьирование [7, с. 411]. Вместе с тем, наблюдаются некоторые тенденции к упорядочиванию данной совокупности, а именно стремление сделать термин более удобным в использовании посредством создания сложных слов вместо словосочетаний и обильное использование суффиксальной деривации.

Литература:

1. Денико, Р. В. Дифференциация явлений заимствования и переключения контекста в русском языке / Р. В. Денико // Молодой ученый. — 2015. — № 10. — с. 1386–1389.
2. Щитова, О. Г. Функциональное варьирование новейшей ксенолексики в русском языке XXI столетия / О. Г. Щитова // Варьирование и динамические процессы в языке: коллективная монография / З. М. Богословская, Е. С. Бутакова, А. Г. Щитов и др.; под ред. З. М. Богословской. — Томск: Изд-во Том. политех. ун-та — 2012. — с. 13–51.
3. Головин, Б. Н. Типы терминосистем и основания их различия // Термин и слово: межвузовский сборник. Горький, 1981. с. 3–10.
4. Денико, Р. В. Проблема квазисинонимии терминов в инженерной коммуникации / Р. В. Денико // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2014 — № 8. Ч. 2. — с. 54–56.
5. Лейчик, В. М. Терминоведение. Предмет, методы, структура. М.: URSS, 2007. — 255 стр.

6. Горячев, А. В., Новакова Н. Е., Нисковский А. В., Полехин С. В. Основы сетевых технологий: учебное пособие. СПб.: Издательство СПбГТУ «ЛЭТИ», 2000. — 63 стр.
7. Бутакова, Е. С., Щитова О. Г. Эргонимы иноязычного происхождения: аспекты варьирования / Е. С. Бутакова, О. Г. Щитова // *Фундаментальные исследования*. — 2014. — № 12. Ч. 2. — с. 411–415.
8. Гринев-Гриневиц, С. В. Терминоведение. Учебное пособие. М.: Издательский центр «Академия», 2008. — 304 с.

Особенности взаимодействия эпитета с другими тропами в поэтических текстах А. А. Ахматовой

Деревянко Алина Александровна, старший преподаватель;
Нечипорук Татьяна Викторовна, старший преподаватель;
Чёрная Татьяна Николаевна, старший преподаватель;
Чех Наталья Витальевна, старший преподаватель
Севастопольский государственный университет

Работа посвящена анализу взаимодействия эпитета с другими тропами, формированию ассоциативно-образных цепочек, а также изучению лексико-семантического и контекстуального значения тропов в структуре поэтических текстов А. А. Ахматовой.

Ключевые слова: эпитет, троп, ассоциативно-образная цепочка.

Употребление эпитета в структуре поэтического текста является, с определённой точки зрения, явлением закономерным и неизбежным, поскольку красочность определения, образность характеристики предметов и действий, яркая оценка являются обязательными условиями реализации любого поэтического текста. Следует отметить, что для данного исследования представляют интерес, во-первых, те эпитеты, задача которых заключается в воплощении именно переносного значения слова, т.е. эпитеты, которые можно отнести к тропам. Во-вторых, это эпитеты, выраженные определениями и обстоятельствами, которые хотя сохраняют в тексте своё первоначальное, «логическое» значение, но не менее успешно реализуют эстетическую функцию и являются ярким изобразительным средством в условиях художественного текста. Собственно, поскольку в среде филологов по-прежнему нет единого мнения относительно того, что следует причислять к эпитетам, и «наука не располагает разработанной теорией эпитета, нет единой терминологии» [1, с.139], то основным принципом отбора эпитетов в данной работе является наличие выразительности, равносильной тропу.

На основании проведённого анализа поэтических текстов А. Ахматовой можно сделать следующий вывод: количество эпитетов в текстах оригинала составляет 1092 на 110 печатных страницах, т.е. в поэтических текстах А. Ахматовой можно найти, в среднем, 10 эпитетов на одной печатной странице. В процессе исследования эпитетов в поэтических текстах А. Ахматовой становится очевидной явная невозможность провести чёткую, не вызывающую никаких сомнений границу между эпитетами, употреблёнными в переносном значении, т.е. метафорическими, и эпитетами, реализуемыми в словах с прямым значением, но выпол-

няющих явную экспрессивно-эмоциональную функцию. А. Ахматова широко применяет эпитет в описаниях интерьера, пейзажей, в характеристике чувств и эмоций, но большинство таких эпитетов, даже в своём первичном, «непоэтическом» значении, в структуре текста приобретают «второй», «поэтический» смысл, который приближается к понятию метафорического, где ассоциации и образы равны в своей многоплановости и неоднозначности метафорическим. Рассмотрим некоторые подобные примеры употребления эпитетов без взаимодействия с метафорой.

В стихотворении 1917 г. автор заканчивает текст следующими строками:

*«... Целует бабушке в гостиной руку
И губы мне на лестнице крутой»* [2, с.108].

Или в стихотворении 1956 г.:

«Иду между чёрных приземистых ёлок...» [2, с.178].

Если рассматривать подобные примеры вне контекста, то ясно, что выделенные определения указывают на отличительные признаки предмета без видимой образной характеристики, т.е. являются логическими эпитетами, не представляющими интереса для стилистического исследования. Но в данном случае всегда необходимо учитывать влияние контекста и, как правило, это влияние осуществляется не на уровне одной-двух строк или строф, а в масштабе всего поэтического текста. В первом приведённом примере автор воспроизводит атмосферу домашнего уклада «как при Екатерине»: неторопливое течение жизни с её абсолютной предсказуемостью, на что сразу обращает автор внимание в первой строке другим логическим эпитетом:

«Течёт река неспешно по долине...» [2, с.108].

Эпитет «крутой» в последней строке создаёт эффект неожиданности, невидимого разлада, скрытой опасности,

когда героиня стихотворения тайно нарушает установленный порядок, намекая на обманчивость описываемой «неспешности».

Во втором примере также необходимо исследовать весь текст, чтобы понять скрытую образность эпитетов, формально выступающих как логические. Здесь снова эпитеты, взятые из предыдущих строк, помогают воссоздать поэтический образ, заключённый в определениях «чёрные» и «приземистые». Автор с первых предложений выстраивает контраст между «райским садом» юга и прохладным, уютным севером:

*«Здесь северно очень — и осень в подруги
Я выбрала в этом году»* [2, с.178].

Читателю постепенно становится ясно, что героиня не хочет покидать этот внешне уютный край, поскольку здесь всё связано с воспоминаниями о несостоявшейся любви. Указанные эпитеты передают ощущение одиночества, грусти, тоски и некоторую «странность» происходящего:

«Живу, как в чужом, мне приснившемся доме...» [2, с.178].

Таким образом, взаимодействие логических эпитетов в структуре поэтического текста, даже без привлечения в анализ параллельно используемых тропов, способствует созданию поэтических образов, в полной мере раскрывающих ассоциативно-образные связи и идею произведения. Влияние поэтического текста на его лексические составляющие таково, что семантика каждой лексической единицы меняется, порождая широкие лексико-стилистические связи.

Особый интерес для исследования представляют эпитеты, употребляемые в переносном значении, т.е. эпитеты во взаимодействии с метафорой. Подобное взаимодействие наиболее эффективно развивает множественные ассоциативно-образные связи в структуре поэтического текста. Метафора как элемент поэтического текста расширяет его экспрессивно-эмоциональный и экспрессивно-образный потенциал, а также является носителем авторской оценки. В количественном сравнении с эпитетом, метафора в поэтических текстах А. Ахматовой выступает скорее как вспомогательный троп, поскольку ряд произведений не содержит никаких ассоциативно-образных средств, кроме эпитетов, и даже при наличии метафоры эпитет несёт основную смысловую нагрузку, уступая метафоре формирование образа лишь в отдельных текстовых отрезках. Обращает на себя внимание их обязательное присутствие в текстах, посвящённых разлуке или страстной любви с предчувствием несчастного конца, как, например, в следующем отрывке из стихотворения 1914 г.:

«... Город, горькой любовью любимый» [2, с.76].

Собственно, именно благодаря подбору эпитетов весь поэтический текст здесь окрашивается в печальные тона, без которых смысл был бы почти противоположный. Приведённый пример интересен тем, что он выступает как центральный в произведении, выражая основную идею и определяя подбор эпитетов далее, среди которых обращает на себя внимание сочетание логических и метафорических эпитетов:

«Солеёю молений моих

Был ты строгий, спокойный, туманный» [2, с.76].

Реализация метафорического эпитета со всем комплексом идей и ассоциаций была бы недостаточной, если бы взаимодействие метафоры и эпитета осуществлялось на уровне одной лексической единицы, в границах одного определения или обстоятельства. Но метафора в случае с исследуемыми поэтическими текстами функционирует гораздо шире, стремясь развить образ до уровня всего произведения и раздвигая семантические границы смежного с ней эпитета. Такие примеры представляют богатый материал для изучения.

Эпитет, как и другие тропы, в структуре художественного текста способен формировать так называемые «ассоциативно-образные цепочки», способствующие более глубокому проникновению в предлагаемый автором образ. «Одним из приёмов активизации мыслительной деятельности адресата и типом словесно-художественного структурирования текстов является ассоциативно-образная цепочка. В её состав включаются ассоциативно близкие образы, фокусирующие внимание читателя на узловых «звеньях» текстового развёртывания и формирующие общий концепт поэтического произведения» [3, с.60]. В поэтических текстах А. Ахматовой обращает на себя внимание употребление эпитетов в сочетании с одной-двумя метафорами и полным отсутствием каких-либо дополнительных тропов, причём метафора сначала подтверждает формирующийся образ, а затем предлагает совершенно, на первый взгляд, нелогичную связь с последующим эпитетом, но выстраиваемая при этом ассоциативно-образная цепочка раскрывает многоуровневый поэтический контекст. Например, в стихотворении «Смятение» при детальном изучении стилистического материала находим следующий ряд средств в их прямой последовательности: *«красив» (эпитет) — «не могу взлететь» (метафора) — «была крылатой» (метафора) — «туман» (метафора) — «красный» (эпитет)* [2, с.46]. Проанализировав контекст, приходим к точному пониманию ассоциативно-образной связи: красивый облик любимого не даёт героине разлюбить его, она не может уйти и ощущает беспомощность и смятение, а цвет тюльпана в петлице — как символ страсти, любви и, одновременно, крови, т.е. боли, страдания. Таким образом, данные ассоциативно-образные цепочки включают в себя лишь два стилистических средства, представленных в разной последовательности, но строго ограниченных только этими двумя средствами и несущими всю «ответственность» за ассоциативно-образное поле текста.

Ещё одним эффективным примером взаимодействия эпитета и других тропов в текстах А. Ахматовой является взаимодействие эпитета и метонимии. Случаи употребления метонимии насчитывают 169. Взаимодействие эпитета и метонимии наиболее характерны для описания внешности и поведения героя, на которого героиня смотрит влюблёнными глазами, а также при передаче чувств и эмоций, раскрывающихся в движениях и внешнем облике. В пределах одного поэтического текста эпитет может выступать как независимо, так и сочетаясь с метонимией в построении одного или нескольких параллельных образов возлюбленного, как, например, в сти-

хотворении 1913 г., где вначале читаем: «*настоящая нежность... тиха*» (метонимический эпитет), и «*напрасно ты бережно кутаешь...*» (эпитет), и «*слова покорные*» (метонимический эпитет), а в конце видим, как формирование образа лицемерного и жестокого возлюбленного завершается следующими эпитетами:

«*Как я знаю эти упорные,
Несытые взгляды твои!*» [2, с. 52]

Автор словно «размывает» чёткий образ, переводя фокус на движения, слова, взгляды, которые описаны, благодаря метонимии, отдельно от самого героя. В конце стихотворения метонимические эпитеты «*упорные*» и «*несытые*» безошибочно указывают: героиня знает не только взгляды, а характер своего возлюбленного.

Подобно ассоциативно-образным цепочкам, в составе которых функционируют эпитеты и метафоры при полном отсутствии других стилистических средств на протяжении всего текста, эпитет в сочетании с метонимией тоже способен формировать чёткие цепочки, как например, в стихотворении 1913 г., где весь набор тропов может быть представлен так: «*белый*» (эпитет) — «*тихий*» (эпитет) — «*пустынная*» (эпитет) — «*светлая*» (эпитет) — «*дорогая*» (эпитет). И только в последних двух строках цепочка эпитетов завершается сочетанием эпитета, метафоры и метонимии:

«*... А я товаром редкостным торгую —
Твою любовь и нежность продаю*» [2, с.66].

Такое минимальное насыщение тропами характерно при передаче бытовых, повседневных сцен, в которых развивается скрытая напряжённая борьба чувств. Именно в описании окружающих предметов ведущую роль играют эпитеты, а при переходе в мир чувств автор насыщает текст дополнительными стилистическими средствами.

Из других очевидных примеров взаимодействия тропов стоит указать случаи активного употребления эпитета в составе перифразы, что, с учётом структурных особенностей последней, вполне закономерно, ведь перифраза — это «описательный оборот» [1, с.144], а описания закономерно предполагают наличие эпитетов. Количество найденных в поэтических текстах А. Ахматовой перифраз составляет 65. Роль данного тропа трудно переоценить: перифраза выделяет деталь, элемент, фрагмент образа, которой автор даёт индивидуальную оценку и которая обеспечивает неограниченную широту ассоциаций, при этом остальное как бы уходит на второй план, предполагает недосказанность. В стихотворениях А. Ахматовой именно эпитет содержит оценочную коннотацию в составе перифразы:

«*... Сияние неутолённых глаз
Бессмертного любовника Тамары*» [2, с. 136].

В сочетании с предшествующим метонимическим эпитетом эпитет «бессмертный» формирует образ Демона, вечно жаждущего любви и не находящего её и в определённой степени наводит на мысль о безысходности этих поисков. В другом стихотворении автор с долей иронии упоминает следующее словосочетание:

«*... к этому сиятельному дому...*» [2, с. 204].

Имеется ввиду Фонтанный дом, где долгое время жила А. Ахматова и в дворцовой, пышной архитектуре которого она оставалась чужой гостьей. Горькая ирония описания становится очевидной в связи с последующими в тексте эпитетами «знаменитая» и «нищая».

В стихотворении «Муза» эпитет передаёт очень тёплую авторскую оценку Музы, которая в дальнейшем несколько диссонирует с образом ада, о котором она рассказывает Данте:

«*... пред милой гостьей с дудочкой в руке*» [2, с. 136].

В определённой степени здесь также выражена авторская ирония, понимаемая на уровне всего текста и реализуемая именно через эпитет: «милый» образ в конце стихотворения неожиданно получает зловещее звучание.

Подобное воплощение иронии в сочетаниях эпитета и перифразы свойственно завершающей строфе некоторых стихотворений:

«*А я иду владеть чудесным садом,
Где шелест трав и восклицанья муз*» [2, с.128].

Оценочная функция эпитета здесь бесспорно привязана к контексту: героиня прощается с неверным возлюбленным и уходит в мир творчества, и через эпитеты выделяет прекрасные свойства её нового мира, горя желанием доказать ему, что она будет счастлива и без любви.

Особое внимание следует обратить на взаимодействие эпитета и олицетворения. Олицетворение имеет достаточное распространение среди тропов в поэтических текстах А. Ахматовой: 91 пример. Примечательно, что в данном случае наблюдается два вида взаимодействия: во-первых, олицетворение как составной компонент эпитета и, во-вторых, олицетворение и эпитет, формирующие ассоциативно-образные цепочки «эпитет + олицетворение + эпитет + олицетворение». Рассмотрим в отдельности указанные два вида.

Олицетворение в составе эпитета соотносится с понятием метафорического, но перенос значения основан на приписывании неодушевлённому предмету признаков и свойств человека, и в ходе данного исследования подобные примеры связаны с описанием явлений природы и воспоминаниями, как в следующих фрагментах:

«*Жестокая, студёная весна...*» [2, с.80].

«*Строгая память, такая скупая теперь...*» [2, с.114].

Мы видим широкие возможности стилистических средств в выстраивании многогранного образа, который работает на уровне не только одного текста, но и в произведениях, объединённых одним образом, в данном случае — образом жестокости и памяти.

Второй вид взаимодействия представлен шире и подразумевает привлечение в структуру ассоциативно-образных цепочек дополнительных средств, помимо олицетворения и эпитета, но данные два тропа выступают как центральные и определяющие всё лексико-семантическое содержание текста. Рассмотрим следующие примеры и изучим подробнее состав наиболее характерных образованных ассоциативно-образных цепочек в структуре поэтических текстов:

*«Долгую песню, льстивая,
О славе поёт судьба» [2, с.60].*

Содержание цепочки здесь очевидно: «эпитет + олицетворение». Лексико-семантический выбор эпитета предопределяет ироническое содержание олицетворения и всего текста: пение судьбы фальшиво, она всего лишь обещает славу, но вряд ли это обещание обернётся счастливым исполнением.

В других случаях взаимодействие эпитета и олицетворения допускает более сложные сочетания:

*«Поздней осенью свежий и колкий
Бродит ветер, безлюдно рад» [2, с.80].*

Структурно данная цепочка может быть представлена так: «эпитет + эпитет + олицетворение + олицетворение», причём последний пример олицетворения соотносится с олицетворением в структуре определения-эпитета. Подобные тесные сочетания присущи текстам с насыщенной эмоционально-чувственной тематикой, в которых внутренние переживания героини переносятся в мир природы.

Наконец, ещё одним примером эффективного взаимодействия эпитета с другими тропами является взаимодействие его с гиперболой, общее количество которой в текстах А. Ахматовой составляет 74. Тематически все найденные примеры связаны с несчастной любовью и печалью в бесконечном времени и во многом становятся проявлением гипербола именно в контексте заявленного сюжета:

*«Во мне печаль, которой царь Давид
По-царски одарил тысячелетья» [2, с.80].*

В данном примере, как и во многих других очевидна связь между гиперболой, эпитетом и метафорой через

представление печали как подарка, причём, с точки зрения логики, данная ассоциативно-образная цепочка представляется именно через метафору «одарить», а затем гипербола и эпитет рисуют тысячелетние масштабы этого щедрого дара: «метафора + эпитет + гипербола».

В стихотворении «В сороковом году» подобным образом формируется ассоциативно-образная цепочка «эпитет + метафора + гипербола»:

*«И тихо, так, господи, тихо,
Что слышно, как время идёт» [2, с.156].*

Очевидно, что ведущую роль здесь играет повторяющийся логический эпитет «тихо», который разворачивает ассоциативно-образную связь с идущим временем (метафорой) и невероятно глубокой тишиной города (гиперболой).

Таким образом, на основании проделанного анализа примеров можно заключить следующее: взаимодействие эпитетов в структуре поэтического текста возможно не только при условии наличия образного переноса. Поэтический текст способен расширять семантику логических эпитетов не менее эффективно, формируя яркие авторские образы на уровне всего текста. В исследуемых поэтических текстах эпитет активно взаимодействует с метафорой, метонимией, перифразой, олицетворением и гиперболой, выполняя, прежде всего, оценочную функцию. В отдельных случаях, при детальном исследовании контекста, эпитет взаимодействует с иронией, которая семантически связана со всем текстом и получает свою стилистическую реализацию через один или несколько эпитетов, которые в дальнейшем влияют на контекстуальное значение следующих тропов.

Литература:

1. Голуб, И. Б. Стилистика русского языка. М., 2007. — 448 с.
2. Ахматова, А. А. Стихотворения. М., 1988. — 274 с.
3. Яцуга, Т. Е. Ассоциативно-образная цепочка в регулятивной структуре поэтических текстов З. Гиппиус // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2005. № 3. с. 59–64.

О пословицах и поговорках про дружбу и любовь (на примере русского и английского языков)

Игнатенко Кристина Владимировна, студент;
Куимова Марина Валерьевна, кандидат педагогических наук, доцент
Национальный исследовательский Томский политехнический университет

Пословицы и поговорки заключают в себе многовековую мудрость. Они призывают обдумывать решения и поступки, учат любви, добру, стремлению к труду и учебе.

Пословица — это небольшое поучительное изречение (образное, афористически сжатое), имеющее завершенный смысл и грамматическую законченность. Поговорка — это устойчивое сочетание (не составляющие предложение), выражающее какую-то мысль, понятие или явление [4].

В общем, пословицам и поговоркам свойственны следующие черты:

- лаконичность;
- самобытная образность;
- широта тематики;
- доброжелательность и гуманность высказывания;
- конкретизация и олицетворение отвлеченных понятий;
- обличающий или нравоучительный характер;

- различные оттенки эмоционально-оценочных значений;
- ритмическая слаженность;
- национально-культурные коннотации [2, 5].

Пословицы и поговорки отражают дух народа-носителя, его жизненный опыт, многовековую житейскую мудрость, являются материализацией опыта поколений. Очень часто интонация, с которой они произносятся,

влияет на их смысл [1]. Употребление пословиц и поговорок в письменной или устной речи придает ей художественность, особый колорит, яркий образ, носящий поучительный характер и символический смысл [3, 6].

Приведем несколько примеров русских пословиц и поговорок о дружбе и любви, а также их английские эквиваленты:

Русские пословицы и поговорки о дружбе	Английские эквиваленты
Дружба дружбой, а служба службой.	<i>Duty before friendship.</i>
Друзья познаются в беде.	<i>A friend is never known till a man have need.</i>
Один за всех и все за одного	<i>All for one, one for all.</i>
Вместе тесно, а врозь скучно.	<i>When apart they want to be together.</i>
Гусь свинье не товарищ.	<i>Oil and water don't mix.</i>
Лучше горькая правда друга, чем лесть врага.	<i>A friend's frown is better than a foe's smile.</i>
Дружба дружбой, а табачок врозь.	<i>Hedge between keeps friendship green.</i>
Скажи мне, кто твой друг, и я скажу тебе, кто ты.	<i>A man is known by the company he keeps.</i>
Для милого дружка и серёжка из ушка.	<i>Between friends all is common.</i>
Приятелей много, да друга нет.	<i>A friend to all is a friend to none.</i>
Дружно не грузно, а врозь хоть брось.	<i>Many hands make light work.</i>
Не в службу, а в дружбу.	<i>As a favour.</i>
Старый друг лучше новых двух.	<i>Old friends are better than new ones.</i>
Когда ты богат у тебя появляется много друзей.	<i>In times of prosperity friends are plentiful.</i>
Только настоящие друзья скажут правду.	<i>Only real friends will tell you when your face is dirty.</i>
Не имей сто рублей, а имей сто друзей.	<i>A friend in court is better worth a penny in purse.</i>
<i>Один в поле не воин.</i>	<i>One man does not make a team.</i>

Русские пословицы и поговорки о любви	Английские эквиваленты
Любовь слепа.	<i>Love is blind, as well as hatred.</i>
Любишь меня, люби и мою собаку.	<i>Love me, love my dog.</i>
Для любви нет преград.	<i>Love conquers all.</i>
С милым рай и в шалаше.	<i>With one's beloved, even a hut is heaven.</i>
Сердцу не прикажешь.	<i>You can lead a horse to water but you can't make it drink.</i>
Насильно мил не будешь.	<i>Love cannot be forced.</i>
Любви да кашля не утаишь.	<i>Love and a cough cannot be hidden.</i>
Реже видишь — больше любишь.	<i>Absence makes the heart grow fonder.</i>
Золотая клетка соловью не потеха.	<i>No man loves his fetters, be they made of gold.</i>
Когда в дверь входит бедность, любовь вылетает в окно.	<i>When poverty comes in at the door, love flies out of the window.</i>
Любовь не пожар, а загорится не потушишь.	<i>No herb will cure love.</i>
Любви все возрасты покорны.	<i>Love all ages yield surrender.</i>
Любовь смягчает сердца.	<i>Love makes all hearts gentle.</i>
Любовь заставляет мир вращаться.	<i>Love makes the world go round.</i>
На любовь закона нет.	<i>Love will creep where it may not go.</i>
В любви, как на войне, все средства хороши.	<i>All is fair in love and war.</i>
<i>Любовь миром движет.</i>	<i>It is love that makes the world go around.</i>

Таким образом, проведенный анализ выявил значительное сходство русских и английских пословиц на семантическом уровне. В целом, пословицы и поговорки являются фольклорным жанром, они многозначны и ярки.

Пословицы и поговорки отражают типичные черты национального менталитета, социальный уклад, быт, культуру и специфику носителей языка.

Литература:

1. Крылова, Э.О. Семантическое осмысление пословиц и поговорок о труде в русском и английском языках // Международный журнал экспериментального образования, 2014. № 6, Ч. 2. с. 146–147.

2. Майтиева, Р. А. Структурно-семантическая характеристика пословиц и поговорок даргинского языка в сопоставлении с английским. Дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2011. 167 с.
3. Негматова, М. М. О пословицах и поговорках // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. 2010. № 4. с. 155–159.
4. Пословицы и поговорки — русские народные, собранные Далем В. И. <http://www.smysl-zhizni.ru/poslovitsi-i-pogovorki> (дата обращения: 23.05.2015).
5. Прилипло, М. Ю. Образ женщины в пословицах и поговорках народов мира // В сборнике: Новые технологии — нефтегазовому региону Материалы Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Под общей редакцией Е. А. Григорьян. Тюмень, 2010. с. 244–246.
6. Симутова, О. П., Шидловская И. А. Игра слов в немецких пословицах и поговорках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 7–2 (49). с. 162–164.

Коммуникативная точность и её нарушения в переводах инструктивных текстов к парфюмерно-косметической продукции

Исаева Евгения Владимировна, кандидат филологических наук, доцент;

Бельская Александра Евгеньевна, студент

Национальный исследовательский Томский политехнический университет

Глобализация коммерческих отношений, наблюдающаяся на мировой арене, способствует становлению жанра инструкции как одного из важнейших текстовых жанров в настоящее время. Инструкция является гарантом исправности товара и в определенной степени договором, заключаемым между продавцом и покупателем, то есть юридическим документом, а также содержит важную информацию о товаре, которую необходимо знать, чтобы не причинить вред своему здоровью и здоровью окружающих при использовании данного товара.

Ввиду особой важности инструктивных текстов с каждым годом возрастают требования к качеству их перевода, к максимальной точности передаваемой информации, что и определяет актуальность данной работы.

Данное исследование проводилось на материале текстов инструкций к парфюмерно-косметической продукции, переведенных с английского языка на русский, и их оригинальных вариантов. Теоретической основой данного исследования послужили работы Абрамова Б. А. [1], Алексеевой И. С. [2], Мучника Б. С. [3], Райской Л. М. [4], и др.

Современные лингвисты рассматривают инструкцию как жанр официально-делового стиля. Данный стиль характерен для различных документов: законов, договоров, инструкций, деловой и служебной переписки. Однако, несмотря на такое разнообразие жанров, официально-деловой стиль можно охарактеризовать рядом общих для всех документов признаков, которые находят отражение как в выборе языковых средств, так и в оформлении документа. основополагающими характеристиками данного жанра являются точность и языковой стандарт. При выборе языковых средств предпочтение отдается специальным лексическим единицам: терминам, языковым

клише, обращениям, формулам уважения, сокращениям и аббревиатурам; преобладает именной характер речи; количество образных средств сведено к минимуму. Со стилистической точки зрения для инструктивного текста характерна официальность, имперсональность, объективность, безэмоциональность, сухость и модальность. Кроме того, инструкция определяется наличием текстовых категорий точности, логичности, ясности, полноты и краткости. Нарушение одной или нескольких таких категорий приводит к возникновению стилистических и речевых ошибок [2].

Инструкция к парфюмерно-косметической продукции является жанром официально-делового стиля и представляет собой особую разновидность инструктивного текста, которая носит название «Маркировка парфюмерно-косметической продукции» [5]. Требования к маркировке парфюмерно-косметической продукции отражены в официальных документах. В Российской Федерации источником таких требований является Федеральный Закон «О специальном техническом регламенте о парфюмерно-косметической продукции». Требования к маркировке такой продукции варьируются в зависимости от того, куда она наносится: на этикетку, вкладыш или тару. [9, С.8] В целом, требования к таким инструкциям можно разделить на две категории: требования к содержанию и к виду маркировки. Технические регламенты к маркировке парфюмерно-косметической продукции разных стран немногим отличаются друг от друга, но в целом объем и содержание требований одинаковы. В целом, перевод инструкций к парфюмерно-косметической продукции должен осуществляться в соответствии с теми же требованиями, что и для инструктивного текста.

Как уже было сказано выше, жанр инструктивного текста определяется наличием таких текстовых кате-

горий, как точность, логичность, краткость и др. В ходе данного исследования тексты инструкций были проанализированы на предмет наличия нарушений коммуникативной точности, а затем выявленные нарушения описаны согласно следующей классификации:

- смешение слов, сходных по значению;
- смешение слов, сходных по значению и звучанию;
- смешение слов одного семантического поля;
- нарушение точности в передаче образного значения;
- неточный выбор грамматических конструкций [3].

Рассмотрим на конкретных примерах нарушения коммуникативной точности.

Смешение слов, сходных по значению, может быть проиллюстрировано следующим примером: *super-soft shampoo (нежный шампунь)*. Английское прилагательное «*super-soft*» соответствует русскому «*супермягкий*», в контексте со словом «*шампунь*» это слово отражает моющие свойства шампуня, а именно его мягкую текстуру и относительно щадящее химическое воздействие на кожу головы и волосы. Выбранное переводчиком прилагательное «*нежный*» в данном случае метафорично и не отражает описываемых характеристик шампуня. Коррекционный вариант перевода может выглядеть следующим образом: *супермягкий шампунь*. Такой вид нарушения содержится и в следующем примере: *The comfortable texture evens the complexion while the «Shine-Stopper» complex combines the benefits of plants with the purity of minerals to instantly matify the complexion, control shine and tighten pore (Удобная текстура выравнивает цвет лица, в то время как «контроль блеска» совмещает преимущества растений с чистыми минеральными веществами, чтобы мгновенно сделать кожу матовой, не допустить появления блеска на коже и сузить поры)*. Прилагательное «*удобный*» означает «такой, которым хорошо, приятно пользоваться; благоприятный; уместный», а, значит, он подразумевает какой-либо предмет, который будет приятен и легок в использовании. Однако употребление его в сочетании со словом «*текстура*» будет ошибкой, поскольку текстура является качеством косметического продукта, следовательно, мы не можем сказать, что текстурой можно пользоваться. Данная ошибка возникает из-за разницы в значениях и сочетаемости с другими словами русского «*удобный*» и английского «*comfortable*». В оригинальном тексте речь шла о легкости и нежности текстуры продукта, поэтому в качестве варианта коррекции можно предложить следующий: *Нежная текстура выравнивает цвет лица, в то время как «контроль блеска» совмещает преимущества растений с чистыми минеральными веществами, чтобы мгновенно сделать кожу матовой, не допустить появления блеска на коже и сузить поры*.

В текстах перевода также встречаются случаи смешения слов, схожих по значению и звучанию: *The unique*

combination of vegetable extracts and precious oils of avocado and jojoba with one touch moisturizes instantaneously and refreshes your skin (Уникальное сочетание растительных экстрактов и драгоценных масел Авокадо и Жожоба одним прикосновением к Вашей коже моментально увлажняют и освежают кожу). Ошибка при переводе данного фрагмента на русский язык состоит в неверном выборе синонима. Прилагательное «*драгоценный*» имеет значение «очень ценный, самого высокого качества, очень высокой цены» и употребляется в таких словосочетаниях, как «драгоценный камень», «драгоценный ларец». Таким образом, это слово означает высшую степень ценности, и его использование для описания не слишком дорогих масел, часто используемых в косметологии, будет ошибочным. Прилагательное «*ценный*» означает «важный, нужный, с большими достоинствами» и часто употребляется в сочетании со словом «*масла*», что было выяснено на основе анализа ряда текстов соответствующей тематики. Соответственно, в качестве коррекции можно предложить следующий вариант перевода: *Уникальное сочетание растительных экстрактов и ценных масел Авокадо и Жожоба одним прикосновением к Вашей коже моментально увлажняют и освежают кожу*.

Следующим представлен случай смешения слов одного семантического поля: *Specifically formulated for chestnut or brown hair, Yves Rocher selected cinchona, renown for its natural coloring properties, incorporated in a soft, light texture (Свойства и советы по применению: специально для темных волос Исследователи Растительной Косметики Ив Роше выбрали Хинное дерево, получившее признание благодаря своим натуральным окрашивающим свойствам, и включили его в мягкую легкую формулу шампуня)*. В данном случае нарушение коммуникативной точности заключается в том, что при переводе названия французской косметической фирмы переводчик добавляет существительное «исследователи», при этом изменяется первоначальный смысл, поскольку высказывание «*Исследователи Растительной Косметики Ив Роше*» означает, что не сама фирма-производитель совершала выбор, а ученые, занимающиеся исследованием продукции на рынке. В качестве коррекции можно предложить следующий вариант перевода: *Специально для темных волос лаборатории Растительной Косметики Ив Роше выбрали Хинное дерево, получившее признание благодаря своим натуральным окрашивающим свойствам, и включили его в мягкую формулу шампуня*. Такой вид ошибки содержится и в следующем предложении: *The weightless caring formula of Schauma Fresh it Up! cares immediately and perfectly rebrightens the hair (Воздушная формула шампуня Schauma Fresh it Up! Немедленно восстанавливает и освежает Ваши волосы)*. В данном фрагменте нарушением коммуникативной точности является перевод английского глагола «*rebrighten*» как «*освежать*». Согласно словарю,

«*rebrighten*» означает «очищать, наполнять радостью, придавать блеск», а выбранный переводчиком глагол «*освежать*» не отражает оригинального значения, следовательно, является примером нарушения точности при переводе. В качестве коррекционного варианта можно предложить следующий: *Воздушная формула шампуня Schauma Fresh it Up! Немедленно восстанавливает и придает Вашим волосам сияние.*

Такую переводческую ошибку, как неточный выбор грамматической конструкции можно рассмотреть на следующем примере: *If skin develops a rash or becomes irritated, discontinue product (Когда кожа краснеет или становится раздраженной, прекращайте использование продукта).* Переводческая ошибка состоит в употреблении конструкции с местоименным наречием «когда», так как такая конструкция подразумевает обязательное и закономерное покраснение и раздражение кожи как результат использования косметики. Однако в английском предложении используется условное наклонение, то есть имеется в виду нежелательный побочный эффект, который может стать неожиданной реакцией организма, а совсем не обязательным следствием. В качестве коррекции можно предложить такое высказывание: *Если кожа краснеет или становится раздраженной, прекращайте использование продукта.* Также неточный выбор грамматической конструкции можно рассмотреть на следующем примере: *So we say it is a second chance for every skin with wrinkles — a chance to help forgive and forget the effect of sun, stress, pollution (Это как будто «второй шанс» для кожи проститься с негативными последствиями солнца, стресса, загрязнения окружающей среды).* Уже при первочтении становится очевидно нарушение коммуникативной точности в данном предложении, а именно употребление словосочетания «*последствия солнца*». Причиной ошибки могло стать употребление схожей конструкции в английском предложении. Однако калька этой

конструкции нарушает нормы русского языка. Существительное «*последствия*» требует дополнения, в качестве которого может выступить только то слово, которое несет семантику изменения, влияния, которое один объект оказывает на другой объект. Существительное «*солнце*» в таком случае не сочетается со словом «*последствия*», поскольку называет просто объект (солнце), но не указывает, какое влияние оно оказывает. Негативным фактором является не солнце само по себе, но солнечное облучение. Корректным является следующий вариант перевода: *Это как будто «второй шанс» для кожи проститься с негативными последствиями солнечного облучения, стресса, загрязнения окружающей среды.*

Нарушение точности при передаче образного значения может быть проиллюстрировано таким примером: *Many scientists see wrinkles as “solar scars”, the visible proof of collagen loss from years of UV-damage (Многие ученые рассматривают морщины как «шрамы», вызванные UV-излучением).* Переводчик не сохраняет авторский образ, представленный в английском предложении — «*solar scars*», переведя это выражение как «*шрамы*». Опустив прилагательное «солнечный» переводчик невольно полностью изменяет тональность предложения, и метафора, которая была логичной в оригинальном предложении, может уже вызвать недоумение при первочтении. Целесообразным будет сохранить авторский образ при переводе: *Многие ученые рассматривают морщины как «солнечные шрамы», вызванные UV-излучением.*

В данном исследовании были представлены особенности жанра инструктивного текста, рассмотрены самые распространенные нарушения коммуникативной точности, а также примеры таких нарушений и варианты их коррекции при переводе текстов инструкций к парфюмерно-косметической продукции с иностранного языка (английский) на русский.

Литература:

1. Абрамов, Б. А. Текст как закрытая система языковых знаков // Лингвистика текста: материалы научной конференции. Ч.1. — М.: МГПИИЯ им. М. Горького, 1974.
2. Алексеева, И. С. Профессиональный тренинг переводчика: Учебное пособие по устному и письменному переводу для переводчиков и преподавателей: учебное пособие. — СПб: Союз Перспектива, 2008. — 288 с.
3. Мучник, Б. С. Культура письменной речи: Формирование стилистического мышления: Пособие для учащихся 10–11-х классов средн. школ, гимназий. — 2-е изд., исправленное и дополненное. — М.: Аспект Пресс, 1996. — 175 с.
4. Райская, Л. М. Коррекция коммуникативных нарушений в текстах русскоязычных переводов: учебное пособие / Л. М. Райская; Томский политехнический университет. — Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2012. — 132 с.
5. Технический регламент Таможенного союза о безопасности парфюмерно-косметической продукции от 23 сентября 2011 г. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.tehreg.ru/TP_TC/TP_TC_009_2011/TP_TC_009_2011.htm

Нарушения коммуникативной ясности в русскоязычных переводах (на материале текстов технической и экономической тематик)

Исаева Евгения Владимировна, кандидат филологических наук, доцент;

Рудикова Юлия Юрьевна, студент

Национальный исследовательский Томский политехнический университет

В современном мире наука развивается бурными темпами. Многие страны становятся всё более заинтересованными в проведении совместных научных исследований и расширении сотрудничества в различных областях науки и техники. В этой связи неизменно возрастает количество иноязычных текстов научного стиля, требующих качественного и адекватного перевода на русский язык.

Переводы текстов технической и экономической тематик обладают определёнными особенностями и являются одними из самых сложных типов переводов. Тем не менее, исходная информация не должна подвергаться искажениям в тексте перевода, поскольку от её точности и ясности зависят результаты последующих исследований и разработок.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью минимизации количества коммуникативных нарушений в текстах технических и экономических переводов ввиду их особой значимости для общества.

Неотъемлемым свойством правильной речи является её ясность — «способность текста уже при первичном чтении передать читающему авторский замысел» [2, с. 16].

На основе разработанной Б. С. Мучником [1] классификации нарушений коммуникативной ясности в данной работе были проанализированы русскоязычные переводы с соответствующими им текстами оригиналов общим объёмом в 160 страниц: 80 страниц (216944 знака без пробелов) технических текстов и 80 страниц (219615 знаков без пробелов) экономических текстов. В результате были отобраны 43 дефектных фрагмента переводов с явными нарушениями коммуникативной ясности.

Из всех описанных Б. С. Мучником типов неясностей в данной работе сделан акцент на 3 самых распространённых нарушениях ясности, встретившихся в проанализированных переводах.

Анализ показал, что наиболее часто в текстах технических и экономических переводов встречается такая неясность, как ошибочное смысловое разъединение (всего выявлено 16 случаев). Больше всего подобных неясностей оказалось в технических переводах (13 случаев из 16): «To remove bearings from transport packaging and **store** in manufacture's protective wrapping only in a closed, heated, ventilated place at temperature $(20 \pm 5)^\circ\text{C}$ and relative humidity of 60% and **on the ends if possible**». — «Подшипники должны быть извлечены из транспортной тары и **храниться** только в упаковке предприятия-изготовителя в закрытом, отапливаемом, вентилируемом помещении при температуре $(20 \pm 5)^\circ\text{C}$, относительной влаж-

ности воздуха не более 60% **и, по возможности, на торцах**». При первичном чтении перевода реципиент сталкивается с большим разрывом между двумя связываемыми по смыслу элементами: «**храниться**» и «**на торцах**». Ликвидация неясности возможна в случае вынесения выражения «**на торцах**» ближе к началу предложения: «Подшипники должны быть извлечены из транспортной тары **и храниться, по возможности, на торцах** только в упаковке предприятия-изготовителя в закрытом, отапливаемом, вентилируемом помещении при температуре $(20 \pm 5)^\circ\text{C}$, относительной влажности воздуха не более 60%».

В проанализированных экономических переводах ошибочное смысловое разъединение встретилось лишь 3 раза, причём особых затруднений для понимания смысла предложения данная неясность, как правило, не вызывает. Например: «**Non-monetary benefits** (such as medical care, housing, cars and free goods or services) **for current employees**». — «**Неденежные вознаграждения** (такие как медицинское обслуживание, предоставление жилья, автотранспорта и бесплатных товаров или услуг) **данном работникам**». Тем не менее, для достижения максимальной ясности данный вариант перевода может быть улучшен путём изменения порядка слов и замены знаков препинания. В результате получается: «**Неденежные вознаграждения данном работникам:** медицинское обслуживание, предоставление жилья, автотранспорта и бесплатных товаров или услуг».

Преобладание ошибочного смыслового разъединения в текстах технических переводов обусловлено значительным количеством однородных членов предложения, отстоящих на большой дистанции друг от друга.

Второй по распространённости коммуникативной неясностью является смещение логического ударения (12 случаев). Вновь максимальное количество ошибок приходится на тексты переводов технической тематики (8 примеров из 12). Так, переводчик проявил невнимательность при передаче на русский язык смысла следующего предложения: «**A temperature and pressure profile** was generated **for the pipeline**, and was used to determine the pipe diameter and compression requirements». В русскоязычном эквиваленте неоправданно сохранён порядок слов языка оригинала: «**Параметры температуры и давления** были разработаны **для трубопровода** и использовались для определения диаметра трубы и требований по сжатию». Поскольку о трубопроводе уже говорилось ранее (в английском языке слово «**pipeline**» употреблено с определённым артиклем — показателем темы), не сле-

довало помещать это слово в конец смыслового блока для его логического выделения. Напротив, следовало особо выделить новую информацию, представленную на английском языке с неопределённым артиклем. Один из возможных вариантов коррекции: «Для трубопровода были разработаны *параметры температуры и давления*, используемые для определения диаметра трубы и требований по сжатию».

Наименьшее количество смещений логического ударения встретилось в экономических переводах (4 примера из 12). Один из типичных случаев смещения логического ударения имеет место в следующем русскоязычном фрагменте: «Англия является важным производителем текстильных изделий и химической продукции. *Аэрокосмическая, оборонная и фармацевтическая отрасли промышленности* также играют ключевую роль в развитии британской экономики» (текст оригинала: «England is an important producer of textiles and chemical products. *The aerospace, defense and pharmaceutical industries* play a key role in the development of British economy»). Если в тексте оригинала прямой порядок слов является необходимостью, обусловленной правилами грамматики английского языка, то в переводе следовало бы изменить порядок слов, поставив, таким образом, акцент на наиболее значимой информации: «Англия является важным производителем текстильных изделий и химической продукции. Также ключевую роль в развитии британской экономики играют *аэрокосмическая, оборонная и фармацевтическая отрасли промышленности*».

Наличие в переводах такой неточности, как смещение логического ударения, связано с тем, что переводчики, полностью концентрируясь на подборе лексических и грамматических эквивалентов, не всегда верно отражают в тексте перевода тема-рематические отношения.

Третьим по частоте нарушением коммуникативной ясности в проанализированных переводах является *ошибочная смысловая связь* (далее — *ОСС*). Из 10 выявленных примеров 6 случаев *ОСС* было выявлено в технических переводах и 4 аналогичных ошибки — в экономических переводах.

Наличие в переводах *ОСС* сопряжено со сложностью отдельных текстов и стремлением переводчиков осуществить перевод без искажений фактической информации путём сохранения порядка слов. Это не всегда является оправданным, так как русский язык не отличается высокой степенью имплицитности и требует подробности изложения и введения более распространённых конструкций, чем те, что имеются в тексте оригинала.

Одним из самых ярких примеров, иллюстрирующих данный вид неясности, является перевод следующего предложения: «Thus, *performing* the same measurement as the TEMP 2000A (the recognized replacement for the no longer produced Gier Dunkle DB-100 IR Reflectometer), *providing* improved emittance determination performance and maintainability, and in accordance with the ASTM E408 standard». — «Таким образом, прибор TESA 2000, удов-

летворяющий требованиям стандарта ASTM E408, *выполняет* те же измерения, что и прибор TEMP 2000A, который *является* официально признанной заменой снятого с производства ИК-рефлектометра Gier Dunkle DB-100 IR, *но обеспечивает* более эффективное определение излучательной способности и характеризуется повышенной ремонтпригодностью». Ввиду распространённости переводного предложения возникает ошибочная смысловая связь, так как читателю неясно, к чему относится сказуемое «*обеспечивает*»: к выражению «*прибор TESA 2000*», отстоящему в предложении на значительной дистанции, или же к более близко расположенному словосочетанию «*прибор TEMP 2000A*». Переводчику следовало бы изменить структуру переводного предложения, отказавшись от обилия однородных сказуемых: «Таким образом, прибор TESA 2000, удовлетворяющий требованиям стандарта ASTM E408, *выполняет* те же измерения, что и прибор TEMP 2000A (официально признанная замена снятого с производства ИК-рефлектометра Gier Dunkle DB-100 IR), *но обеспечивает* более эффективное определение излучательной способности и характеризуется повышенной ремонтпригодностью».

Показательным примером *ОСС* в текстах экономических переводов является перевод предложения «The project will see construction of a hatchery, housing capacity for 10 million broilers, and with a *24000 thousand birds an hour processing facility*, and 500 thousand tonnes *frozen storage capacity*». Переводчик предлагает следующий русскоязычный эквивалент: «Проект включает в себя возведение яйцефермы, птичников на 10 миллионов голов, с возможностью *прироста до 24 тысяч птиц* в час *и морозильных камер* вместимостью до полумиллиона тонн». В данном переводе ошибочная смысловая связь возникает в конце предложения: создаётся впечатление, что выражения «*до 24 тысяч птиц*» и «*морозильных камер*» являются однородными дополнениями к слову «*прироста*». На самом же деле такая смысловая связь невозможна с точки зрения логики. Для устранения малейшего намёка на *ОСС* требуется ввести дополнительные слова: «Проект включает в себя возведение яйцефермы, *строительство* птичников на 10 миллионов голов, с возможностью *прироста до 24 тысяч птиц* в час, а также *закупку (внедрение) морозильных камер* вместимостью до полумиллиона тонн».

Проведённый анализ нарушений коммуникативной ясности в текстах технических и экономических переводов позволяет сделать ряд выводов.

Наибольшее количество коммуникативных нарушений было выявлено в текстах технических переводов (32 ошибки из 43). Это объясняется значительным объёмом оригинальных предложений и большим количеством разнообразных оборотов, осложняющих восприятие текста и его перевод на русский язык.

Самым распространённым нарушением коммуникативной ясности является ошибочное смысловое разъединение (16 ошибок из 43).

Коммуникативные неясности присутствуют в переводах как начинающих переводчиков, так и профессионалов.

К объективным причинам наличия в переводах коммуникативных нарушений относятся расхождения в грамматическом строе и лексическом наполнении языков оригинала и перевода. К субъективным причинам примыкает недостаточное внимание переводчиков к создаваемому

тексту, а в случае с начинающими переводчиками — неполное знание синонимических конструкций родного языка и отсутствие достаточной речевой компетенции для избежания интерференции языка оригинала.

Для предотвращения неясностей переводчикам следует неоднократно перечитывать и выверять переведенный текст.

Литература:

1. Мучник, Б. С. Культура письменной речи: Формирование стилистического мышления. — М.: Аспект Пресс, 1996. — 175 с.
2. Райская, Л. М. Коррекция коммуникативных нарушений в текстах русскоязычных переводов. — Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2012. — 132 с.

Лирический герой и природа (на материале поэзии А. Ахматовой и Зульфий Исмоиловой)

Исмоилова Мохинур Абдукодир кизи, студент
Джизакский государственный педагогический институт (Узбекистан)

В статье рассматриваются вопросы воздействия картин природы на душевное состояние лирического героя.

Ключевые слова: природа, лирический герой, зима, снег, осень, разлука, скорбь.

Человек и природа, человек и литература, литература и пейзаж — все эти понятия настолько тесно переплелись, что представить их в разрозненном состоянии практически невозможно. Если говорить о человеке как о неотделимой части природы, то и в его формировании как личности роль общества велика.

Лирика, являясь продуктом взаимосвязи природы и общества, нежнейшей трелью соловья затрагивает самые сокровенные уголки души человека. И появляется вопрос: о чем она? Взаимосвязь человека и природы вопрос не столько философский, сколько экологический, эстетический и этический. Этот последний приближает проблему к художественной литературе, в частности, поэзии. Человек сам часть природы и живет в стихии природы. «Когда творческая личность начинает творить свои произведения, она вдохновляется природными явлениями, получает импульс от их чарующих красот, но здесь все — так первенствует душа и дух творческой личности, ибо и объект соответствующей поэзии, есть бесконечное царство духа», [1] — писал Гегель. Здесь же он подчеркивает, что «подлинный предмет поэзии составляют не солнце, не горы, не лес, не пейзаж и не внешний облик человека, кровь, нервы, мускулы, а духовные интересы... Поэтому весь этот круг только в той мере входит в поэзию, в какой дух обнаруживает в них стимул или материал для своей деятельности...». Естественно, что все это индивидуально и зависит от худож-

ника, его мастерства, его видения мира. «Человек, будучи неотделимой частью природы, независимо от своих желаний, живет во взаимосвязи с ней. В пейзажной лирике герой, восхищаясь красотой природы, ее богатством, разнообразием и мощью, передает всю эту гамму чувств».

Если обратиться к классической литературе, то можно пронаблюдать что явления природы, либо какие — то ее детали, либо сравнения, либо символы были использованы в пейзажной лирике для воссоздания душевных переживаний героя. Общеизвестно, что природа каждого края индивидуальна, своеобразна. Ее воздействие на поэта и его творения мы решили проследить на творчестве русской поэтессы Анны Ахматовой (1889–1966) и народной поэтессы Узбекистана Зульфий (1915–1997). Следует отметить, что судьбы этих двух великих женщин объединяет горечь разлуки, тоска по любимому. И естественно, что это отразилось на творчестве.

Сила поэзии Анны Ахматовой, прежде всего в том, что перед читателем воспроизводятся картины природы и все, что связано с ней. Но если добаться до самой сути, то можно наблюдать как в действительности силы природы и все, что связано с ними, находят полную гармонию с внутренними переживаниями героев. Например, в ее поэзии часто встречаются образы осени, зимы, весны, неба, солнца, луны, звезд, рассвета, ночи, сада, полей, снега, деревьев, льда, холода, мороза, птиц и т.д.

Возьмем для примера следующее стихотворение поэтессы:

*Память о солнце в сердце слабеет,
Желтеет трава.
Ветер снежинками ранними веет,
Едва — едва.
В узких каналах уже не струится, стынет вода.
Здесь никогда ничего не случиться,
О, никогда!
Ива на небе пустом расплстала
Ветер сквозной.
Может быть, лучше что я не стала
Вашей женой.
Память о солнце в сердце слабеет.
Что это? Тьма?
Может быть!... За ночь придти успеет Зима.*

(Анализ стихотворения Анны Ахматовой проведен на узбекском переводе)

Стихотворение, являясь изображением природы в конце осени и начале зимы, только дважды делает намек на то, что в сердце героя господствует осень. В первый раз мы это ощущаем, когда поэтесса говорит о памяти, где солнце слабеет. Образ солнца не олицетворяет физическое явление, распространяющее вокруг свет, а напротив — оно стынет. А это значит, что в душе поэта также происходит угасание чувств. Во второй строке «трава желтеет» душа сравнивается с полем, где жизнь постепенно угасает, она сродни природе, где трава желтеет неумолимо. Обычно в лирике желтый цвет олицетворяет лицо, пожелтевшее от горя и глубоких переживаний. «Угасли красные оттенки, остались на лице шафрановые краски...» (А. Навои «Чудеса молодости», — 394 с.). А. Ахматова для полного раскрытия этого качества, углубляя его значение использует его как символ души.

Следующие строки стихотворения еще больше обостряют это состояние: не только снег, но и ветер, бушующий в сердце, обещает сильный буран. Очевиден вопрос: откуда, в только, что пожелтевшей душе снег? Мы уже отмечали, что речь идет о последних днях осени. Поэтесса употребляет сочетание «первый снег». Наступает зима. Переживания души идут в унисон с погодными условиями. Небо заволакивают тучи. Это намек, что весь внутренний мир героя обволакивается темными предчувствиями. Речка покрылась льдом, заглохли песни птиц, оголились деревья. Все говорит об омертвелой душе. Следующие слова: «Может быть лучше, что я не стала Вашей женой» проясняют, что увядание природы — это не столько относится к осеннему пейзажу, сколько к внутреннему состоянию героя. С самого начала стих навеивает тоску. Но внутри этой грусти пробивается маленький лучик надежды — света. Лирический герой старается успокоить себя тем, что «не стала вашей женой». То есть, говоря словами Миркарима Осима «ищет луч света во тьме». За следующей строкой повторяется первая,

и взволнованный голос поэтессы восклицает: «Что это? Тьма?» Лирический герой вроде спокоен, так как приход зимы констатирует очень спокойно. Образ холодной, заснеженной зимы у Ахматовой проходит как символ тоски, разлуки, грусти. Это наблюдается во многих стихотворениях поэтессы. Как отмечает поэт Хуршид Даврон: «В ее характере в состоянии покоя скрыты волны сильной бури» Действительно, какое бы стихотворение Ахматовой мы не читали нас, окутывает грусть, покой и тишина. Но в какое — то мгновение нас пронзает мысль, возбуждающая сердце. Словно это именно та буря, о которой говорил Х. Даврон.

Обратимся к поэзии узбекской поэтессы Зульфийи. При чтении ее стихов нас одолевает страсть и сила. Появляется чувство борьбы и сопереживания. За этим кроется едва уловимое чувство грусти и печали. В творчестве этих двух великих женщин можно найти общность, схожесть в описании природы, времен года, рассвета, дня, вечера.

Остановимся на вопросе о роли природы в творчестве Зульфийи. В отличие от Анны Ахматовой в ее поэзии времена года описываются последовательно, в приподнятом настроении. Например, проанализируем следующий отрывок из ее стихотворения «Твой рассвет»:

*На снегу гарцует январь,
На снегу серебро луны.
Ты спишь, на твоём широком лбу
Сверкает улыбка судьбы
Ты спишь, январский мороз
В ход пустил умелые руки
Приветствуя тебя, на окне
Нарисовал нежнейшие нарциссы.*

Поэтесса изящным рисунком создает образ зимы, находя в нем наслаждение и упоение счастьем. Если в поэзии Анна Ахматова олицетворяются грусть (Сердце мучает разлука, печаль и снег всю зиму давил тяжестью большой), а в поэзии Зульфийи снег — это символ чистоты и надежды. Цветок, нарисованный январским морозом на окне, говорит о светлом мировидении поэтессы. Увидеть в лютном морозе нечто удивительно прекрасное — это талант.

В стихотворении поэтессы «Разлука» она описывает осенний холодный вечер. Название — разлука, объект изображения — осень, тема — разлука с любимым. Но лирический герой горд как созданный им образ. Он верит, после разлуки будет встреча, что у лютотой зимы есть жаркое лето. Это стихотворение было написано в 1942 году, и для женщин, проводивших на войну мужей, оно было большой опорой. «Тает снег» — это стихотворение из пейзажной лирики. В стихотворении «Золотая осень» воспеваются и золотые дни. Лирический герой, признаваясь в любви к осени дает пояснение этому великому чувству. Поэта привлекают и дождливый вечер, и солнечное утро, бархатная природа, разноцветная одежда деревьев, покрытые золотом сады, желтеющая трава, переливы серебряного хлопчатника, танцы белых

журавлей. Несмотря на то что в поэзии не только А. Ахматовой но и других талантливых писателей осень олицетворяет увядание, безверие. В поэзии Зульфий — это время года изображается совершенно по-другому. Она писала:

*Я не смотрю печально-
В душе моей весна,
И не устаю глядеть
На желтую листву...*

«Стремление к свету — это самое большое желание сильной личности и литературные герои так же используют этот источник» — отмечает литературовед Улугбек Хамдам. Или вспомним слова поэта Миртимира: «Свет для глаз моих, свет для слов моих, душе своей прощу с рассвета...»

Литература:

1. Гегель, В.П. Эстетика. В 4-х, Т. 1, — М., 1971. — с. 355.
2. Навои, А. «Чудеса молодости», — 394 с.
3. Зульфийа. «Твой рассвет».

В большинстве своих произведениях Зульфийа придерживается этой тенденции, но из всего вышеуказанного не надо делать скоротечных выводов, что поэзия Анны Ахматовой соткана из духа пессимизма. В ее поэзии невидимая луна проливает лучи надежды, это чувствуется в каждом душевном переживании поэтессы:

Например, в стихотворениях, где центральным объектом является сердце:

*«Да ты очень устало,
Мою душу пронзила печаль
Знаешь я читала —
Душа не умирает никогда»*

Обе поэтессы умели передать самые тонкие душевные переживания в соответствии с природой.

Иностранные заимствования как способ пополнения словарного состава современного китайского языка

Казарян Арегназ Арсеновна, студент;

Демина Алена Владимировна, студент

Хоречко Ульяна Викторовна, кандидат филологических наук, доцент
Национальный исследовательский Томский политехнический университет

Китайский язык обладает продолжительной историей. На протяжении многих веков он неоднократно изменялся. Одни слова уходят из общего употребления, на смену им приходят новые слова и выражения, которые являются результатом развития различных аспектов жизнедеятельности человека, появления новых реалий.

Существуют различные способы пополнения словарного запаса языка, иностранное заимствование один из таких способов: заимствование (иностранное) — полное или частичное использование лексических единиц других языков.

Ранее в статьях мы уже касались вопроса пополнения лексики китайского языка иностранными заимствованиями: «Способы и источники заимствований в терминологической лексике китайского языка (на примере лексики нефтегазовой отрасли)» [1]; «Русские и английские заимствования в китайском языке» [2]; «Образование терминов в китайском языке путем семантического заимствования на примере отрасли производства полимерной продукции» [3]; «Образование терминов в китайском языке путем полного заимствования на примере отрасли производства полимерной продукции» [4].

В течение всей длительной истории существования китайского языка, в его состав проникало большое количество иноязычных элементов. Однако нельзя сказать, что такой способ пополнения словарного запаса языка является отрицательным фактом, наоборот, он обогащает язык, делает его более емким и выразительным. Стоит отметить, что иностранные лексические единицы, когда входили в китайский язык, подвергались переоформлению так, чтобы соответствовать внутренним законам его развития, они изменяли звуковой состав в соответствии с его фонетической системой, если они имели в своем составе звуки, не характерные для китайской фонетической системы.

Несмотря на тот факт, что количество иностранных заимствований в китайском языке с каждым днем возрастает, оно все же остается не велико. Это объясняется двумя причинами: во-первых, существованием в течение долгого периода времени феодального строя, вследствие этого относительная замкнутость, закрытость Китая; во-вторых, лингвистическими причинами (строй языка, иероглифическая письменность).

Существует пять типов иностранного заимствования: фонетические заимствования, семантические заимство-

вания, семантически-фонетические заимствования, фонетически-семантические заимствования, фонетические заимствования с родовым словом. [7, с. 210]

1) Фонетические заимствования

Суть данного типа заимствования заключается в передаче звучания иноязычного элемента. В китайском языке иноязычные элементы могут быть односложными, однако, большинство фонетических заимствований многосложные. В среднем число слогов (на письме иероглифов), которое представляет звучание иноязычного слова, не превышает пяти. В большинстве случаев в китайском языке фонетический способ заимствования является более предпочтительным, чем другие. В случаях, когда для передачи иноязычного слова семантический способ неточно и недостаточно полно передает его значение, фонетический способ является единственным решением. [7, с.211]

2) Семантические заимствования

Семантический способ. Специфика китайского языка (иероглифическая письменность, фонетическая система, слоговый характер) объясняет тот факт, что при переводе иностранных слов часто происходит переход не только от семантических заимствований к фонетическим, но и наоборот.

3) Семантически-фонетические заимствования

Гибридный способ семантически-фонетического характера: китайская морфема + фонетическое заимствование. [7, с. 211]

4) Фонетически-семантические заимствования

Гибридный способ фонетически-семантического характера: фонетическое заимствование + китайская морфема. Ввиду ограниченного количества слогов в китайском языке один и тот же иероглиф может использоваться для записи нескольких иностранных слов. [7, с.212]

5) Фонетические заимствования с родовым словом

Способ, при котором фонетическое заимствование соединяется с родовым словом. Последнее выступает как классифицирующий компонент. Спецификой фонетических заимствований в китайском языке является стремление сделать их более понятными, ясными и для этого ввести их в определенные семантические классы слов. [7]

Также следует отметить факт появления новых значений у старых слов под влиянием иностранной культуры, заимствованию реалий и понятий из жизни других стран. Так, например, в новой китайской лексике широко представлено такое явление, как превращение в аффиксы сегментов заимствованных слов (префиксы 超 chāo «супер-», 超级 chāoji «ультра-»).

Для того чтобы выявить как используются иностранные заимствования в китайском языке нами был выбран «Учебник разговорного китайского языка для делового языка». Для анализа был взят краткий словарь из данного учебника. Было проанализировано 42 слова и словосочетания.

В результате анализа и систематизации данных можно сделать вывод о том, что: во-первых, наиболее часто

встречаются слова, образованные семантическим способом, способом, при котором фонетическое заимствование соединяется с родовым словом и фонетическим способом. Во-вторых, согласно данным, среди проанализированных слов наиболее часто встречаются имена существительные (20), затем прилагательные (11) и глаголы (11).

Фонетический способ

诺浩 nuò hào — «ноу-хау» (от англ. «know how»); 尼龙 nílóng — нейлон (от англ. Nylon); 系列 xīliè — серия (от англ. Series); 拖拉机 tuōlājī — трактор (от русск. Трактор); 波音公司 bōyīn gōngsī — компания «Боинг» (от англ. Boeing); 澳大利亚 Àodàliyǎ — Австралия (от англ. Australia); 宏大 hóngdà — огромный, грандиозный (от англ. Huge — огромный, гигантский); 培训 péixùn — подготавливать (от англ. prepare)

Фонетически-семантический способ

纳霍德卡港 Nà huòdé kǎ gǎng — порт Находка (от русск. Находка; 港 gǎng — порт); 卡玛兹车 kǎ mǎ zī chē — грузовик «КАМАЗ» (от русск. КАМАЗ; 车 chē — машина, транспортное средство); 吨位 dūn wèi — тоннаж (吨 dūn — от англ. Ton).

С родовым словом

行业 Hángyè — ремесло, отрасль (行 — строка; 业 — промышленность); 工业 gōngyè — промышленность, промышленный, индустриальный (工 — ремесло, промышленность; 业 — работа, занятие, профессия); 农业 nóngyè — сельское хозяйство (农 — земледелие; 业 — работа, занятие, профессия); 厨师 chúshī — повар (厨 — кухонный, кулинарный; 师 — суффикс для обозначения должности, профессии); 船舶 chuánbó — суда, флот (船 — корабль, судно, лодка; 舶 — океанский пароход, судно); 新颖 xīnyǐng — новый, свежий, оригинальный (新 — новый, свежий); 要紧 yào jīn — важный, срочный (要 — необходим, нужен; 紧 — срочный, неотложный); 防潮 fàng cháo — влагостойкий, влагозащитный (放 — предотвращать, предохранять, предупреждать; 潮 — сырость, влажность); 放湿 fàng shī — водонепроницаемый, гидроизолирующий (放 — предотвращать, предохранять, предупреждать; 湿 — мокрый, влажный); 防震 fàng zhèn — противоударный, амортизирующий (放 — предотвращать, предохранять, предупреждать; 震 — сотрясать, трясти); 面谈 miàntán — лично беседовать (面 — лицо; 谈 — беседовать, разговаривать); 生产 shēngchǎn — производить, производство (生 — родиться, появляться, существовать; 产 — производство, продукция, продукт (родовое слово)); 收集 shōují — собирать (收 — собирать, принимать; 集 (会) — собираться, собраться); 扯开 chě kāi — вырывать, отрывать (扯 — тащить, дергать; 开 — начинать, открывать); 持续 chíxù — длиться, продолжаться (持 — держаться, удерживаться в равновесии; 续 — продолжаться).

Семантический способ

航天Hángtiān — космонавтика, космический (航 — воздухоплавание, воздушный; 天 — небесный, астрономический); 航空hángkōng — авиация, авиа — (航 — воздухоплавание, воздушный; 空 — воздушный, свободный); 货运huòyùn — грузовые перевозки (货 — товар, груз, предмет; 运 — перевозить, транспортировать); 货船huòchúan — торговое судно (货 — товар, груз, предмет; 船 — корабль, судно, лодка); 专利zhuānlì — патент (专 — особый, специальный; 利 — польза, выгода); 精彩jīngcǎi — красочный, яркий, эффектный (精 — очень, крайне, весьма; 彩 — цвет, раскраска); 科技kējì — научно-технический (科 — наука, научный; 技 — техника); 最终zuìzhōng — крайний, последний (最 — самый; 终(极) — конечный); 好客hàokè — гостеприимный (好 — хороший; 客 — гость); 科研kēyán — научно-исследовательский (科 — наука, научный; 研 — исследовать, изучать); 着火zháohuǒ — загореться, гореть (着 — начинать действие; 火 — огонь); 落

头luò tóu — реализовать, провести в жизни, осуществить (落 — получиться, достигнуть; 头 — осуществлять); 建成jiànchéng — образоваться, построить, создать (建 — строить, сооружать, воздвигать; 成 — заканчиваться успехом, завершаться); 咋舌zèshé — онеметь, проглотить язык, потерять дар речи (咋 — прикусить; 舌 — язык); 开幕kāimù — поднять занавес, открыть, открытие, начало (开 — открыть; 幕 — занавес).

Таким образом, на основе проанализированного материала, можно прийти к следующим выводам. Во-первых, наиболее часто используются слова, образованные семантическим способом, затем способом, при котором фонетическое заимствование соединяется с родовым словом и фонетическим способом. Более того, было выявлено, что чаще всего заимствованные слова являются существительными, это объясняется тем, что существительные отражают предметы и объекты действительности, и одна из основных функций неологизмов — обозначение новых предметов или выражение новых понятий.

Литература:

1. Способы и источники заимствований в терминологической лексике китайского языка (на примере лексики нефтегазовой отрасли) [Текст] / Е. А. Яковлева [и др.] // Молодой ученый. — 2015. — № 9. — с. 1451–1454.
2. Болсуновская, Ю. А. Русские и английские заимствования в китайском языке [Текст] / Ю. А. Болсуновская, Т. У. Матназаров, Л. М. Болсуновская // Молодой ученый. — 2015. — № 8. — с. 1099–1101
3. Лебедева, И. О. Образование терминов в китайском языке путем семантического заимствования на примере отрасли производства полимерной продукции [Текст] / И. О. Лебедева, А. Э. Сенцов, У. В. Хоречко // Молодой ученый. — 2015. — № 7. — с. 962–965.
4. Лебедева, И. О. Образование терминов в китайском языке путем полного заимствования на примере отрасли производства полимерной продукции [Текст] / И. О. Лебедева, А. Э. Сенцов, У. В. Хоречко // Молодой ученый. — 2015. — № 7. — с. 960–962.
5. Дмитриев, С. Н. Китайско-русский словарь. — М., 2008.
6. Дмитриев, С. Н. Краткий китайско-русский и русско-китайский словарь. — М., 2010.
7. Семенас, А. Л. Лексика китайского языка [текст]: монография / Семенас А. Л. — М., 2007. — с. 314.

Словообразование как способ пополнения словарного состава современного китайского языка

Казарян Арегназ Арсеновна, студент;

Демина Алена Владимировна, студент

Хоречко Ульяна Викторовна, кандидат филологических наук, доцент
Национальный исследовательский Томский политехнический университет

Мы продолжаем цикл работ, посвященных проблемам словообразования в китайском языке; среди основных: «Особенности образования терминов и терминологических сочетаний нефтедобывающего оборудования (на примере китайского языка)» [5]; «Словообразовательные модели интернет-коммуникации в китайском языке» [6]; «Образование терминов в китайском языке путем семантического заимствования на примере отрасли производства полимерной продукции» [7]; «Обра-

зование терминов в китайском языке путем полного заимствования на примере отрасли производства полимерной продукции» [8]; «Лексические особенности научно-популярных статей на китайском языке (на примере сферы солнечных технологий)» [9]; «Семантическая дифференциация словарного состава на материале терминов генеалогического родства китайского и русского языков» [10] и др.

Лексика любого языка имеет тенденцию к обновлению, китайский язык не исключение. Начиная с XX века,

в Китае происходят активные изменения в различных сферах деятельности. Такие изменения китайского общества отражаются в лексике языка, вследствие чего появляется огромное количество новых слов. Новые слова и выражения, появляющиеся с развитием науки, техники, культуры и других аспектов жизнедеятельности человека, называются неологизмами (в китайском языке — 新词语) [1, с. 105]. В китайском языке существует ряд способов пополнения словарного состава языка, рассмотрим такой способ, как словообразование.

Образование новых лексических единиц на базе родного языка путем использования разных способов словообразования является основным источником пополнения словарного запаса языка. Подавляющее число неологизмов — производные слова, что объяснимо: гораздо легче использовать уже имеющиеся модели и элементы, чем создавать новый фонетический комплекс, который не имеет внутренней мотивированности значения. Значительное количество неологизмов создается по случаю общественными деятелями, писателями, журналистами.

С развитием общества, экономики, науки и техники появляется большое количество новых предметов, явлений, которые требуют своего наименования. Однако для передачи нового значения совсем не обязательно создавать новый звуковой комплекс. Распространены такие случаи, когда сохраняется форма старого слова, однако у него появляется новое значение.

Как правило, неологизмы в китайском языке являются многосложными словами, принимая вид двуслогов, трехслов и четырехслов. Далее рассмотрим каждый из этих типов.

1) Двуслоги

- Существительное + существительное
- Прилагательное + существительное
- Глагол + существительное
- Числительное + существительное
- Существительное + глагол [4, с.241]

2) Трехслоги

– Центральным компонентом формально является односложный, причем могут быть следующие варианты:

1. Первый двусложный именной компонент поясняет второй односложный.

2. Первый двусложный глагольный компонент поясняет второй односложный.

3. Первый двусложный компонент прилагательное поясняет второй односложный именной.

1) два существительных + еще одно существительное

2) прилагательное + существительное

3) имя существительное + глагол + имя существительное

4) числительное + счетные слова + имя существительное

5) прилагательное/глагол + имя существительное

– Двуслог, выступающий формально в качестве центрального компонента:

1. Односложный компонент-прилагательное определяет двусложный именной компонент.

2. Первый именной компонент определяет, уточняет второй именной двусложный компонент [4, с.242].

3) Четырехслоги

– Субъектно-предикативная конструкция

– Конструкция с подчинительной связью

– Парная конструкция

Для того чтобы определить использование неологизмов, которые образованы путем словообразования из существующих единиц были взяты первые четыре урока из учебно-справочного пособия «Достопримечательности Пекина». Нами было проанализировано 50 слов и словосочетаний, среди которых было 27 существительных, 10 прилагательных, 10 глаголов и 5 наречий.

Нами была проведена систематизация количества неологизмов, по которой можно сделать вывод о том, что: во-первых, наиболее распространенным типом образования неологизмов являются двуслоги (20). Далее, по убыванию, были найдены трехслоги (12), неологизмы с родовым словом (11) и четырехслоги (9). Во-вторых, все данные неологизмы были разделены по частям речи. Наибольшее количество проанализированных неологизмов — существительные (27), затем — глаголы (10) и прилагательные (10). Наименьшее количество неологизмов — наречия (5).

Двуслоги

水域 Shuǐyù — водное пространство (水 — вода; 域 — область)

城楼 chénglóu — башня городской стены (城 — здание, башня; 楼 — город)

集会 jíhuì — собрание, митинг (集 — собирать; 会 — встреча, собрание)

开国 kāi guó — образование государства (开(始) — начало, начинать; 国 — государство)

外敌 wàidí — внешний враг (外-внешний, вне; 敌(人) — враг)

条石 tiáo shí — брусчатка (条 — камень; 石 — полоска, продольный)

仲秋 zhòngqiū — середина осени (秋 — осень; 仲 — середина)

离宫 lígōng — походный дворец (离 — дворец; 宫 — отстоять от)

传说 chuánshuō — предание, легенда (传 — передавать, сообщать; 说 — говорить, сказать)

群山 qún shān — горный массив ((人) 群 — толпа, группа, скопище; 山 — гора)

陈旧 chénjiù — старинный, ветхий (陈 — старый, залежалый, выдержанный; 旧 — старый)

新婚 xīnhūn — новобрачный, свадебный (新 — новый; 婚 — брак)

洁白 jiébai — белоснежный (洁(净) — чистый, чистота; 白 — белый)

小巧 xiǎoqiǎo — тонкий, изящный (小 — искусный, умелый; 巧 — маленький, небольшой)

名贵 míngguì — знаменитый (贵 — дорогой; знатный)

水晶shuǐjīng — хрустальный (水 — вода; 晶 — кристалл)

飞舞fēiwǔ — порхать (飞 — летать; 舞 — танцевать)

收藏shōucáng — коллекционировать, хранить, собирать (藏 (书) — собирать книги; 收 — принимать, получать)

在外zàiwài — за границей (在 — в; 外 — внешний, вне)

曝内bào nèi — в границах, в пределах (曝 — граница, рубеж; 内 — внутри, внутренний)

Трехслоги

足球场Zúqiú chǎng — футбольное поле (足球 — футбол; 场 — поле)

见证人jiànzhèng rén — очевидец, свидетель (见证 — видеть; 人 — человек)

护城河hùchéng hé — городской ров ((保) 护 — защищать; 城河 — ров)

指挥家zhǐhuī jiā — командир (指挥 — направлять, руководить; 家 — (здесь) суффикс для обозначения профессии, должности)

外沿墙wài yán qiáng — наружные стены (外沿 — внешний, вне; 墙 — стена)

中轴线zhōng zhóuxiàn — центральная ось (中 — центр, центральный; 轴线 — ось)

花岗岩huāgāngyán — гранит (花 — цветной; 岗岩 — каменный)

石像生shíxiàng shēng — памятник (石像 — камень)

紫红色zǐ hóngsè — пурпурный, багрово-красный цвет (紫 — фиолетовый; 红 — красный; 色 — цвет)

实心圆shíxīn yuán — круглый (圆 — вокруг, круглый)

无意中wúyì zhōng — нечаянно (无意 — без намерения)

Четырехслоги

人文景观Rénwén jǐngguān — этнографический ландшафт (景观 — ландшафт)

人力物力rénlì wùlì — людские и материальные ресурсы (人 — человек; 力 — сила; 物 — вещь)

平民百姓píngmín bǎixìng — народ, простолюдины (民 — народ; 百姓 — простые люди)

日趋完善rìqū wánshàn — с каждым днем становится все совершеннее (日 — день; 趋 — тело)

向然而异xiàng rán'ér yì — резко отличаться (向然 — резко отличаться; 异 — различие)

发号施令fāhàoshìlìng — отдавать приказы (命令 — приказ)

流连忘返liúliánwàngfǎn — позабыть обо всем на свете (流连 — увлечься, предаться чему-либо; 忘 — забывать)

著称于世zhùchēng yú shì — славиться в мире (著称 — славиться; 于世 — мир)

占为己有zhàn wéi jǐ yǒu — прибрать к рукам, присвоить (占有 — владеть, владение; 己 — свой)

С родовым словом

皇室Huángshì — императорский дом (皇 (帝) — император; 室 — комната)

民主mínzhǔ — демократия, демократический (民 — народ; 主 — суффикс)

祖国zǔguó — родина (国 — страны, государство; 祖 — родовой, стародедовский, потомственный)

宴会厅yànhuì tīng — банкетный зал (厅 — зал; 宴会 — банкет, пир, званый обед)

地宫dìgōng — мавзолей (под землей) (宫 — дворец; 地 — земля)

瑰丽guīlì — чудесный, красивы (丽 — красивый, пышный, прекрасный)

精美jīngměi — изящный, прекрасный (美 — красивый, прекрасный)

当作dàng zuò — служить (в качестве кого-либо) (当 — быть; 作 — делать, работать)

重新chóngxīn — заново, вновь (新 — новый; 重 (复) — повторять, повторение)

难以nányǐ — трудно, невозможно (难 — трудный, сложный)

На основе проанализированного материала, можно сделать вывод о том, что самыми распространенными неологизмами являются двусложные. Менее распространенными являются трехсложные и четырехсложные неологизмы. Хотя в современном китайском языке прослеживается тенденция появления неологизмов большей количественной структуры, что связано с информационной нагрузкой значения слова. Также на основе данных текстов было выяснено, что чаще всего неологизмы — существительные.

Литература:

1. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов — М.: «Советская энциклопедия», 1969. — 608 с.
2. Дмитриев, С. Н. Китайско-русский словарь. — М., 2008.
3. Дмитриев, С. Н. Краткий китайско-русский и русско-китайский словарь. — М., 2010.
4. Семенас, А. Л. Лексика китайского языка [текст]: монография/ Семенас А. Л. — М., 2007. — 314с.
5. Хафизова, Л. И. Особенности образования терминов и терминологических сочетаний нефтедобывающего оборудования (на примере китайского языка) [Текст] / Л. И. Хафизова, У. В. Хоречко // Молодой ученый. — 2015. — № 10. — с. 1447–1450.
6. Матназаров, Т. У. Словообразовательные модели интернет-коммуникации в китайском языке [Текст] / Т. У. Матназаров, У. В. Хоречко, Л. М. Болсуновская // Молодой ученый. — 2015. — № 8. — с. 1139–1141.
7. Лебедева, И. О. Образование терминов в китайском языке путем семантического заимствования на примере отрасли производства полимерной продукции [Текст] / И. О. Лебедева, А. Э. Сенцов, У. В. Хоречко // Молодой ученый. — 2015. — № 7. — с. 962–965.

8. Лебедева, И. О. Образование терминов в китайском языке путем полного заимствования на примере отрасли производства полимерной продукции [Текст] / И. О. Лебедева, А. Э. Сенцов, У. В. Хоречко // Молодой ученый. — 2015. — № 7. — с. 960–962.
9. Сенцов, А. Э. Лексические особенности научно-популярных статей на китайском языке (на примере сферы солнечных технологий) [Текст] / А. Э. Сенцов, А. А. Чубинец, У. В. Хоречко // Молодой ученый. — 2015. — № 6. — с. 837–839.
10. Боровская, А. В. Семантическая дифференциация словарного состава на материале терминов генеалогического родства китайского и русского языков [Текст] / А. В. Боровская, А. А. Казарян, А. В. Ручина // Молодой ученый. — 2014. — № 15. — с. 391–394.

Особенности и примеры использования иностранных слов в китайском языке

Каменева Анастасия Сергеевна, студент

Национальный исследовательский Томский политехнический университет

Данков Артем Георгиевич, доцент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Хоречко Ульяна Викторовна, кандидат филологических наук, доцент

Национальный исследовательский Томский политехнический университет

Мы продолжаем тему заимствований в китайском языке, предложенную нами ранее для обсуждения в следующих статьях: «Способы и источники заимствований в терминологической лексике китайского языка (на примере лексики нефтегазовой отрасли)» [9], «Русские и английские заимствования в китайском языке» [10], «Образование терминов в китайском языке путем семантического заимствования (на примере отрасли производства полимерной продукции)» [11], «Образование терминов в китайском языке путем полного заимствования (на примере отрасли производства полимерной продукции)» [12] и др.

Каждый язык является уникальным источником значений слов для понимания, описания и выражения действительности, однако все языки взаимосвязаны своим происхождением и способами заимствованиями. Каждый день в мире появляется и развивается множество новых технологий, откуда возникают новые понятия, названия, которые заимствуются из языка в язык, практически не меняя своего произношения. И китайский язык не исключение, в нем также изо дня в день появляются новые заимствования. Изучая тенденции современного китайского языка, можно заметить, что отнюдь не последнюю роль в нем играет именно вопрос о заимствованиях, вопрос о словах иностранного происхождения в составе китайского языка.

Причины заимствования новых слов разнообразны, но можно выделить несколько основных, ими являются: необходимость обновления лексической системы, а значит и потребность в выражении новых значений, которых с каждым днем становится все больше и больше; также определенную роль в данном процессе играют веяния времени, популярность и мода на иностранные слова.

Среди способов заимствования можно выделить основные: фонетический (при фонетическом способе заимствования воспроизводится внешняя форма, звуковая оболочка иностранного слова) — 咖啡 Kāfēi «кофе»; 幽默 Yōumò «юмор» [6, с.213]; гибридный (способ, при котором фонетическое заимствование соединяется с родовым словом) — 啤酒 (англ. Beer + jiǔ «вино») «пиво»; 伏特加酒 (русская водка + jiǔ «вино») «водка» [6, с.227]; семантический способ (при котором из лексических элементов китайского языка создаются заимствования, в связи с чем, по звуковой и графической форме эти слова ничем не отличаются от исконно китайской лексики) — 马力 Mǎlì лошадь + сила = лошадиная сила; 国际法 Guójìfǎ международный + право = международное право; 观点 Guāndiǎn взирать + точка = точка зрения. [7, с.147]

В период всемирной глобализации китайский язык развивается крайне быстро, в нем изо дня в день появляются новые заимствованные слова, которые отображают события, происходящие в мировой жизни, новые товары и продукты, появляющиеся на мировом рынке. Способы заимствования, используемые для обозначения этих слов, абсолютно разные, как чисто фонетические, например, названия марок машин (Bentley 宾利), так и семантические, например, 国际人 — международный субъект права (государство) (国际 — международный, 人 — субъект). Но какие способы заимствования являются самыми востребованными на сегодняшний день? Мы предприняли попытку анализа текста «科学技术合作» [5, с.137] на наличие в нем иностранных заимствований, все найденные заимствования распределили по группам в зависимости от рассматриваемого аспекта.

В итоге, было выявлено 46 иностранных заимствований. Найденные заимствования были рассмотрены

следующим образом: в первую очередь было выявлено количество заимствований по частям речи, а потом количество заимствованных элементов — в зависимости от способа их заимствования. В количественном аспекте это выглядит следующим образом: из 46 заимствований: 27 являются существительными (诺浩 «ноу-хау»; 系列 серия; 货运 грузовые перевозки), 13 глаголами (贡献 делать (вносить) вклад; 建议 вносить предложение; 合作 сотрудничать; 落实 реализовать) и 6 прилагательными (发达 высокоразвиты; 科研 научно-исследовательский; 宏大 огромный, грандиозный). Существительные стали самой продуктивной частью речи для образования новых слов в проанализированном нами тексте.

Самым распространенным способом образования новых слов в данном тексте оказался семантический, на наш взгляд, это связано с исключительной продуктивностью этого способа заимствования. Семантический способ является основным способом создания новых слов, как в прошлом, так и теперь, занимает доминирующее положение и играет ведущую роль в системе китайского словообразования. Примерами найденных заимствований могут служить следующие слова: 科学 наука; отрасль науки; научный (科 «дисциплина, отрасль» + 学 «наука, знание; учёность, эрудиция, образованность»); 技术 техника; специальные знания (技 «ремесленник; мастер» + 术 «искусство, техника; мастерство»); 国民 народ, нация; народный, национальный (国 «государство, держава» + 民 «государственный народ; нация; народный, национальный»).

На втором месте находится способ, при котором фонетическое заимствование соединяется с родовым словом,

например 人员 сотрудники (учреждения); личный состав; штат (人 человек + родовое слово для сотрудников 员); 生产 производить; производиться; производство (生 «родиться, появляться на свет; жить, существовать» + родовое слово 产 «производство, продукция; продукт»).

Третье место занимает фонетический способ заимствования, причем, основываясь на данном тесте, преимущественная часть слов заимствована из русского языка. Это связано с тем, что взятый для анализа учебник ориентирован в первую очередь на русских студентов: 图波列夫设计局 Tú bō liè fū shè jì jú от рус. КБ имени Туполева; 伊留申设计局 Yī liú shēn shè jì jú от рус. КБ имени Ильюшина; 伊尔76 Yī ěr 76 от рус. Ил-76.

Что касается гибридного способа, — в данном тексте слов, образованных этим способом, не было выявлено, что мы связываем с тем фактом, что гибридный способ образования новых слов менее распространен в деловой сфере.

Таким образом, подводя итог всему вышесказанному, можно сделать вывод о том, что китайский язык в настоящее время развивается быстрыми темпами, заимствуя все больше слов из иностранных языков. Однако, факт того, что семантический способ является самым распространенным способом заимствования, свидетельствует о том, что заимствованные слова не бездумно входят в речь китайского народа, а проходят определенные преобразования, становясь более похожи на исконные слова китайского языка, и уже потом входят в обиход и начинают широко использоваться, именуя новые предметы и явления, появившиеся в мире и непосредственно пришедшие в Китай.

Литература:

1. Горелов, В. И. Стилистика китайского языка [Текст]: монография / В. И. Горелов. — М.: Наука, 1973. — 112 с.
2. Иванов, В. В. Терминология и заимствования в современном китайском языке. [Текст]: монография / В. В. Иванов. — М.: 1973. — 176 с.
3. Китайско-русский словарь. — Исправленное издание. — М., Вече, 2008. 1280 с.
4. «Китайско-русский словарь новых слов и выражений» под редакцией Семенас А. Л. И Бурова В. Г. [Текст]
5. Китайский язык для делового общения / Г. Я. Дашевская, А. Ф. Кондрашевский. 4-е изд. — М.: АСТ: Восток — Запад, 2007. — 351 с.
6. Лексика китайского языка / А. Л. Семенас. — 2-е изд., стер. — М.: АСТ: Восток-Запад, 2005. — 310 с.
7. Лексикология китайского языка: Учеб. Пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2103 «Иностр. яз». — М.: Просвещение, 1984. — 216 с.
8. Семенас, А. Л. Новые тенденции в развитии китайской лексики [Текст]: монография / А. Л. Семенас. — М.: Общее и восточное языкознание, 1999. — 312 стр.
9. Семенас, А. Л. Лексика китайского языка [Текст]: монография / А. Л. Семенас. — М.: Восток-Запад 2005. — 288 с.
10. Способы и источники заимствований в терминологической лексике китайского языка (на примере лексики нефтегазовой отрасли) [Текст] / Е. А. Яковлева, У. В. Хоречко [и др.] // Молодой ученый. — 2015. — № 9. — с. 1451–1454.
11. Болсуновская, Ю. А. Русские и английские заимствования в китайском языке [Текст] / Ю. А. Болсуновская, Т. У. Матназаров, Л. М. Болсуновская // Молодой ученый. — 2015. — № 8. — с. 1099–1101.
12. Лебедева, И. О. Образование терминов в китайском языке путем семантического заимствования на примере отрасли производства полимерной продукции [Текст] / И. О. Лебедева, А. Э. Сенцов, У. В. Хоречко // Молодой ученый. — 2015. — № 7. — с. 962–965.
13. Лебедева, И. О. Образование терминов в китайском языке путем полного заимствования на примере отрасли производства полимерной продукции [Текст] / И. О. Лебедева, А. Э. Сенцов, У. В. Хоречко // Молодой ученый. — 2015. — № 7. — с. 960–962.

Эстетический идеал в современной узбекской поэзии и вопросы её толкования

Карамова Шохида Луфтиллаевна, кандидат филологических наук
Каршинский государственный университет (Узбекистан)

С тех времен, как появилась литература, её цель — служить благоденствию, остаётся неизменной. Времена меняются, обновляются форма и содержание литературы, но влияние её на человеческое сознание остаётся неизменной. Эстетический идеал, который проявляется через поэтическое мышление творца в художественной литературе, живет вместе с произведениями искусства, и это залог бессмертия художественного произведения.

Эстетический идеал является не только проблемой литературоведения, его также изучают искусствоведы, эстетики и философы, так как среди общих критериев эстетического идеала можно отметить мир воображения, стремление к совершенству, добрые помыслы. Непосредственно все вышесказанные помыслы, связанные с законами эстетики, подтверждает следующее высказывание: «Проявление образа в воображении писателя, его конкретная картина является основной сутью понятия эстетического идеала. Созидатель не только создает художественный образ, который соответствует эстетическим нормам, но и проявляет свою точку зрения по этому образу, то есть, или принимает, или отвергает его». Этот термин в литературоведение ввели немецкие ученые И. И. Винкельман, Г. Е. Лессинг, а такие ученые, как В. Г. Белинский, Н. А. Добролюбов доказали, что нельзя воспринимать эстетический идеал и жизненную правду как тождественные понятия.

Также следует отметить, что в научных исследованиях понятие эстетического идеала толкуется по-разному. В разделе «Эстетические категории литературы», второго тома «Теории литературы», понятие эстетического идеала рассматривается в кругу таких понятий, как «положительный герой», «идеальный герой», «идеальный образ», «понятие эстетики в литературе» и т.д. Проф. М. Кушжанов подтверждает следующее: «Идеальный герой — это такой образ, который отвечает на все требования передовых людей общества и включает в себе их качества», «Создание идеального героя является основным качеством нашей классической литературы. Когда Навои создавал образы Лейли и Меджнуна, любовь, которая воспевалась ими, несла в себе все качества общечеловеческого идеала. В образах Фархада и Ширин писатель показал не только истинную любовь, но и пытался совместить и требования передовой части общества о героизме».

А. Аكوпова, которая изучала проблемы художественного образа и эстетического идеала пишет следующее.

Надо отметить, что в русском литературоведении термин «эстетический идеал» научно не обоснован, и этот феномен используют смежно с различными научно-ли-

тературными понятиями. Такая же ситуация и в литературоведческих произведениях, написанных на узбекском языке. Это порождает вопрос о том, что мы должны понимать под термином «эстетический идеал».

Следует отметить, что все литературоведы единогласно подтверждают, что без эстетического идеала художественная литература существовать не может. Но в толковании этого понятия до сих пор нет единогласного мнения. А. Аكوпова, изучая произведения таких русских литературоведов как Н. Гей, В. Пискунов, Л. Н. Столович, В. Муриан, В. Ванслов, делает следующие выводы: «иктибосни асардан ёзинг». Она критикует мысли Н. Гея и В. Пискунова, которые рассматривают эстетический идеал как образ «положительного героя», мысля, таким образом, односторонне. Она соглашается с мнением, что эстетический идеал раскрывается во всех уровнях: в художественной действительности, в характерах героев, в поступках и деяниях образов. Понятие эстетического идеала нельзя рассматривать только с точки зрения таких понятий, как положительный герой, художественный образ или чисто эстетическое воображение.

Эстетический идеал создателя раскрывается на фоне произведений искусства и литературы. Это влияет на чувства читателя, его мышление, расширяет мир его воображения.

Эстетический идеал художественного произведения помогает осознать и развить свой идеал внутреннего мира человека. Как правило, реализация художественного идеала помогает человеку в достижении его целей. В обратном случае, не было бы потребности в написании и чтении произведений. Таким образом, эстетический идеал является основным фактором жизни культуры и литературы, а также того, как они принимаются в обществе.

Как проявляется эстетический идеал в художественных произведениях? Литературовед А. Аكوпова, объединяя все сказанное об эстетическом идеале, заключает следующее:

Значит, когда речь идет об эстетическом идеале, какого-либо писателя, надо иметь в виду следующее:

— время, когда проживал писатель, а также идейные, духовные, социально-экономические особенности этого периода. Например, художественное проявление эстетического идеала в узбекской поэзии 30-х, 50–60-х, 70–80-х годов XX века, а также в поэзии периода независимости, раскрывается в сопоставлении этих периодов;

— зависимость эстетического идеала от личности, мировоззрения, личных интересов, а также поэтического потенциала писателя и поэта. В творчестве создателей-современников эстетический идеал имеет связь;

— проблема отношения времени и создателя к критериям общечеловеческого эстетического идеала. В какой бы форме и в каком бы смысле не выражался эстетический идеал, в основе его всегда сохраняется любовь к человеку, и это является сутью понятия «эстетический идеал» [7].

Если идеалом искусства Античного периода и эпохи Возрождения было изображение физической, душевной, духовной красоты человека, то эстетическим идеалом эпохи Просвещения XVII–XVIII века было духовное просвещение человека. В творчестве таких русских, английских и французских писателей XIX века, как Бальзак, Диккенс, Гоголь, Пушкин, Некрасов, Тургенев эстетический идеал был направлен на защиту добродушных «маленьких» людей, на то, чтоб показать свое недовольство обществом, которое не достойно человека. На Востоке, в XV веке, который отмечают как золотой век узбекской литературы, эстетический идеал в творчестве Навои характеризуется романтической формой. В творчестве таких поэтов, как Муками, Завки, которые проживали во второй половине XIX века, когда литература приблизилась к реальной жизни, эстетический идеал показывает мечты, старания лирического героя. В первой четверти XX века, идеал просвещения выходит на передний план.

Проявление эстетического идеала в произведениях представителей литературы просвещения — это частный эстетически-литературный случай. В этот период художественное творчество приблизилось к общественной жизни; усилилось образное изображение идей свободы человека и Родины. В этом случае общечеловеческое значение национального стремления духовно возвысило представителей творчества. Эстетический идеал смыл межжанровые границы и обеспечил единое направление в мышлении.

В классической узбекской литературе, эстетический идеал — это образ духовно развитого человека, все литературные средства были направлены для описания его. Смысл, который раскрывается с помощью таких образов как Лейли, Меджнун, Фархад, Ширин и др., стали символами эстетического идеала. Герои XX века сняли с себя легендарные одежды и стали обыкновенными людьми, так как такими были требования времени, народа и общественной жизни.

Литература:

1. Қаранг: Хализев В. Е. Теория литературы. — М.: Высшая школа, 2002;
2. Ҳотамов, Н., Саримсоқов Б. Адабиётшунослик терминлари луғати. — Тошкент: Ўқитувчи, 1973. — Б.165, 359;
3. Эстетика. Словарь. — М.: Политиздат, 1989. — с. 97–98;
4. Қуроноф, Д. ва б. Адабиётшунослик луғати. — Тошкент: Akademhashg, 2010. — Б. 106–108.
5. Ҳотамов, Н., Саримсоқов Б. Адабиётшунослик терминларининг русча-ўзбекча изоҳли луғати. — Тошкент: Ўқитувчи, 1983. — Б. 129–130.
6. Қўшжонов, М. Адабиётда эстетик категориялар // Адабиёт назарияси. Икки томлик. 2-том — Тошкент: Фан, 1979. — Б.170.
7. Аюпова, А. Эстетический идеал и природа образа. — Ереван: Гитутюн, 1994. — С.6.

Понятие эстетического идеала в литературе и культуре непосредственно связано с категорией эстетики. «Мы знаем, что эстетика жизни проявляется по-своему, в каждом виде, жанре искусства и литературы». Но неправильно было бы думать, что в объекте искусства и литературы описывается и воспевается только красота. В таком случае, литература и искусство отдалится от реальной жизни и станет непонятным. Поэтому, в зависимости от эстетических вкусов, мировоззрения людей, времени, отношение к воспеванию красоты может быть разным. Эстетический идеал — это не только воспевание красоты, но и отражение трудных, горестных периодов в художественной литературе. Борьба добра и зла в жизни и в душе человека является главным объектом литературы. Эстетический идеал всегда являлся путеводной звездой в этой борьбе, ведя людей за собой [7].

Мы знаем, что проблема лирического героя является одной из нерешенных задач литературоведения. Если, в большинстве случаев, «внутренние Я» писателя и поэтического образа, который описывается в поэтическом произведении, совпадают, то иногда они могут и различаться. В эпических произведениях образ проявляется немного иначе: тут изобразить события, человека, предмет намного легче, чем в лирических произведениях. Эстетический идеал играет важную роль в определении природы, состояния героя.

В заключение, нужно сказать, что эстетический идеал в лирике проявляется с помощью художественных образов, и он тесно связан со смыслом произведения. Его изображают тремя способами:

- А) с помощью лирического описания, которое проявляет поэтический текст;
- Б) с помощью чувств, которые пробуждают лирическое описание;
- В) с помощью образов, которые превращают чувства в художественное произведение.

Лирическое описание играет важную роль, так как оно доносит эстетический идеал до души читателя.

Писатель, поэт, драматург всегда выбирает героев, исходя из эстетического идеала, жизни, реальности. Зная разнообразность реальности, жизненных ситуаций, он подбирает героев, опираясь на свой эстетический идеал.

Лингвопоэтические проблемы перевода на узбекский язык поэмы А. С. Пушкина «Бахчисарайский фонтан»

Кенжаев Аваз Латипович, преподаватель;

Турдиева Рано Ускановна, преподаватель

Джизакский государственный педагогический институт имени А. Кадыри (Узбекистан)

В статье освещается своеобразие сопоставительно-типологического аспекта перевода А. С. Пушкина «Бахчисарайский фонтан», выполненного узбекским поэтом-переводчиком Хамидом Гулямом, также определяются культурно-исторические особенности перевода поэмы на узбекский язык.

Ключевые слова: сопоставительный анализ, художественный перевод, романтическая поэма, текст — оригинал, текст — перевод.

Сопоставительно-типологический анализ текста — оригинала и текста — перевода поэмы помогает определить схожие и различные стороны рассмотрения главного образа и восточных реалий. Такой анализ предполагает определение путей сохранения особенностей перевода романтических произведений на узбекский язык, которому не свойственны традиции художественного направления в духе западно-европейского романтизма.

Определение лингвопоэтических и культурно-исторических особенностей перевода на узбекский язык поэмы А. С. Пушкина «Бахчисарайский фонтан» в современном узбекском литературоведении является важным, но недостаточно изученным. Поэтому рассмотрение данного вопроса определяет актуальность исследования и обеспечивает выявление основной его цели.

Имеющаяся в пушкиноведении традиция исследования, наблюдаемая в изучении поэмы «Бахчисарайский фонтан», требует постановки противоположных женских образов в сопоставительно-типологическом аспекте и рассматривается как основа художественного мира, пронизанного духом романтизма.

В исследованиях В. М. Жирмунского [1], Б. Томашевского [2], Н. В. Фридмана [3] подробно освещены стилистические стороны создания женских образов.

В процессе перевода поэмы на узбекский язык Х. Гулям старается сохранить в описании женских образов своеобразный метод, переливающийся восточный колорит. Но вместе с тем в тексте перевода должны проявляться своеобразные особенности национального художественного мышления переводчика. Например, в тексте оригинала о Марии сказано так: «Она цвела в стране родной» [4; 52], а в тексте перевода: «Уз ота юртида яшаб юрарди» [5; 133]. В традиционной стихотворной речи сравнение женской красоты с раскрывающимся цветком не препятствует стилистическому сверканию образа. Это свидетельствует о том, что переводчик воспринимает, осознает стилистику А. С. Пушкина, так как она очень близка к поэтике газелей. Х. Гулям переводит слово «цвела» посредством целого предложения. Таким образом переводчик применяет тактику перевода, выбранную с самого начала: для сохранения общей восточной романтической стили-

стики текста А. С. Пушкина в тексте перевода увеличивается количество слогов, а стихотворные строки значительно растягиваются. Доказательством этому могут служить строки:

Гирей сидел потупя взор, Ковок солиб ултирар Гарой,

Янтарь в устах его дымился, Кахрабо чилими татар тутун,

Безмолвно раболепный двор Дахшатли хон кузи олдида сарой

Вкруг хана грозного теснился. [4; 48] Сукут са-клуб, буйин эккандир бутун. [5; 129]

В описании образов Марии и Заремы переводчик старается сохранить присущее стилю автора различие образов. О Марии автор пишет так:

Все в ней пленяло: тихий нрав,

Движенья стройные, живые

И очи томно-голубые. [4; 52]

Х. Гулям дает характеристику образу Марии шире:

Унинг юшок хулки, баланд комати,

Жонли харакати, хуш латофати —

Уйчан тикилувчи мовий кузлари,

Нафис киликлар, ширин сузлари

Мафтун килар эди. [5; 134]

Переводчик почти точно описывает портрет Марии, но в целях усиления выразительности многое добавляет от себя, многое меняет. Например, не найдя более подходящего смысла сложному по своей структуре словосочетанию «очи томно-голубые», он переводит как «уйчан тикилувчи мовий кузлари». Здесь изменяется выразительность романтического образа: точно дается цвет глаз, но душевное состояние Марии, ее настроение не нашли своего точного выражения. Но, несмотря на это, Х. Гулям, сохранил в образе поэтическое живописание чистоты, безупречности и совершенства, передал образ пушкинской Марии на узбекском языке последовательно.

А. С. Пушкин пишет о Зареме — сопернице молодой Марии — с большой чувственностью, экспрессией. Образ Заремы гармонируется с богатой, роскошной, беспечной жизнью гарема. Эта гармония помогает описать Зарему — самый прекрасный цветок гарема, жизнь

в ней, изобилие, богатство, удовольствие, которые царят в гареме:

Но тот блаженной, о Зарема, Ва аммо, Зарема, кимки дунёга

Кто мир и негу возлюбя, Ва унинг завкига этса эътибор,

Как розу в тишине гарема Харам сукутида кириб сафога,

Лелеет милая тебя. [4; 51] Сени гулдай севга, уша бахтиёр. [5; 133]

Здесь переводчик не находит тех красивых, ярких, романтически окрашенных слов, способных выражать богатый разнообразный колорит оттенков значений. К примеру, слово «бахтиёр» по значению хотя и близко к слову «блаженный», а слова «завк», «сафо» — к слову «нега», однако они не подходят тому значению, которым наделяет их автор. Слово «севса» не подходит по смыслу слову «лелеать».

По художественному замыслу А. С. Пушкина, портрет голубоглазой Марии показан как антитеза портрету черноглазой Заремы (антитеза — противопоставление друг другу событий, образов путем усиления качеств описания). Об этом свидетельствует наличие резко отличающихся эпитетов, мелодичность и созвучность, организуемые «волшебную прелесть», обаятельность стиля поэта. Стараясь обобщить эти противопоставления, находить соответствующие слова и фразы узбекского языка, Х. Гулям, конечно, в первую очередь обращается к словарному запасу узбекского языка.

Надо отдать должное тому, что, хотя литературное богатство узбекского языка безгранично, но описаниям образов, выражениям и фразам А. С. Пушкина не каждый может подобрать соответствующие, эквивалентные слова и выражения.

Узбекский поэт при описании очаровательного голоса Заремы, ее страстного поцелуя приводит своеобразный авторский перевод:

Чей голос выразит сильней Оташ истакларинг хароратини

Порывы пламенных желаний? Ким сендан яхширок, байн этади?

Чей страстный поцелуй живей Ким бусаси блан ишк офатини

Твоих язвительных лобзаний? [4;52] Сендек адо килиб, аён этади! [5; 133]

В этом отрывке «порывы пламенных желаний» переводится как «оташ истакларинг хароратини», выражение «страстный поцелуй» — как простое «буса», «язвительные лобзания» — опущено.

Вероятно, узбекский поэт не знаком с мнением А. С. Пушкина по поводу выражения «язвительные лобзания», о котором он поделился с мыслями в письме П. А. Вяземскому. А. С. Пушкин полушутя, полусерьез писал другу: «Дело в том, что моя грузинка может и укусить, и это должно быть известно всем» [6; 61]. Из этого видно, что, по мнению А. С. Пушкина, этот эпитет полно-

стью отражает пламенную страсть, пылкие чувства грузинки Заремы, сгорающей от чувства ревности и не похожую на «снежную королеву» — холодную Марию. Поэт резко противопоставляет их различие.

Использованное А. С. Пушкиным выражение «язвительные лобзания» узбекский поэт в тексте перевода опускает, исходя из особенностей восточного менталитета, что говорит о мастерстве поэта-словесника.

Когда речь касается вопроса о восточных реалиях, переводчик использует другой прием. В поэме есть один фрагмент, описывающий ночь в Бахчисарае, каждодневный образ жизни крымских татар. Здесь дана реальная информация о традициях и обычаях крымских татар. Женщины, выполнив свои обязанности по дому, в конце дня собираются у одной подруги и беседуют, и эта традиция сохранилась и по сей день.

Покрты белой пеленой,

Как тени легкие мелькая,

По улицам Бахчисарая,

Из дома в дом, одна к другой,

Простых татар спешат супруги

Делить вечерние досуги. [4; 54]

Х. Гулям при переводе вводит в эти строки серьезные изменения:

Шунда бошларига ок румол ураб

Ва бир-бирларининг холини сураб

Оддигийна татар хотинлар бу дам

Гузал Бокчасарой кучаларида

Уйдан уйга лип-лип утади илдам. [5; 136]

В первой строке данного отрывка переводчик дает точную характеристику национальному костюму татар «ок румол» — белый платок. Это уточнение воспроизводит новое, восточное восприятие поэмы. Известный пушкиновед, ученый Н. В. Фридман, обращая внимание на этнографическое уточнение данного отрывка, утверждает, что здесь речь идет о «мусульманских, простых, бедных женщинах в парандже» [3; 109].

Однако ни в тексте-оригинала, ни в тексте-перевода не упоминается паранджа. В этом маленьком отрывке отразились художественное чувство и наблюдательность русского поэта, а узбекский поэт находит созвучие в восприятии Пушкиным традиций восточного мира. А. С. Пушкин, вероятно, не был знаком с названиями верхней одежды восточных женщин (здесь — крымских татар), но дал очень точное и выразительное описание. Х. Гулям смело вводит в текст-перевод свои изменения. Здесь ему понятно, что Пушкин изобразил женщин, не укутанных в паранджу, а с белыми платками на голове. Также мы замечаем сходные черты в мировоззрениях обоих поэтов: русский поэт, исходя из своих языковых возможностей, описывает определенное событие точно и доступно, а узбекский поэт, благодаря своему художественному мышлению, украшает его восточным орнаментом.

В целом, узбекский поэт своеобразно раскрыл сказочный сюжет, заложенный в основу текста-оригинала,

он как будто открыл то таинственное романтическое письмо мифического сюжета, поэтически описанного великим мастером слова А. С. Пушкиным: он то сближается

с содержанием текста-оригинала, то оригинально истолковывает некоторые строки, связанные с восточными реалиями.

Литература:

1. Жирмунский, В. М. «Байрон и Пушкин» — Л.: Наука, 1978. — с. 124–144.
2. Томашевский, Б. «Пушкин: книга первая (1813–1824)». М., Л., Изд-во АН СССР, 1956. — с. 498–512.
3. Фридман, Н. В. «Романтизм в творчестве А. С. Пушкина». — М.: Просвещение, 1980. — с. 88–110.
4. Пушкин, А. С. «Бахчисарайский фонтан. Сочинения». в 3 томах. Т. 2. Поэмы; «Евгений Онегин»; Драматические произведения — М.: Художественная литература, 1986. — с. 48–62.
5. Пушкин, А. С. «Бокчасарой фонтани». / А. С. Пушкин. Танланган асарлар». 4 томлик. Т. 2. Поэмалар. Эрта-клар. Н. Охундий тахририда. — Т.: УзССР, 1954. 127–144 бетлар.

Композиция рекламного текста

Кильдишова Алиса Сергеевна, магистр, ассистент

Казахский агротехнический университет им. С. Сейфуллина (г. Астана, Казахстан)

Данная статья посвящена исследованию композиционных составляющих рекламного текста. Рассмотрены и систематизированы различные подходы к классификации и определению основных и второстепенных компонентов.

Ключевые слова: рекламный текст, композиционный блок, заголовок, основной текст, эхо — фраза, слоган, справочные сведения.

Любой рекламный текст состоит из определенного набора элементов (или компонентов). Эти элементы можно перемешать, менять местами, их количество увеличить, уменьшить до тех пор, пока не будет получен новый облик или новый подход. Совокупность и объединение данных элементов и представляют структуру либо композицию текста.

Композиция текста это «расположение и соотношение компонентов художественной формы, т.е. построение текста, обусловленное его содержанием и жанром» [1, с. 164]. В. И. Клинг определяет композицию текста как «форму выражения и развития темы» [2, с. 69].

Средствами языкового выражения композиции являются делимость текста на части и сами эти части. В своем очерке Т. В. Матвеева вводит и использует термин «композиционный блок», поясняя, что «он создается соединением содержательной обособленности текстового фрагмента и его относительной структурной завершенности» [3, с. 145]. Текстовая выделенность композиционного блока достигается лексическими, грамматическими, контекстными, а также графическими способами (абзацное выделение, нумерация, пробел, смена шрифта и т.д.).

Композиционные блоки рекламных текстов неоднократно становились предметом исследований различных ученых, большинство из которых придерживались классической схемы, характерной для всех типов текстов, выделяя такие структурные части, как заголовок, вступление (зачин, экспозиция), основная часть и концовка

(заключение). Такой точки зрения придерживаются Кохтев Н. Н. [4, с. 69], И. А. Гильман и Н. С. Добробабенко. [5, с. 103], Е. А. Долуденко [6, с. 5], Д. Э. Розенталь [7, с. 31].

В «Справочнике по торговой рекламе» (1972) предлагается такая структура текста [8, с. 29–30]:

1. введение (пробуждающее интерес);
2. переход (подводящий к объекту рекламы и усиливающий интерес к нему);
3. информация об объекте рекламы (исходящая из идеи рекламы);
4. пояснение особых преимуществ рекламируемого товара с четкой аргументацией;
5. доказательство тех или иных положений (с привлечением свидетелей, включением соответствующих статистических данных поправок и т.д.);
6. призыв к определенным действиям (с акцентом на эффективность использования, информация и консультации по данному вопросу);

При таком подходе делается упор на план содержания.

Е. В. Медведева, при рассмотрении рекламы с позиции риторики указывает, что с точки зрения логоса, реклама использует определенные композиционные средства, способствующие превращению рекламы в уникальный вид текста [9, с. 28].

Е. В. Медведева предлагает выделить следующие компоненты рекламного текста:

- 1) слоган (или рекламный лозунг);

- 2) заголовок;
- 3) основной рекламный текст;
- 4) эхо — фраза (или кода).

Так к функциональным составляющим композиционных частей рекламного текста можно отнести заголовок, основной текст, эхо-фраза, слоган.

Рядученых выделяют также зачин и справочные сведения как составляющие композиции рекламного текста [10, с.24].

Лившиц Т.Н. разделяет составляющие рекламного текста на формальные и содержательные. К формальным относится справочные сведения, подписи и комментарии, графическая часть.

В данной статье мы придерживаемся общепринятой градации структуры текста на заголовок, вступление (зачин, экспозиция), основная часть и концовка (заключение) и дифференциации, предложенной Медведевой Е.В. и Лившиц Т.Н., а именно выделение эхо-фразы, слогана и формальных составляющих рекламного текста (справочные сведения, подписи и комментарии, графическая часть). Рассмотрим основные составляющие композиции рекламного текста.

Слоган в традиционном толковании — это рекламная фраза, в сжатом виде излагающая основное рекламное предложение и входящая во все сообщения в рамках рекламной кампании. Считается, что слоган — это краткое самостоятельное рекламное сообщение, способное существовать изолированно от других рекламируемых продуктов и представляющее собой свернутое содержание рекламной кампании [11, с.5]. Как считается, понятие «слоган» (sloga- ghairm) восходит к галльскому языку и переводится как «боевой клич».

Слоган нельзя рассматривать как нечто вынесенное за рамки основного текста; он представляет собой составную часть всего рекламного текста, связанную с ним особыми семантическими и структурными отношениями, поскольку слоган- это результат сжатия содержания основного текста, краткая формулировка его темы. Считается, что количество людей, которые замечают слоганы, в 4–5 раз больше людей, которые читают весь рекламный текст [12, с.230].

Ю.С. Бернадская в своей работе «Текст в рекламе» выделяет три основные направления построения слогана, обусловленных целями и задачами конкретной рекламной кампании:

1. Заявить о себе.
Dannet om Dannon- очень вкусный он!
Men's Health — правильный журнал для мужчин.
2. Выделить себя.
Tele2 GSM. Всегда дешево.
Кофе Monterrey. Лучший кофе с континента кофе.
3. Побудить клиента
«Зинерит». Проблемы надо решать.
«Иммунал». Отвыкайте болеть.

Бернадская Ю.С. также подчеркивает, что существуют определенные требования к слоганам, которые нужно учитывать как при составлении, так и при анализе [13, с.7].

Так, слоган должен:

- 1) отражать основную идею рекламного сообщения;
- 2) обладать высокой читаемостью и запоминаемостью;
- 3) быть кратким и точным;
- 4) быть оригинальным и выразительным;
- 5) соответствовать целям рекламной кампании;
- 6) соответствовать целевой аудитории;
- 7) иметь призывный, но не агрессивный характер.

Лингвисты отмечают, что слоган занимает одну из основных позиций в рекламе, выполняя как функцию представления информации о новом товаре или услуге, так и функцию убеждения и призыва приобрести их. Рекламный слоган отличается от рекламного заголовка положением по отношению к остальному рекламному тексту и функциональными параметрами.

Заголовок также играет важную роль. Именно в заголовке содержится суть рекламного обращения и главный аргумент. Важность заголовка обусловлена еще тем, что примерно 80% читателей пробегают глазами только заголовки, не утруждая себя чтением основного рекламного текста [14, с. 97]. Исходя из этого исследования, основная функция заголовка определяется достаточно легко. Через взаимодействие и взаимодополнение рекламного заголовка и изображения необходимо отразить суть рекламного сообщения. Втора базисная функция состоит в том, что он «должен привлечь внимание потенциальных клиентов и заинтересовать настолько, чтобы они прочитали и рекламный текст» [15, с.110].

Кроме основных функций рекламного заголовка, С. Мориарти выделяет еще несколько:

- 1) сегментация потребителя;
- 2) идентификация товара/ услуги;
- 3) продажа товара/ услуги.

Ю.С. Бернадская объединяет заголовки в две большие группы — прямого и косвенного действия [13, с.16–17].

Кафтанджиев Х. классифицирует рекламные заголовки по используемым коммуникативным техникам [16, с.51]:

1. *Заголовок — вопрос.* В заголовке задается вопрос, а решение этого вопроса читатель может найти в основном рекламном тексте. Главная цель такого заголовка — вызвать интерес: *Что придаст силы и энергии вашему ребенку?* (питьевой йогурт «Рыжий Ап!»), *Нужна ли реклама совершенству?* (автомобили БМВ).

2. *Заголовок — новость.* Для данного типа заголовка используется коммуникативная техника, ключевым словом которой является «новый» и его производные (новинка, новшество), а также синонимичные ему слова (первый, впервые, свежий и т.д.): *Новое слово в детском питании* (Агуша), *Новая губная помада с термальным концентратом* (Aquatic Shine)

3. *Заголовок — лозунг.* Воздействие данного заголовка основано на использовании восклицательной интонации и провозглашении, как правило, очевидных истин: *Здоровье — это красиво* (Vichy), *Свежий сон — свежее утро!* (Pampers).

4. *Заголовок — приказ.* Для заголовков этого вида свойственно использование глаголов в форме повелительного наклонения: *Выбери свой стиль* (Kotex), *Покажи себя во всем блеске!* (Dove).

5. *Заголовок — интрига:* привлекает внимание, используя различные стилистические средства, например, гиперболу (*В вашей власти остановить время* (косметика), окказионализмы (*Йогуртное питание* (лактобактерии) и т.д.

6. *Заголовок — решение проблемы* либо просто констатирует, что проблема решена: *Насморка больше нет!* (капли Долфин); либо показывает, как можно решить данную проблему: *У перхоти есть причины бороться Head&Shoulders.*

7. *Заголовок — свидетельские показания.* Главное преимущество этого вида в том, что в некоторой степени преодолевается недоверие потребителя. В качестве «свидетеля» могут выступать как известные личности, так и «простые смертные»: *Мой новый Бош такой компактный!* (реклама посудомоечной машины).

8. *Заголовок — парадокс.* Такой заголовок основывается на двух противоречащих друг другу суждениях: *Перхоть? Какая Перхоть?; Выбирая третью — вы все равно первый* (БМВ 3-й серии).

9. *Заголовок — отрицание.* В первой части заголовка дается факт, который полностью отрицается в следующей части. Х. Кафтанджиев подчеркивает, что воздействие этого заголовка может быть обусловлено эффектом контраста: *Гринфилд. Не меняет мир. Меняет настроение* (чай Гринфилд) [16, с.31].

Подзаголовок — мост между заголовком и основным текстом, подводящий читателя к восприятию рекламной идеи [8, с.112–113]. В подзаголовках могут найти отражение наиболее важные факты, не нашедшие отражение в заголовке из-за его краткости. Основная задача подзаголовка — усилить действие заголовка. Например, если в заголовке содержится обещание решения какой-либо проблемы, подзаголовок можно использовать для того, чтобы обострить озабоченность читателя этой проблемой. Для подзаголовков обычно используется более мелкий шрифт, чем у заголовков, но более крупный, чем основной текст.

Основной рекламный текст (информационный блок) является продолжением заголовка и подзаголовка и содержит более полную, чем в заголовочном комплексе, информацию. «Это основная часть текста, в которой описывается диапазон товаров/услуг, говорится о достоинствах рекламируемого объекта, его уникальных преимуществах, а также содержатся дополнительные сведения, призванные склонить потребителя к потреблению данного товара. Сюда также относятся указания на скидки и льготы, свидетельства в пользу товара привлекательных для клиента лиц, справки и статистические сведения, комплименты потенциальным клиентам, отстройка от конкурентов и др». [8, с.112–113].

В зависимости от композиции (построения текста рекламы) выделяется несколько моделей основного рекламного текста. Одна из классификаций дана в книге

Ю.С. Бернадской «Текст в рекламе», в которой выделяются несколько моделей:

Драматизированная реклама: реклама построена как драматическое действие, в которой есть сюжет, герои, развитие конфликта и его разрешение с помощью рекламируемого товара (услуги).

Принципы развития драматических сюжетов схожи и для рекламы, и для театра, и для литературы. В целом можно выделить несколько этапов развития сюжета: проблема (беда) — появление товара (волшебного средства) — разрешение проблемы — аргументация в пользу товара. Классическим примером драматизированной рекламы можно считать жанр «житейской истории».

Нарративная реклама: реклама — рассказ о каком-то случае или ряде случаев. Так же, как и в драматизированной рекламе, в нарративе присутствует конфликт, однако здесь все начинается не сразу с проблемы, а с экспозиции (место, время, характеристика героя) проблема же является вторым этапом. К нарративной модели часто обращаются в рекламе продуктов питания, ресторанов, алкоголя, автомобилей и т.п. В конце такой рекламы может быть некоторое поучение, характерное для сказок; это дополнительная аргументация, которая напрямую не связана с остальным текстом.

Рекламирование по аналогии (сравнительная реклама): в рекламе сопоставляются однородные представления, предметы и явления с целью объяснения одного через другое. Пояснением также может выступать изображение и другие визуальные средства. Преимущество аналогии обусловлены ее наглядностью, оригинальностью формы, возможностью интерпретации разными способами; с помощью аналогии легче объяснить незнакомое через знакомое.

Реклама — инструкция: рекламные аргументы подаются в форме инструкции по использованию рекламируемого товара/услуги. В таких текстах действия описываются через глаголы (например, *выберите, свяжитесь, нанесите* и т.д.), что создает высокую глагольную температуру, а значит, повышает читаемость текста.

Основной рекламный текст как перечисление: составляются различные виды списков, которые используются в зависимости от требования к рекламируемому товару. Эта модель чаще используется в рекламе одновременно нескольких разнообразных товаров. Задача такой рекламы — дать в одном сообщении общий (не детальный) обзор всех товаров, которые предлагает соответствующая фирма.

Модель — загадка: основной рекламный текст начинается с вопроса. Это может быть риторический или наводящий вопрос, некая лжезагадка, когда потребитель заранее знает ответы, либо настоящая загадка. Такая реклама выгодно отличается от обычных вариантов подачи информации и способна не только привлечь внимание, но и запомниться благодаря форме построения [13, с.29–30].

Х. Кафтанджиев также выделяет такую модель рекламного текста, как *свидетельства известных личностей и «простых смертных».* Свидетельства имеют одно основное преимущество в рекламе — через них внушение

о подлинности и достоверности аргументов доводится очень активно и с большими шансами на успех. Основная причина успеха в том, что потребители идентифицируют себя сознательно с этими людьми, их красотой, богатством или с некоторыми другими качествами [16, с.52].

Эхо-фраза — это фраза, заключающая рекламное сообщение. Одно из определений эхо — фразы гласит, что это «выражение или предложение, поставленное в конце текста печатного объявления, которое повторяет (дословно или по смыслу) главную часть основного мотива в объявлении» [16, с.167]. Могут использоваться различные варианты эхо — фразы: название торговой марки, слоган, отдельное предложение, которое может совпадать по смыслу с заголовком, обобщать рекламную идею или передавать основную информацию. Таким образом, эхо — фраза выполняет две функции — передает завершённый вид рекламному тексту и обобщает, подчеркивает, усиливает основную мысль рекламного текста.

Справочные сведения, подписи и комментарии можно отнести к рекламным реквизитам. Т.Н. Лившиц даёт определения этим категориям [17, с.112–113].

Справочные сведения содержат почтовые и банковские реквизиты, контактные средства связи (телефон / факс), номер лицензии, условия поставки.

Подписи и комментарии — широко используемые средства, которые не только поясняют, что изображено на фотографии или иллюстрации, но и дают дополнительную информацию. В отличие от подписей, комментарии соединены с элементами рисунка или фотографии при помощи линии

или стрелки. К элементам дополнительного воздействия также относятся разнообразные вставки, выделяемые звездными рамками или другими графическими средствами.

Графическая часть обычно представлена разнообразными средствами. Сюда относятся не только выделительные средства (орнаменты, рамки, шрифты, цветовые пятна, упорядочивающие знаки), но и средства, представляющие собой визуализацию содержания (рисунки, фотографии, карты — схемы).

Рассмотрев составляющие элемента композиции рекламного текста, можно сделать вывод, что, каждый структурный элемент текста не существует сам по себе и сам для себя: он включен в общую систему, которая действует для выполнения единой цели и тем самым сохраняет системность рекламного текста. В зависимости от замысла автора, выбора средств распространения рекламного сообщения и других факторов, элементы рекламного текста могут варьироваться, изыматься и заменяться тем самым устраняя монотонность, которая может возникнуть в результате многократного повторения рекламного обращения.

Возможность варьирования элементов рекламного текста свидетельствует об открытом, динамическом, развивающемся характере рекламного текста. Открытость рекламного текста не противоречит категории целостности, поскольку даже в сокращённом варианте любого текста обязательно присутствуют наиболее значимые структурные элементы: формальные показатели начала и конца, знаки идентификации, самые необходимые содержательные компоненты.

Литература:

1. Литературный энциклопедический словарь // Под ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. — М.: Советская энциклопедия, 1987. — 751 с.
2. Клинг, В. И. Композиционно-тематический аспект обзорной статьи // Текста в функционально-стилевом аспекте // Науч. тр. МГПИИЯ им. М. Тореца, 1988. — Вып. 309. — с. 66–74.
3. Матвеева, Т. В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий: Синхронносопоставительный очерк. Свердловск, 1990. — 172 с.
4. Кохтев, Н. Н. Динамический синтаксис в рекламе // Русская речь, 1991. — № 5. — С.67–72.
5. Гильман, И. А., Добробабенко Н. С. Практика рекламы: Десять уроков для современного бизнесмена: Учебник. — Новосибирский филиал СП «Игтербук». — 1991. — 142 с.
6. Долуденко, Е. А. Тексты технической рекламы, их семантико — синтаксическая и прагматическая характеристики (на материале английского языка) // автореферат дис. ... канд. филол. наук. — Пятигорск. 1998. — 25 с.
7. Розенталь, Д. Э., Кохтев Н. Н. Язык рекламных текстов: Учеб. Пособие дл фак. Журналистики ВУЗов. — М., 1981. — 236 с.
8. Справочник по торговой рекламе» / Пер. с нем. — М. 1972. — 78 с.
9. Винарская, Л. С. Информационная структура рекламного текста: дис. ... канд. филол. наук. — М. 1995. — 198 с.
10. Морозова, И. А. Слагая слоганы. — М. Издательство «РИП — Холдинга», 1998. — 172 с.
11. Мокшанцев, Р. И. Психология рекламы — Москва — Новосибирск, Издательство «ИНФРА-М», 2000. — 352 с.
12. Бернадская, Ю. С. Текст в рекламе: учеб. пособие / Ю. С. Бернадская. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008. — 288 с.
13. Кафтанджиев, Х. Гармония в рекламной коммуникации // Христо Кафтанджиев. — М.: Эксмо, 2005. — 366 с.
14. Джули Дирксен. Искусство обучать. М. Издательство: Манн, Иванов и Фербер, 2013. — 276 с.
15. Н. В. Аниськин, Т. Б. Колышкина. Модели анализа рекламного текста: учебное пособие / Н. В. Аниськин, Т. Б. Колышкина. — М.: ФОРУМ; НИЦ ИНФРА — М, 2013–304 с.
16. Кафтанджиев, Х. Тексты печатной рекламы: пер. с болг./ под ред. М. Дымшица. М.: Смысл, 1995. — 134 с.
17. Лившиц, Т. Н. Специфика рекламы в прагматическом и лингвистическом аспектах: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 Таганрог, 1999. — 213 с.

К вопросу перевода художественной литературы (на примере стихотворения Иоганна Вольфганга фон Гёте «Прекрасная ночь»)

Киселева Виктория Андреевна, студент;
Куимова Марина Валерьевна, кандидат педагогических наук, доцент
Национальный исследовательский Томский политехнический университет

*Жизнь познается из книг и произведений искусства,
быть может, еще в большей степени, чем из самой
жизни*

Теодор Драйзер

Художественная литература является отражением менталитета народа, его культурных традиций, устоев, национального характера, поэтому ее перевод играет важную роль в процессе межкультурной коммуникации.

К художественной литературе относятся:

- романы;
- повести;
- пьесы;
- поэмы;
- рассказы;
- басни;
- стихи;
- сонеты и т.д.

Перевод художественных произведений связан с рядом трудностей в передаче:

- идиом;

- каламбура;
- пословиц и поговорок;
- эвфемизмов;
- языковых реалий [2].

Художественный перевод предполагает передачу двух видов информации:

- объективной (перевод информации текста вне зависимости от частного истолкования);
- субъективной (осмысление, понимание, интерпретация исходного текста контрентным переводчиком) [1].

Извлечение информации из текста требует от переводчика знаний не только исходного художественного текста, но и его исторической принадлежности.

Для анализа художественного перевода, мы возьмем оригинал и два перевода стихотворения Иоганна Вольфганга фон Гёте «Прекрасная ночь» [1]:

Johann Wolfgang von Goethe «Die schöne Nacht»	А. А. Фет «Прекрасная ночь»	А. Кочетков «Прекрасная ночь»
Nun verlaß ich diese Hütte, Meiner Liebsten Aufenthalt, Wandle mit verhülltem Schritte Durch den öden, finstern Wald. Luna bricht durch Busch und Eichen, Zephir meldet ihren Lauf, Und die Birken streun mit Neigen Ihr den süßen Weihrauch auf. Wie ergötz ich mich im Kühlen Dieser schönen Sommernacht! O wie still ist hier zu fühlen, Was die Seele glücklich macht! Läßt sich kaum die Wonne fassen! Und doch wollt ich, Himmel, dir Tausend solcher Nächte lassen, Gäb mein Mädchen Eine mir.	Вот с избушкой я прощаюсь, Где любовь моя живет, И бесшумно пробираюсь Под лесной, полночный свод. Лунный луч, дробясь, мерцает Меж дубами, по кустам, И береза воссылает К небу сладкий фимиам. Как живительна прохлада Этой ночи здесь в тиши, Как целебна тут отрада Человеческой души. Эта ночь томит, врачуя, Но и тысяч равных ей Не сменяю на одну я Милой девушки моей.	Покидаю домик скромный, Где моей любимой кров. Тихим шагом в лес огромный Я вхожу под сень дубов. Прорвалась луна сквозь чащи: Прошумел зефир ночной, И, склоняясь, льют все слаще Ей березы ладан свой. Я блаженно пью прохладу Летней сумрачной ночи! Что душе дает отраду, Тихо чувствуй и молчи. Страсть сама почти невнятна. Но и тысячу ночей Дам таких я безвозвратно За одну с красой моей.

Сравнивая данные переводы, на наш взгляд, более точным является перевод А. Кочеткова, так как А. А. Фет

старался больше сохранить рифму, а не передать дословное содержание стихотворения.

Таким образом, можно сказать, что перевести текст со всеми его особенностями практически не возможно. Потому что ни один человек не знает, с каким настроением автор писал свое произведение, или какие именно чувства вложил истинный создатель в свое творение.

Художественный перевод требует больших усилий от переводчика, так как предполагает передачу художественно-эстетического достоинства оригинала, проникновение в культуру носителей языка и их фоновые знания.

Литература:

1. Бахмутова, Е. В. Стратегии переводчика при переводе художественного текста // В сборнике: Проблемы лингвистики и перевода глазами молодых исследователей. Пермь, 2012. с. 3–16.
2. Мусина, Е. В. Трудности перевода художественного текста // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 23 (277). с. 78–81.
3. Liebesgedichte von Johann Wolfgang von Goethe (1749 bis 1832). URL: <http://www.poesie-liebesgedichte.de/goethe/die-schoene-nacht.htm> (дата обращения 17.05.2015).

Стандартизация международной технической терминологии как один из способов решения проблемы международной коммуникации

Комарова Елена Васильевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель
Пензенский государственный университет архитектуры и строительства

Данная статья посвящена рассмотрению особенностей стандартизации международной технической терминологии. Являясь международной и по содержанию, и по форме, стандартизация значительно облегчает решение проблемы международного профессионального общения. Решение данной проблемы равносильно решению проблемы международной языковой коммуникации вообще. Языковая политика направлена на установление однозначных соответствий между национальными терминологиями. Учитывая интернациональный характер человеческого мышления, был выдвинут принцип унификации признаков понятий, положенных в основу образования терминов в разных языках.

Ключевые слова: *иностраный язык, калькирование, международная коммуникация, научная литература, процесс обучения, стандартизация, текст, техническая терминология.*

Язык специальной научной литературы отличается от литературного языка наличием большого количества предложений с однородными членами, которые порой значительно отдалены от того слова, к которому они относятся. Стремление к объединению в одном предложении логически связанных понятий приводит к группировке вокруг одного смыслового ядра большого числа второстепенных членов, а стремление к точному изложению мыслей — к распространенности вводных конструкций и к расположению определяемого и определяющего по принципу максимальной компактности.

Технический язык является специализированным языком, полученным путем пересечения знаковой системы конкретной науки и знаковой системы обычного языка. Поэтому решение проблемы профессионального общения специалистов, говорящих на разных языках, почти равносильно решению проблемы международной языковой коммуникации вообще. Усилия специалистов направлены на поиски путей совершенствования перевода, как письменной речи, так и устной.

Семантика каждого отдельного слова уникальна, однако благодаря регулярности полисемии все многообразие семантических структур может быть сведено к определенному конечному числу слов. Моделирование семантической структуры многозначного термина позволяет прогнозировать развитие его новых значений.

Известно, что внеязыковой фактор, влияющий на полисемию, заключается в отражательной способности мышления. Так, при номинации новых понятий, предметов или явлений действительности, человек использует не только новые слова, но и уже имеющиеся лексические единицы, которые получают новое значение в результате метонимизации, метафоризации, а также генерализации и специализации старого значения. Так в языке отображаются разнообразные связи и отношения объектов действительности. Однако наше сознание не только отражает различные связи между объектами, но и обнаруживает определенную регулярность этих связей, что также находит свое отражение в языке. Основные законы мыслительной деятельности универсальны, однако модели соотношения значений в пределах этих типов различны. [1, с. 104]

Языковая политика направлена на установление однозначных соответствий между национальными терминологиями, вытекает из общепринятой предпосылки, что логический строй мысли одинаков у всех людей, говорящих на разных языках. Учитывая интернациональный характер человеческого мышления, был выдвинут принцип унификации признаков понятий, положенных в основу образования терминов в разных языках, что обеспечивает возможность буквального перевода и тем самым способствует решению проблемы международного языкового общения.

Калькирование как лингвистический прием создания технической терминологии получил массовое распространение в терминологической практике разных стран. Однако следует избегать слепого калькирования, то есть калькирования без учета законов русской семантики и русского словообразования.

Стандартизация калькированных терминов является гарантией их однозначного понимания специалистами, говорящими на разных языках. Преимущество кальки по сравнению с заимствованными терминами, сохраняющими форму языка-источника, такое же, как между словами с мотивированным и немотивированным значением. Однако калькирование осуществляется далеко не всегда. Типология языка оказывает существенное влияние на результат перевода. Особенно трудно снять кальки с европейских языков на языки Востока.

Трудности возникают часто при выборе национального термина как объекта калькирования. Логичней было бы использовать принцип приоритета, то есть снимать кальку с термина той страны, где впервые возникло данное понятие. Применение приоритета к уже сложившейся терминологии потребовало бы пересмотра всей терминологии, поэтому этот принцип можно применить только ко вновь возникающим техническим понятиям.

Создание терминологии, интернациональной по содержанию и национальной по форме, создание которой составляет одну из задач международной стандартизации языка, обеспечивает возможность буквального перевода. Этой цели отвечает интернационализация метафорических признаков, положенных в основу обозначения технических понятий.

В качестве интернациональных метафор, принятых в большинстве языков, можно привести следующие примеры: выносливость (металла), усталость, баня (водяная, песочная), воздушная подушка, морщины (вид дефекта), сбеги (резьбы), переплет (оконный), выпотевание, старение (металла).

Возможности различного подхода к оценке свойств объектов материального мира обуславливают различные способы их обозначения, из которых та или иная национальная терминология использует в каждом конкретном случае, как правило, только один. Между тем во всех таких случаях речь идет не о различиях национальных типов мышления и национальной психологии, а о различиях способа обозначения [3, с. 785].

Различия между языками могут быть и другого рода. Например, в русской терминологии нет языковой единицы для обозначения объекта, выражаемого английским термином *crates*. Поэтому в русском языке используется описательная конструкция «ящики-корзины». Восполнение пробелов в национальных терминологических системах должно проводиться методом сопоставления уже сложившейся национальной терминологии с требованиями классификационных систем во всех отраслях науки.

Как известно, каждая отрасль представляет собой систему с конечным числом объектов и число терминов в системе — строго заданная величина. Если бы принцип «один языковой объект — одна языковая единица» действительно бы управлял стихией языка, то принятие единых классификационных систем в науке и технике привело бы к одинаковой номенклатуре терминов в разных языках. Однако на практике все обстоит иначе. Русскому термину «проба» в английском соответствует два: *sample* и *specimen*. Первый предпочтительно употреблять по отношению к сыпучим, жидким и газообразным веществам, второй — к твердым веществам. Русский язык такого различия не проводит. С другой стороны, английскому термину *defect* в русской терминологии соответствуют два термина: «пороки» (естественные дефекты: пороки дерева, кожи) и «дефекты» (механические, технологические и так далее).

В тех случаях, когда интернационализация признаков понятий при образовании терминов в разных языках не представляется возможной, следует ограничиться установлением стандартных соответствий или точнее несоответствий между национальными терминами.

Стандартизация технической терминологии, международной и по содержанию, и по форме, значительно облегчает решение проблемы международного профессионального общения. Она осуществляется в следующих трех аспектах:

1. Создание терминологии, международной и по форме, и по содержанию.
2. Построение терминологии, международной по содержанию и национальной по форме.
3. Установление однозначных несоответствий между языками. [2, с. 115]

Для терминологии новых отраслей науки особенно характерна подчиненность общеязыковых отношений отношениям кодовым. Терминотворчество в новых отраслях науки происходит уже по установившимся моделям. Поэтому стандартизация технической терминологии в этих отраслях выливается в задачу стандартизации самих моделей терминов. В модели термина необходимо различать постоянные и переменные величины. Постоянная величина — это специализированная морфема: ее грамматическое значение определяется ее специализацией. Переменные величины — это конкретные морфемы, вероятность появления которых полностью определяется материальными предпосылками в самом развитии той или иной отрасли науки. Такие недостатки, как недостаточность и избыточность информации, присущие многим терминологическим

системам, формирование которых не носило планомерного характера, затрудняют процесс перевода. Устранение этих недостатков составляет задачу как международной, так и национальной стандартизации технической терминологии.

Международная стандартизация технической терминологии способствует решению проблемы перевода научно-технической документации, однако до конца все равно не может решить данную проблему.

Литература:

1. Алексеенко, Т.А. Моделирование семантической структуры многозначного термина // Иностранный язык в сфере научного общения: лингвометодические проблемы, 1986. — С.100–115.
2. Веселов, П.В. Некоторые вопросы международной стандартизации технической терминологии // Вопросы лингвистики и методики преподавания иностранных языков, 1968. — № 1. — с. 112–118.
3. Комарова, Е.В. Структурно-грамматический анализ предложений в процессе преподавания иностранного языка в техническом вузе // Молодой ученый. — 2015. — № 8. — с. 784–786.

Молодой ученый

Научный журнал
Выходит два раза в месяц

№ 11 (91) / 2015

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

Ахметова Г. Д.

Члены редакционной коллегии:

Ахметова М. Н.
Иванова Ю. В.
Каленский А. В.
Лактионов К. С.
Сараева Н. М.
Авдеюк О. А.
Айдаров О. Т.
Алиева Т. И.
Ахметова В. В.
Брезгин В. С.
Данилов О. Е.
Дёмин А. В.
Дядюн К. В.
Желнова К. В.
Жуйкова Т. П.
Игнатова М. А.
Коварда В. В.
Комогорцев М. Г.
Котляров А. В.
Кузьмина В. М.
Кучерявенко С. А.
Лескова Е. В.
Макеева И. А.
Матроскина Т. В.
Мусаева У. А.
Насимов М. О.
Прончев Г. Б.
Семахин А. М.
Сенюшкин Н. С.
Ткаченко И. Г.
Яхина А. С.

Ответственные редакторы:

Кайнова Г. А., Осянина Е. И.

Международный редакционный совет:

Айрян З. Г. (Армения)
Арошидзе П. Л. (Грузия)
Атаев З. В. (Россия)
Борисов В. В. (Украина)
Велковска Г. Ц. (Болгария)
Гайич Т. (Сербия)
Данатаров А. (Туркменистан)
Данилов А. М. (Россия)
Досманбетова З. Р. (Казахстан)
Ешиев А. М. (Кыргызстан)
Игисинов Н. С. (Казахстан)
Кадыров К. Б. (Узбекистан)
Кайгородов И. Б. (Бразилия)
Каленский А. В. (Россия)
Козырева О. А. (Россия)
Куташов В. А. (Россия)
Лю Цзюань (Китай)
Малес Л. В. (Украина)
Нагервадзе М. А. (Грузия)
Прокопьев Н. Я. (Россия)
Прокофьева М. А. (Казахстан)
Ребезов М. Б. (Россия)
Сорока Ю. Г. (Украина)
Узаков Г. Н. (Узбекистан)
Хоналиев Н. Х. (Таджикистан)
Хоссейни А. (Иран)
Шарипов А. К. (Казахстан)

Художник: Шишков Е. А.

Верстка: Голубцов М. В.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.
За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231.
E-mail: info@moluch.ru
http://www.moluch.ru/

Учредитель и издатель:

ООО «Издательство Молодой ученый»

ISSN 2072-0297

Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», г. Казань, ул. Академика Арбузова, д. 4